

Эрих Мария РЕМАРК

Я жизнью жил
пьянящей
и прекрасной...

Возвращение с Западного фронта

Эрих Мария Ремарк

**Я жизнью жил пьянящей
и прекрасной...**

«АСТ»

1998

УДК 821.112.2-6
ББК 84(4Гем)-44

Ремарк Э.

Я жизнью жил пьянящей и прекрасной... / Э. Ремарк — «АСТ»,
1998 — (Возвращение с Западного фронта)

ISBN 978-5-17-083311-5

В этот сборник вошли тексты Ремарка, никогда ранее не публиковавшиеся на русском языке, – дневниковые записи, письма и стихи, которые он писал всю жизнь. Один из величайших писателей XX столетия предстает в этом сборнике обычным человеком, – человеком, переживающим бурные романы и драматические разрывы с любимыми женщинами, с ужасом наблюдающим за трагедией одержимой нацизмом Германии 30-х, познающим неустроенность трудной жизни в эмиграции и радость возвращения домой после войны. Человеком, умевшим дружить и любить и даже в самые нелегкие времена не терявшим своеобразного, чуть саркастического юмора. Человеком, которого не могла изменить ни бедность и безвестность, ни всемирная слава...

УДК 821.112.2-6

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-083311-5

© Ремарк Э., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Письма	6
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Эрих Мария Ремарк

Я жизнью жил пьянящей и прекрасной...

- © The Estate of the Late Paulette Remarque, 1998
- © Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/ Germany, 1998
- © Перевод. В. Куприянов, 2018
- © Перевод. А. Анваер, 2018
- © Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2018
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Письма 1917–1970 Избранное

*Георгу Миддендорфу. Бат. I.R. 15, II. Саперная рота Бете
Торхаут, 01.08.1917 (среда)*

Дорогой Допп!

Лежу теперь в Торхауте в лазарете, но иду на поправку. Я почти не пострадал, легкие ранения, никаких болей, скоро уже все пройдет. Муку ты можешь на этот раз послать домой в маленьких полевых почтовых пакетах, хорошо упакуй – Луизенштр., 28. И еще сало в котелке. Мои чулки и прочие вещи можешь пока взять себе, я сообщу тебе мой адрес или скоро зайду сам. Здесь я могу основательно отоспаться.

Большой привет.

Твой

Эрих.

*Георгу Миддендорфу. I.R. 77. Германская полевая почта 744
Дуизбург, 25.08.1917 (суббота)*

Дорогой Допп!

Как твои дела? Хорошо! У меня все в полном порядке.

Я уже бегаю, могу выходить, когда захочу, получаю добрую еду и сердечность – что еще можно пожелать! Мой запасной батальон I.R. 78 в Оснабрюке. Туда меня позже отправят!

Здесь, в канцелярии, я получил должность писаря. Надеюсь остаться при ней подольше. Придется положиться на везение и старание. Когда ты меня наведишь? Скоро? Учись ружейным приемам, или что там у вас? Уже побывали в окопах? Кто еще ранен? Как там наш любимый капрал? Передавай ему мой большой привет. Ты видишь, у меня куча вопросов, на которые ты когда-нибудь ответишь моему

Эриху Ремарку.

*Георгу Миддендорфу
Дуизбург, 26.09.1917 (среда)*

Дорогой Допп!

Прости за долгое молчание. Умерла моя мать, поэтому я уехал в Оснабрюк и мне было не до писем. Я тебе обо всем расскажу. Кольраутц, который получил ранение в живот, через несколько дней скончался. И представь себе: Тео Троске, раненный в пятку, получил еще три ранения в голову. Несчастный парень тоже умер через несколько дней. Вимана* я встретил в Оснабрюке. У него осколочное ранение снизу через бедро в область живота. Осколок еще в нем. В. будет через несколько дней направлен в зап. батал. I.R. 15. Кранцбюлер потерял ногу до колена. Он в городской больнице и в очень плохом состоянии.

Мясник Товер ходит на костылях. Это была сердечная встреча! Да, ты еще не знаешь: у меня новое ранение в шею! В остальном в Оснабрюке все по-прежнему. Я побывал в школе – Бок совсем плох! Он хочет поехать на воды. Я встретил его на Хазештр., когда он подвозил какую-то женщину, поскольку Клеменс исчез: «Черт возьми, фрау, где же Клеменс? Он, конечно, остался дома?» – «Да, парень, я не знаю. Я его не видела!» При этом Клеменс стоял

рядом с ним и с ним разговаривал. «Вот как, тогда я вам желаю скорого выздоровления». В школе все как обычно. Папу Хильтера* я здорово вывел из себя. Еще бы несколько шпилек по поводу дезертирства, и я бы с удовольствием его покинул. Адольф как раз купил огурцы, когда я пришел. Понимаешь, почти все 99-го года на фронте. Здорово, да?

Меня еще не скоро выпишут, раны зарастают плохо. Плевать! Не буду об этом сокрушаться. И как твои дела, Допп, мой дорогой? И что с моей постелью? И с Антигоной? И как там с обмотками у маленького ефрейтора, и Шеффлера, и капрала? И со всеми короткими штанами? Если ты можешь мне написать адреса товарищей, напиши, пожалуйста. Большой привет Джонни, Боргельту, Трапхенеру и пр. знакомым.

И ты, дорогой Допп, в своих русских сапогах и со своей прожорливостью напишешь, конечно, и довольно скоро твоему

Жирыге.

Георгу Миддендорфу

Дуизбург, сентябрь/октябрь 1917

Блистательный Допп, мошенник мой любимый!

Сердечное спасибо за открытку. Итак, мои раны все еще не залечились. Но я принял меры, которые еще долгое время позволят мне занимать койку в лазарете и дальше флиртовать с дочкой всемогущего госпитального инспектора*, а также помогать в качестве писаря канцелярского. Думаю, если вдруг чудесным образом не упадет кирпич с крыши мне на голову или что-то подобное ужасное не случится, то морозную зиму пережить удастся. Можно будет прогуливаться, когда захочется, шалить со стойкой рейнской девицей, устраивать фортепьянные концерты, изображая виртуоза, вызывать глубокое сочувствие у сестер из Красного Креста и провожать их до дому.

Таков субъект всеми здесь любимый. С отдельной комнатой и мягкой постелью. Музыцирует, почитывает и вспоминает часто своих друзей, милый Допп! Хотел бы я таким хитрецом оставаться. Заходить в канцелярию и заигрывать с дочкой инспектора, давать уроки музыки докторским детям. Оставаться в лазарете блестяще и смиренно едяще.

О великолепное жаркое свинячье!

Всем товарищам по саперной роте привет. Стараясь быть хитрее и оставаясь самим собой и товарищами любимым,
Жирующий!

Пиши же мне о своей жизни, как вы там. Имею большой интерес *как пишущий роман**.

Георгу Миддендорфу

Дуизбург, 10.01.1918 (четверг)

Дорогой Допп!

Сочувствую тебе от всего сердца! Вот дерьмо, в такой холод в воронках карабкаться, с застывшими ногами и руками стоять в карауле и вообще уже больше не быть человеком. К нам недавно пришел санитарный поезд из Камбрая. Ребята тоже очень жалуются на холод и лед на фронте. У них притом ужасные ранения, ампутации, раны величиной с детскую головку, перебиты кости и подобное. Мне иногда кажется преступлением, что я здесь сижу в тепленьком местечке. Как там, собственно, сейчас у вас? Расскажи мне об этом; ты знаешь, меня это очень интересует!

Тебя уже повысили в звании?

Есть ли уже у тебя знак отличия?

Сколько вас еще осталось?

Хочет ли Джонни все еще стать офицером?

Что поделывают Шеффлер и капрал возлюбленный?

О Зеппелях ты, конечно, тоже ничего не знаешь.

Где вы были на Рождество и на Новый год?

Впрочем, прими поздравления к обоим праздникам; чтобы ты сберег и дальше свое брэнное тельце; возможно, с легким ранением попадешь в Дуизбург. Тогда сразу получишь у нас назначение в канцелярию.

Я на Рождество и на Новый год не был в отпуске в связи с отменой отпусков.

Но Рождество и Новый год были здесь очень приятны. Медицинские сестры ходили с ангелочками и зажженной новогодней елкой, было много подарков в каждой палате, где бедные парни лежали в постелях и от волнения даже не могли петь старые рождественские песни. Многие прикрывали глаза руками, я видел, как взрослые люди плакали, как дети, и их сердечную тоску и тоску по дому доверяли белым подушкам. Я, собственно, должен был помогать при сюрпризах, так как каждому из раненых поручили вручить в подарок от города – по три буханки хлеба.

Это Рождество мы оба, пожалуй, никогда не забудем: ты в развалинах, крови, дерьме и смерти; я в лазарете.

Но война все же скоро закончится, и мы снова встретимся.

Если я попаду в запасной батальон, я прежде всего посмотрю, удастся ли мне снова вернуться к вам. Я бы хотел снова оказаться вместе с тобой. Возможно, ты уже станешь капралом, и я попаду под твоё командование. Но тогда тебе придется со мной непросто.

О семинаре я больше ничего не слышал. Я постараюсь узнать, что там нового, и сразу поделюсь с тобой. Или знаешь что? Что поделывают коллеги? Надеюсь, никто из них не погиб?

Огромный мирный привет.

Твой

Жирияга.

Людвигу Бете

Дуизбург, 19.10.1918 (суббота)

Дорогой господин Бете!

Ваши стихи меня очень порадовали своим тонким стилем. У Вас я нашел то, что я особенно люблю – настроение! Я всегда представляю себе стихи как картину. Как в картине следует держаться совершенной гармонии линий и красок, избегая лишних цветов, выбирать очень тщательно, так и в стихах. Краски – это слова, и линии – это звуки. Надо тщательно подбирать каждое слово, каждое слово дает общей картине оттенок или цвет. Возьмем Ваше первое стихотворение. Если бы Вы сказали: «Из *далеких* лесов прихожу я», тогда бы с самого начала в стихотворении прозвучала бы робкая печаль, нежное веяние. Тогда бы показались и следующие слова о вечерней заре глубокими: «тяжелые кроны деревьев» и «поднялись выше башен». Вы должны были бы написать: «Из *голубых* лесов» – это подходит к глубине, к цветовому настроению стихотворения. Это создает прекрасную картину, голубые леса и красное золото вечера. То, что линии в картине, то и звучание в стихах. Под звучанием я понимаю скорее внешний выбор слов. Напр., слово в «Сумерках»: «Umwacht!» Очень здорово! Это великодушное мягкое w – «Umwacht» – сразу слышишь низкий темный звон колокола! Или: «Da fährt die Seele sacht» – здесь слышишь лодку.

Сон в сумерках. Тот, кто вдруг очнулся, медленно поднимает лицо, последнее сияние отражается в нем, он говорит из глубины своей взволнованной души. Это может быть началом вашего стихотворения. Это сумерки, но цветные. Не весенние – или осенние сумерки, – нет,

эти сумерки – сумерки души! Мир дышит в Ваших стихах, но не глупый вечный мир, нет, это мир преодоления! Можно видеть, что Вы днем без усталости бились над проблемой: Бог – Мир – Жизнь, – чтобы вечером открыть свои душу и сердце чудесному миру желаний всей природы. И вижу в Ваших стихах не только мечтателя, но и бойца! Зримое тому доказательство я нахожу в последнем стихотворении. Это Ваша манера, наша манера! Детская песня приносит избавление. Если кто-то ищет мира в Канте, Шопенгауэре, Ницше и его не находит, тогда пусть ему принесет забвение и мечту сладкая песнь дрозда, блаженная арфа бродячего ветра. «Умиротворение – в тишине! Вечно мятежный дух! Это он! Вечное томление! Всегда желать большего, чем дано! Природа требует, чтобы я никогда не был доволен! Без усталости дальше и еще дальше! Звезды как цель! Возможности растут с желаниями! Человек настолько ценен, насколько он идеалист! Я люблю людей, которые жертвуют идее свое бытие. Отчаянные! Неудержимые! Мы молоды, это великолепно!» – говорил Гете.

Ваш
Эрих Ремарк.

Лотте Пройс
14.11.1918 (четверг)

Лолотта!

Нашло безумие с паучьими лапами и когтями грифа из глухих углов бесформенного хаоса и снова вцепилось в мой лоб – но ночами я, сжав зубы, боролся с ним и повергал его ясным щитом моей воли, но Оно снова ясно и торжествующе вставало надо всем! Теперь я опять в каменоломнях подоплеки мира, по ту сторону слов и ощущений, и вокруг меня простирается мировая скорбь, необъяснимая мировая скорбь – но такова судьба знающих.

О Лолотта, мне часто не хватает твоих рук – ибо лоб часто пылает от насмешек и вокруг рта горят морщины, морщины высокомерия, этого тяжкого проклятия (о мог бы я его отринуть; но это сомнительное существование снова и снова воспламеняет его во мне). Иногда ночами, Лолотта, ты бываешь со мной – ты сидишь у моей постели и говоришь: «Милый, любимый» – и все это были мечты о тебе!

Так течет день за днем – ноябрь со звоном распадается под моими руками, и все сияние осени раскалывается в моих вопрошающих глазах, – о, припади к моему сердцу и поцелуй меня! Поцелуй меня! Ибо в твоём сердце брезжит мир, и я хочу его прочувствовать в тебе! Лолотта, любимая, – я, сияющий, растекаюсь вокруг твоего возлюбленного существа и держу тебя крепко! О, я знаю все! У кого еще есть более тонкий инстинкт к тебе, чем у меня? Но я улыбаюсь только уголками губ! Кто бы мог еще в моем окружении посметь без моей воли помыслить такое. Я знаю только одного соперника, который равен мне, одного ужасного: это я сам! Все остальное я отведу прочь левой рукой! Я не борюсь; я смеюсь до смерти! Ты влетела в мою жизнь! Я люблю тебя!

Эрих.

Карлу Хенкелю
Оснабрюк, 28.11.1918 (четверг)

Дорогой господин Хенкель!

Бывают стихи, которые целиком исходят из поэта, как драгоценные жемчужины; никто не знает ни кому они принадлежат, ни какого они рода. Они вечны. Подобные стихи удаются любому поэту (то есть поэту!) два, три, пять раз. Но бывают и стихи, которые пульсируют в крови творца; в каждом движении, каждом слове, каждом образе вновь узнаваемы черты поэта – это уже другие стихи. (Стихи!) Как по картине пытаются угадать мастера, так же по стихо-

творению поэта. И тут я хотел бы опять перевернуть мое первое высказывание, ибо и в вечных стихах можно увидеть лик поэта, но в некоем большом зеркале – зеркале всеобщего-или-чисто-человеческого. И это я хотел бы сказать о Вашей новой книге стихотворений: чувствуется, что за каждым из них стоите Вы! Не вызывающе, не горделиво или отдаленно; нет, совсем тихо и спокойно, с добрыми глазами и руками. Чтение для меня было настоящим праздником. Я брал каждое стихотворение в руки, как драгоценный камень, и рассматривал на свет – и я радовался, когда отблеск красоты преломленных цветных лучей попадал в мою душу. Что особенно всегда прекрасно у Вас, это полнота! Смиренная сила! Ощутимое присутствие целого при полной любви в разработке частного. Это так прекрасно, тепло и богато у Вас. Более того, если у меня лишь два-три копыя пронзают воздух, у Вас в то же время в нем трепещут парус, флаги и цветы. Мне не хватает этого благоприобретенного богатства, которое идет из глубин уверенного в самом себе покоя, я же иногда богат, иногда беден. И в часы этой моей бедности я охотно обращаюсь к Вам, чтобы пить из Вашего источника.

Многие стихи – это тонкие мосты и наведение мостов назад к своей земле. Я же все еще не вернулся к себе. Не полностью! Но я чувствую порой, как что-то возникает во мне – это мосты, которые помогут мне вернуться. И если при этом читаешь стихи, в которых находишь родственное настроение, тут же молниеносно приходит прозрение! Но это должно быть родственное стихотворение. С обычными лирическими помоями я больше не хочу иметь ничего общего. Беспомощно я останавливаюсь перед все тем же вездесущим журчанием. Раньше еще удавалось вливать томление и душу в пустые видения и таким образом оживлять бледные тени! Теперь это уже не удастся. У меня уже нет того перехлеста для подобных излияний. Тысячи пор во мне уже закрылись. Теперь я могу выносить только *подлинную* лирику – не такую, которая не прочувствована, но именно прочувствованную, не надуманную, но пережитую, не игру, но необходимость. Из преодоления бытия и собственного «я» пробивается вечный голубой цветок. Таковы Ваши стихи, дорогой господин Хенкель, и я не знаю, как мне Вас благодарить за то, что Вы мой ментор, что Вы все время умело и непринужденно указываете мой путь! В Ваших стихах я чувствую усилие Вашей руки и доброту Ваших глаз! В то время как другие стихи вызывают только недоверие, находишь ли в них кровь или помой, над Вашими можно доверительно закрыть глаза и следовать за Вами в сады благороднейшей человечности и красоты, не боясь разочароваться. Я беру всегда, когда у меня вечером есть время, одно стихотворение, и моя душа с наслаждением медленно смакует его, так же, как мое тело бокал благородного вина. Не пропустить ни одной частности, но и целое не упустить из виду! Дорогой господин Хенкель, Вы понимаете, что я пишу Вам сейчас только общие слова; я ошеломлен всей полнотой. Если бы я захотел приблизиться к тонкостям и красотам отдельного стихотворения, реминисценциям, парадоксам, созвучиям, захотел бы перечислить все красоты, мне пришлось бы написать целую книгу. И все равно бы осталось последнее и лучшее невысказанным, ибо это все не выразить словами. Я переживаю каждое стихотворение, в каждом я отыскиваю душу и бываю поражен, когда она открывается мне. У Вас находишь все! Серебряное, небесно-голубое блаженство с розовой поволокой (Эдуард Мерике), дружелюбную улыбчивую силу и радостное настроение (в застольных песнях), раздумчивую сосредоточенность (старая родина), дары от полноты владения (юные гости), юность! (к новой юности), мощное напряжение, суровую борьбу, спасение, смущение, восторг, экстаз, бурю и покой! И надо всем этим золотая и серебряная птица света – идете ли Вы в ночи и во тьме, лицо всегда исполнено света!

Дорогой господин Хенкель, я бы хотел Вам еще многое высказать и написать, о крепких выражениях, в которых Вы мне представляетесь одним из истинных, старых крестьян, подобных королям, – они не склонялись ни перед кем из князей и славились подобными изречениями! Обо всем, все бы я хотел рассказать Вам, но я не могу облечь это в слова – тогда я хочу взять Вашу книгу и насладиться ею.

Эрих Ремарк.

Неизвестной
18.02.1919 (вторник)

Дорогая фройляйн Мими!

Я копаюсь в старых письмах, расписках, воспоминаниях, и мое грубое сердце смягчается, и моя одинокая воля закрывает глаза, чтобы открыть дорогу мечтам. И вот теперь! Пусть вечерний ветер еще раз мне споет старую песню, я бы хотел забиться в угол дивана и смотреть на маску Бетховена – придите, мечты! Позади меня зевает пропасть, там погребены многие желания и надежды. Я поднимаю взор и иду своей дорогой дальше, где еще более ярко брезжит утренняя заря, ибо там должно, должно наконец взойти солнце, солнце, которое и мне принесет желанный мир и покой. Быть может, это будет даже хладная смерть – но об этом я не хочу писать; простите меня, но если вечер, одиночество, сумерки и печаль по горячо любимому ушедшему* смешались, тогда легко пишешь что-то сбивчивое. Я пишу Вам, потому что я верю, что найду у Вас понимание. Надеюсь, что Вы меня не проклинаете до основания – Вы не станете обличать другого человека из-за его слабости и безволия, но Вы скорее сами возьмете себя за косу – Вы вряд ли будете использовать доверительные слова в качестве оружия и стрел против того, кто не может себя защитить. Вы сумеете по-иному защитить свои прелести и не станете так обращаться со своими друзьями – Вы будете точно знать, чего человек стоит, Вы не откажетесь так легко от него – Вы сможете. Но я так далеко, и тени ночи уже смыкаются надо мной. Мне уже приходилось слышать от других достаточно упреков, даже обличений, – я буду молчать, хотя я мог бы говорить. Не исключено, что я мог бы своими речами снова добиться высокой дружбы, тогда бы все предстало в ином свете, но я молчу, ибо меня не поняли. Вы были мне, быть может, наиболее близки. Поэтому я пишу Вам. Я далеко – я же привык к скитаниям и расставаниям, – я не вернусь, я могу многое вынести, тем не менее я поднимаю голову и хочу сказать Вам на прощание: несмотря ни на что, я вижу сейчас все в розовом свете, придет скоро час, и мне воздастся по справедливости! Тогда я, возможно, снова понадобится. Позовите меня тогда! Я приду! И я помогу! Несомненно! Я не хочу ни мстить, ни насмеяться, ни иронизировать, не буду требовать благодарности! Я приду, помогу – и пойду дальше своим путем. Если *мой* путь горек и тернист, кого это волнует! *Мне* еще ни разу не захотел помочь ни один человек, всегда *мне* приходилось оказывать помощь – обо мне никто не спрашивает. Это действительно так. Я и теперь помогу – это будет мое последнее доказательство дружбы! Возможно, подобное предложение от такого негодяя и мерзавца, как я, покажется Вам странным, но, поверьте, это правда! Я в долгу перед Фрицем. И в этом я остаюсь человеком: я обязан ему, единственному человеку, которого я действительно любил, вернуть долг, какой бы крови мне это ни стоило. Возможно, Вы мне не верите – ко мне стали так подозрительно относиться – вдруг, – но нет: Вы верите мне! Я это знаю! И это объясняется тем, что Вы во мне видите (тоже) человека, в то время как прочие видят сатану, дьявола, экспериментатора, бессердечного эгоиста. Поверьте мне еще и в этом: возможно, что из всех нас именно я меньший эгоист! Это звучит гордо, и самохвальство пахнет горелым; и все же я утверждаю это! Это было моей борьбой последних лет: долой свое «я»! Я слишком много жил для других людей, я слишком был беспечен к самому себе. И тут я хотел бы сказать Вам самое ужасное, что я натворил: два человека ругались слишком много и были настроены друг против друга. У них был один общий знакомый. Он попытался представить им последний компромисс и последний выход, чтобы помочь им обоим. И тут он понял: ты сумеешь помочь обоим, но в итоге потеряешь обоих, если они не сумеют помыслить более возвышенно и широко. Но он включил в себе эгоиста и сказал себе: «Пусть думают, что хотят, – все должно хорошо кончиться». Его предположение оправдалось. Но отнюдь не до конца; напротив, всю вину свалили на него – что он должен был сделать? Ему бы не следовало пытаться помочь им *обоим*. Он должен был встать определенно на сторону кого-то *одного* и определенно выступить против другого. А так он стал

громоотводом. Еще, впрочем, стало его виной и то, что он выбрал слишком смелый прием. Он должен был думать более буржуазно, просто сказать: «Это меня не касается». Но зачем я говорю о событиях, которые уже прошли? Я хотел бы с Вами как-нибудь подольше поболтать целый спокойный, милый и примирительный летний вечер об этом и не только, человеческом и слишком человеческом. Жаль, ветер шумит, и моя лодка стоит наготове! Куда плыть? Наверное, к утренней заре или в закатную смерть – кто знает, что такое жизнь человека, воля человека, вера человека, свершение человека? Поверьте мне: гораздо важнее, что в ночном небе ветер гонит тяжелые тучи, чем в тысячный раз этот вопрос, вечный, на который никогда не будет ответа. То там, то тут вспыхивает звезда – когда видишь такое, все это скверное прошлое кажется таким жалким и незначительным, что хочется улыбнуться. И Вы теперь улыбаетесь – именно этого я и хотел; ибо с улыбкой я бы хотел проститься с Вами. Я не любитель высоких слов и трагических сцен. Потому я с улыбкой желаю Вам всего доброго, позовите меня, если я Вам понадоблюсь. С улыбкой я протягиваю Вам руку, как будто я завтра увижусь с Вами снова, – и все же я в последний раз говорю с Вами от души и остаюсь навсегда для всех пропавшим без вести. Авантюрист

Эрих Ремарк.

Неизвестной

03.03.1919 (понедельник)

Дорогая... [текст отсутствует]

...не могу передать, насколько я обрадовался Вашему письму. Только одно омрачает меня: мое молчание, вероятно, бросило тень на Вашу сестринскую доброту и доброжелательность. Я этого не хотел. Вы должны меня достаточно хорошо знать, чтобы сознавать, как я обрадуюсь. Я сам не могу и не хочу быть умеренным в том, что касается человечности и жизнерадостности. Прекрасно, когда встречаешь человека, свободного от филистерских предрассудков и нервных ограничений, бескорыстного и доброжелательного.

Теперь я хочу рассказать Вам, почему я молчал. Вы бы не нашли во мне хорошего собеседника. И у Вас были свои тяжелые времена, потому я не хотел бы навязывать Вам еще и мои. Я знаю, что Вы хотели сказать, поверьте мне, но это так. Бывают дни, когда человек должен оставаться один! И я должен был преодолеть душевную катастрофу* – у судьбы тяжелые кулаки. Но в воскресенье, в сияющий день, я нашел в себе силы отбросить это, гордо поднял голову, повязал своей собаке веселую розовую ленту, при сиянии солнца вддел в свой Железный крест сережку вербы, надел свои знаки отличия лейтенанта (каковым я сейчас являюсь) и вышел мужественно и благородно на прогулку, так что филистеры вытаращились на меня. Вот каков я!

Но шестого марта, или нет – тогда я буду слишком печален, – в среду, пятого марта, вечером около семи часов я появлюсь на [текст отсутствует] улице. Надеюсь, что я тогда не помешаю. Если Вы хотите в другое время, назначьте мне, пожалуйста, я приду; я в настоящее время не в школе, я солдат, но могу договориться в любое время, мне нужно только предупредить и расписаться. Вы не должны позволить себе сломаться, это никому не позволительно, это хуже, чем смерть. Я хочу Вам помочь, если я это смогу, для этого я достаточно решителен. Я бы хотел помочь всем людям. Потому я стал спартаковцем и работаю для спартаковского движения с полной отдачей. Ибо это самое лучшее и самое человеческое в данное время. Мы поговорим и об этом, и я постараюсь в этом Вас убедить, вопреки всему меня часто причисляют к классу разбойников. Но не стоит принимать во внимание болтовню людей. Такое происходит на каждом шагу. [текст отсутствует] Голову выше! С открытым лицом, с твердым кулаком и сердцем, Ремарк! В этом цель и задача!

Ваш

Эрих Ремарк.

Я прошу вернуть это письмо с обратной почтой.

Карлу Хенкелю
Оснабрюк, 27.03.1919 (четверг)

Дорогой господин Хенкель!

Из мучений, заблуждений и радостей я наконец вынырываю на какой-то момент. Мир бурлит, и моя юность бурлит вместе с ним. Я снова более-менее здоров и чувствую пьянящую полноту моих двадцати лет. Это слишком! Я бы хотел непрерывно расправлять руки и грудь навстречу дыханию жизни! Придите, чудесная жизнь, все муки, страдания и воздух, в это сердце! Весь блеск в этих глазах, чтобы их ослепило от избытка внутреннего света, чтобы лопнул сосуд от всех потоков, чтобы мои берега затопило этим приливом, так, чтобы я умер от избытка жизни и снова воскрес, потому что я не могу умереть от полноты и молодости, потому что я сам поток, прилив и жизнь, поток потоков, прилив приливов, жизнь жизни и блаженнейшая юность юности! Юность – это жизнь, и смерть, и вселенная, и Бог! Вечная юность! Божественная юность! Натиск против старости и мудрости! Золотое дурачество! Натиск против практического, разумного! О, эти ограниченные! Всеведущие! Нет! Все силы напрягать стараться ради цели, даже признавая, что она невозможна или напрасна; или: именно потому, что она невозможна! В этом молодость и величие!

Вы улыбаетесь, господин Хенкель! Да, но Вы не насмехаетесь! Это так! Ибо Вы тоже в нашем числе, годы не в счет, только сердце. И так как Вы среди нас, Вы воскресаете в каждом мае, Ваше сердце бьется в такт с нашими. Пусть это будет радостный привет Вашему острову с нашего пестрого корабля и привет и призыв к отваге: не отказывайтесь от борьбы! Новые силы прибывают, юность идет на штурм, Ваше дело – это наше дело, Ваша борьба – это наша борьба, Ваша победа это наша победа! Это знак того, что жизнь и творчество велики и подлинны были и будут, если это вдохновляет юность! И Ваш труд тоже наш, господин Хенкель, мы храним верность Вам, мы, грядущие, молодые!

Эрих Ремарк.

Дешану Бранду
Оснабрюк, 28.08.1920 (воскресенье)

Господин Дешан Бранд!

1. К выплаченной Вами сумме Вы забыли причислить квартирные деньги.
2. Согласно указу министерства, представителям (что также касается участников войны) может быть выплачено полное жалованье. Я рассчитал сумму, и Вы ее выплатили. Как председатель школьного правления Вы должны знать, что Вы обязаны его выплатить. Кроме того, Вы должны выплачивать жалованье ежемесячно, чего Вы не сделали.
3. Выплаченное Вами жалованье выплачивается в большинстве общин, да, в некоторых значительно большее, на том основании, что после 01.04.1920-го выплаченное общиной государственное жалованье при последующем вычете авансов и вследствие нового регулирования содержания общин снова погашается государством. Вы получаете все представительские деньги, начисленные государством, в земельных училищных кассах. *Мое жалованье составляет ежемесячно 550 марок, из которых в настоящее время выплачено 420 марок. Остаток выплачивается позже. При этой доплате вычитаются деньги, выплаченные общиной. Выплаченная Вами сумма будет при последующем расчете снова вычтена государством; если Вы*

заплатили мне 300 марок, у меня будет вычтено только 300 марок, таким образом, у меня будет вычтена сумма, за которую я расписался. Выплаченная мне сумма остается той же, с той разницей, что я имею сейчас только незначительную ее часть и поэтому при расчете получу меньше. И Вы в любом случае получите Ваши деньги в соответствующем пересчете.

4. Я эти деньги уже потратил и не могу их вернуть обратно. Вы же можете сообщить в окружное управление сумму выплаты, которая будет Вам возвращена при конечном расчете.

Я хотел бы еще раз заметить, что Вы как председатель школьного правления должны знать сумму выплат и небольшой размер выплаченного мне жалованья, но только законную максимальную сумму, которая должна быть выплачена и является официальной.

На Ваше замечание, могу ли я сейчас разобрать Ваш почерк, должен Вам с похвалой сообщить, что Вы его значительно улучшили, если Вы и дальше будете прилежно упражняться, то сможете достичь замечательных успехов.

Эрих Ремарк, учитель.

Окружному школьному советнику Хоргебе. Окружное управление. Отдел школьного образования

12.09.1920 (воскресенье)

В Окружное управление. Отдел школьного образования
Через господина окружного школьного советника Хоргебе

11.09.1920 г. господином окружным школьным советником Хоргебе мне было зачитано письмо господина пастора Бранда из мон. Берссена, в котором он извещает окружное управление о способе выплаты жалованья. Об этом я могу сообщить следующее.

Данные господина пастора Бранда не соответствуют действительности! Выплата происходила так: в моем личном письме в окр. отд. школьного образования я спрашивал, будет ли община после 01.04.1920 г. вообще платить деньги. Я упомянул, что я за три с половиной месяца, с 15.04.1920 г. по 31.07.1920 г., получил надбавку к жалованью. Мне ответили, что я якобы потребовал жалованье за этот период. Так как председатель школьного правления ни в конце мая, ни в конце июня (как положено в конце каждого месяца) мне ничего не выплатил, я написал ему за несколько дней до начала летних каникул письмо, в котором сообщал, что окружное управление осуществляет выплату жалованья через общину, и последнее составляет, и по моему разумению состоит из содержания и квартирных денег, в точности (по данным господина пастора Бранда мне эта сумма более не положена) 472,45 марки. Я попросил его как предс. школьного правления выплатить мне эту сумму. Я особо обратил его внимание на то, что я господину пастору Бранду *никаких* квитанций не посылал, это было бы глупо с моей стороны, поскольку квитанция все-таки предоставляется только *после* выплаты. Я далее предположил, что господин пастор, как обычно, должен был дать распоряжение к выплате главному школьному бухгалтеру, господину учителю Нибергу (с которым у него были довольно натянутые отношения), и говорил с ним об этом. К нашему обоюдному удивлению, он этого не сделал, напротив, дал распоряжение управляющему. События, которые я могу клятвенно подтвердить, происходили так:

Я пришел в хозяйство управляющего. Он был на месте и сказал мне: «Господин Дешан сообщил, что я должен выплатить Вам жалованье». Я заметил с удивлением: «Это же, собственно, должен сделать господин Ниберг, он же главный школьный бухгалтер». Управляющий (со смущенной улыбкой): «В школьной кассе, скорее всего, не хватает денег. Я был сегодня у господина Дешана, он и *сказал мне*, что я должен выплатить Вам жалованье. Сколько Вы получаете?» Я: «Я точно уже не помню. Я об этом написал господину Дешану». Управляющий:

«Дешан мне тоже написал. Пойду проверю». Он прошел в свою комнату, вернулся, назвал сумму и выплатил ее мне. Затем попросил меня заполнить квитанцию. Он дал *мне* формуляр. Я его заполнил и спросил, достаточно ли этого. Он подтвердил и взял квитанцию. Я ушел и рассказал об этом господину учителю Нибергу. Вот так все точно и было. Заявления господина почетного декана и пастора *не соответствуют* действительности! Вследствие этого я должен сохранить это письмо! Мои личные заметки в данном письме – лишь реакция на высказывания указанного госп. в его письмах ко мне.

Поскольку господин Дешан имеет обыкновение сообщать даже такие частные дела в окружное управление, что мне совсем не нравится, я считаю, что надо иметь достаточно мужества для самостоятельного решения частных проблем вместо того, чтобы прятаться за инстанциями и коварно клеветать (это выражение я употребляю с полной ответственностью), потому вкратце объясняю следующее.

Между господином учителем Нибергом и господином Дешаном Брандом были весьма натянутые отношения. Виновником тому является господин Дешан Бранд, потому что он не хотел платить епископально предписанные сборы на органиста. Это выражалось в тысячах оскорблений со стороны господина Дешана в адрес господина учителя Ниберга, в клеветнических доносах в окружную школьную инспекцию и т. д. Господин учитель Ниберг заявлял неоднократно, что его тяжелая нервная болезнь, которая вынуждала его уйти в отпуск, имела своей единственной причиной мучения, доставляемые ему господином Дешаном. Господин Дешан буквально довел до отчаяния его семью. Дочь* прежнего учителя Вольберса, учительница фрл. Вольберс, часто жаловалась господину Нибергу, что господин Дешан *точно таким же* образом обращался с ее семьей. (Заповедь: «Любите врагов ваших»...) *Я прошу об этом справиться у самого учителя Ниберга!* Господин Дешан довел его до того, что господин Ниберг был вынужден обратиться с жалобой к господину генеральному викарию, так как господин Дешан во время причастия просто прошел мимо его дочери (13 лет), в чем господин генеральный викарий принял сторону господина Ниберга.

Подобным же образом господин Дешан счел возможным обращаться со мной. Он в один из дней послал за мной одного из учеников с указанием, что я *должен* явиться к нему. Там он набросился на меня с самой дикой *руганью*, заставив стоять, как школьника. Из его речи у меня в памяти осталось только следующее: «Вы обязаны чаще ходить в церковь. Вы очень плохой пример для молодежи. Вы плохо преподаете религию, потому что дети на молитве в церкви произносят последнюю просьбу из «Отче наш» неотчетливо. *В школе Вы вообще ничему не учите!* Я сразу же подумал, что так и будет, когда Вы сняли комнату у господина Ниберга».

При этом посещении я сказал господину Дешану, что я буду *каждодневно* следить за детьми в церкви. Однако господин Дешан, хотя я был рядом, сам сопровождал детей после окончания мессы. Я его дважды просил, чтобы он предоставил это *мне*, и он пообещал. Тем не менее он этого *не* делал, и я присутствовал, как глупый ребенок, так что люди уже начали обращать на меня внимание. Тогда я перестал вмешиваться в дела этого господина.

Я понимаю, что человек является собственно продуктом своих обстоятельств – но все это для меня было уже слишком. Кроме того, господин Дешан выступал против моего положения и против моего коллеги. Я миролюбив и толерантен; но если кто-то полностью несправедливо ударит меня по правой щеке, то я с той же силой отвечу. Я решительно не могу терпеть подобные беспочвенные оскорбления. С тех пор господин Дешан продолжал свои издевательства надо мной. Он имел обыкновение писать свои письма карандашом, без обращения, на каком-то рваном клочке бумаги, порой даже без конверта. Одно из них я отослал ему назад как нечитабельное. Господин Дешан не смог удержаться, чтобы не поиздеваться: «Надеюсь, теперь Вы можете разобрать мой почерк», что и стало причиной моего замечания.

Я хотел бы подвергнуть *большому сомнению правдивость* господина Дешана Бранда, по этому поводу господин учитель Ниберг и господин адвокат Шлихт из Зегеля могут дать все показания, которые будут весьма неприятны господину Дешану.

Я прошу весьма настоятельно воспользоваться такой возможностью и выслушать по этому делу господина учителя Ниберга и господина купца Зандера!

Я отвечаю за каждую букву моего письма.

В заключение я хочу еще раз заметить, что мне крайне неприятно копаться в частных делах с целью защиты от чужих нападков, и я очень сожалею о способах борьбы господина Дешана Бранда и очень ему сочувствую.

С величайшим почтением,

Ваш покорный слуга

Эрих Ремарк.

Дешану Бранду

Оснабрюк, 08.11.1920 (понедельник)

Господину Дешану Бранду

На Ваше письмо я сообщаю еще раз:

1. *Вы* лично отдали распоряжение управляющему по выплате мне спорной суммы. Вы, председатель школьного правления, *который обязан знать, сколько он должен выплачивать*.

Я сам могу Вам доказать, что я в прежних местах получал такое же жалованье, иногда и больше, как, например, в Берсене. Я с полной уверенностью дал сведения, которые могу подтвердить из моего... [текст отсутствует] Свидетель: господин учитель Ниберг.

2. Выплаченное жалованье составляет только часть положенного мне содержания, которое я все еще не получил полностью. Вы ничего не теряете, поскольку эта сумма будет учтена окружным управлением и земельной школьной кассой.

3. Денег у меня нет.

Я Вам уже писал: Вы обязаны сообщить окружному управлению сумму, так как она должна быть рассчитана в ближайшее время.

Что касается Ваших прочих замечаний, то даже не надейтесь, будто я буду удовлетворен этим решением окружного управления. Я более чем заинтересован в том, чтобы разоблачить переданные Вами в окружное управление ложные данные о выплате мне жалованья.

Вы не сможете меня запугать; я побеждал и не таких противников!

Но страшитесь того момента, когда я потеряю терпение и забуду о Вашем возрасте. На Ваше «Я с радостью пойду дальше» судебное разбирательство дало бы мне возможность вскрыть Ваши *лживые* показания. Я сделаю все, что в моих силах, для донесения этого до широкой общественности. Лакомая пища для социал-демократической прессы*! У меня есть еще кое-что про запас, что может доставить Вам большие неприятности! Я терпел. Но если священнослужитель подает в инстанции ложные сведения и при этом еще хочет поиздеваться, тогда все это следует прекратить! Итак, в бой! Я не боюсь! До сих пор я побеждал любого противника! Я прав и потому веду борьбу открыто! Я с улыбкой готовлюсь к Вашему первому удару, ибо я настолько порядочен, чтобы предоставить его Вам!

Эрих Ремарк.

В Окружное управление. Отдел церковей и школьного образования

Оснабрюк, 16.11.1920 (вторник)

В отношении письма от 08.10.1920, II. 4/13 С

На Ваше вышеупомянутое письмо я сообщаю следующее:

1. Благодарю Вас за сообщение относительно положенного мне содержания.

2. Я весьма сожалею, что оставлены без внимания мои серьезные обвинения, которые я выдвинул против господина Дешана Бранда в моем последнем письме (переданного господином окружным школьным советником Хоргебе) касательно клеветы и т. д. Я также назвал в этом письме соотв. свидетелей и попросил Вас это дело тщательно рассмотреть! Я еще раз прилагаю свое заявление и прошу Вас, если Вы не можете принять его к рассмотрению, не желаете переслать в школьную коллегия или в министерство и дать мне соответствующий ответ, то верните его, чтобы я передал его дальше.

Я считаю себя вправе вести борьбу с господином Дешаном Брандом с широкой оглаской и с привлечением моих связей с прессой*.

3. В заключение Вы пишете: «Ваши личные замечания по поводу почерка господина Дешана Бранда мы вынуждены признать неуместными».

На это я сообщаю: данное замечание нахожу еще более неуместным по следующим причинам:

А) Как Вы сами пишете, это замечания «личные». Я не нахожусь *ни в каких служебных* отношениях с господином Дешаном Брандом. Следовательно, Вы не имеете ни малейшего права критиковать мои *личные* дела.

Если я вдруг скажу моему соседу, что он скверный человек, и он пойдет к Вам с жалобой, тогда будет логичным, что Вам придется пожурить меня от лица господина окружного школьного советника. По службе Вы можете мне все сказать, но о моих *личных делах* я доверяю судить только себе!

Б) Я должен признать ваше замечание не только полностью несправедливым, но и весьма *поспешным*. Вы позволили себе критику на основе лишь моего письма, не зная о том, что мне предлагал *господин Дешан Бранд прежде* в своих письмах, так что с моей стороны, скорее всего, было проявлено большое добросердечие, поскольку я не грубо, но вдумчиво-юмористически ответил на эти письма. Прежде чем критиковать, следует принимать во внимание *все* обстоятельства дела, а не судить на основании знакомства лишь с его незначительной частью.

С высочайшим почтением,

Эрих Ремарк.

Я посылаю это письмо на Ваш адрес, поскольку не знаю, кто является преемником господина окружного школьного советника Хоргебе.

Отправитель: Эрих Ремарк

Оснабрюк

Хакенштр., 3

Стефану Цвейгу

Оснабрюк, после 22.06.1921

Господин Стефан Цвейг!

Я пишу Вам с самоуверенностью человека, для которого всегда было только или – или, и с тем правом, которое есть у каждого сочинителя! Мне 23 года, я был мальчиком для битья

у родителей, перелетной птицей, пастухом, рабочим, солдатом, самоучкой, учителем, писателем. Я нахожусь в данный момент в таких хитросплетениях судьбы, в таком страшном творческом борении (ибо для меня творчество отнюдь не литературное или академическое занятие, но кровавое поприще, когда речь идет о жизни и смерти), так что я нуждаюсь в людях, способных мне помочь. Мне сейчас нужен человек, который мог бы мне что-то подсказать, к которому бы я питал безусловное доверие, которому бы я мог верить и *следовать*! Я не знаю никого другого, кроме Вас! Ибо Вы обладаете таким тончайшим чувством, проникновением, пониманием другого, какого я до сих пор не находил больше ни в ком. Речь идет как раз о том: Вы не должны сказать, является ли путь, которым я сейчас иду, верным! Я хотел бы послать Вам некоторые отрывки, возникшие в моей борьбе со словом, и услышать Ваш приговор.

Простите меня, если я не соблюдаю формы вежливости. Я поставил на карту все, и самое последнее, я цепляюсь всем своим существом за малейшую надежду. Пусть и враждебен мир вокруг меня, все разбивается в беспощадном свете моих глаз, мои собственные насмешки и унижения пожирают мою жизнь; но снова и снова громогласно встает во мне загадочная звездная радуга и омывает меня в мучительном одиночестве и в еще оставшемся счастье движения вперед. Для меня речь идет о жизни и смерти. Или я сломаюсь, или я пробьюсь. Так прочно связаны во мне жизнь и творчество, что я никак не могу отделить их друг от друга и безмерно страдаю от того и от другого. Затравленно бегу я от них под тяжестью вопросов и страшной муки осознания своей миссии и стою теперь на краю пропасти: действительно ли это моя миссия, или это только ухмылка скопившихся противоречий, разьедаемых дикими битвами и галлюцинациями миссионерства? Тогда лучше сразу в пропасть – в легкое как пух ничто.

Я обращаюсь к Вам, господин Цвейг, и прошу Вас как человек человека: напишите мне, могу ли я послать на Ваш суд несколько стихотворений, которые высыпались как осколки в дикой борьбе за крупное сочинение. Я не могу себе позволить включить их в это письмо.

Подумайте, что для меня это вся жизнь! Лихорадочны и болезненны будут для меня те часы, когда я буду ожидать Вашего ответа, и слишком легко может сломаться натянутый лук моего бытия, поэтому я не могу не повторить еще раз мою просьбу: пожалуйста, дайте мне как можно быстрее Ваш ответ.

С глубочайшим почтением,
Эрих Ремарк.

*В Окружное управление. Отдел II в Оснабрюке
Ганновер, 20.11.1922 (понедельник)*

В отношении письма II С6/13 № 10/11 от 16.11.1922

Сейчас я являюсь зав. отд. рекламы и главным редактором «С. & G. P. Со.», Ганновер. Срок увольнения ежеквартально в первых числах.

На временные должности я не соглашаюсь. Речь может идти только о постоянной; но я настаиваю на срочности, так как имею вполне приличное содержание и могу себе позволить уступить место кому-нибудь из нуждающихся коллег.

Я отправляюсь этой зимой за границу, поэтому даю Вам только выше упомянутый адрес; мне оттуда всегда дадут знать; поддерживать связь из-за границы было бы для Вас и меня обременительным и также достаточно бесполезным.

С высочайшим почтением,
Эрих Мария Ремарк.

*Карлу Фогту
Ганновер, 07.08.1923 (вторник)*

Дорогой Карл!

Я как раз вернулся из путешествия и нашел твое письмо. Хорошо, что ты опять обращаешься ко мне, я всегда готов, если у меня есть время, быть в твоём распоряжении, чтобы выразить свое мнение. Ты, впрочем, не должен считать, что это значит некое окончательное объективное отношение; зачастую со временем мнение человека меняется весьма решительно, но даже самое объективное восхваление, в конце концов, является субъективным.

Своим вопросом о чиновничестве ты затрагиваешь проблему, которая важна не только с профессиональной точки зрения, но и для мировоззрения в целом.

Ты прав, чиновник – раб своей профессии. Он раб своего заработка и своей деятельности, он всегда занят расчетами, сколько он заработал за десять лет и кем он был эти десять лет. Свободная профессия гораздо более приятна. Под такой профессией я понимаю такую деятельность, которая предоставляет неограниченную возможность для развития, пусть даже это будет предпринимательство. Но, в конце концов, любая профессия, как бы она ни была свободна, станет обузой. Поэтому нельзя подчинить себя профессии. Прежде всего надо быть человеком, а потом уже чиновником или предпринимателем – или кем бы кто ни был в выборе своей цели. Профессия должна прежде всего служить тому, чтобы добывать средства, необходимые для жизни. Но средства не должны становиться целью, а профессия, если она не полностью соответствует желаниям человека, не должна быть главным делом его жизни. Как бы это странно ни звучало, но можно соответствовать своей профессии, весьма даже соответствовать, не будучи крепко привязанным к ней, так же как можно выполнять работу без внешних признаков, таких как пот, спешка или излишнее тщание. Надо взять в привычку находиться превыше всех вещей. Если ты будешь стараться время от времени размышлять о том, что все, что ты делаешь, по большей мере через сто лет станет никчемным как для тебя, так и для всего человечества, и если ты задумаешься однажды, сколько работы совершается без всякого смысла, тогда все это подвигнет тебя к пониманию, что является важным, а что нет.

То, что ты пишешь о своих путешествиях, я весьма приветствую. Ты прав, именно неопределенность в жизни имеет особую притягательность. Когда полагаешься на случай, это часто придает бытию весьма своеобразное настроение. В этом, впрочем, есть определенное доверие к самому себе, чтобы в решающий момент принять правильное решение. Попытайся при этом однажды это воззрение перенести на прочее твое существование, естественно, в границах и мерах, ибо нельзя жить только одним днем и предоставить все Господу Богу. И вот еще что: доверяй только себе, ни в коем случае не другим. Всегда имей в виду, что бразды держишь именно ты. Ты не представляешь, насколько слабы и легко управляемы люди. Тот, кто скажет: я могу и хочу, тот пробьется всегда; поскольку все только и ждут того, кто их поведет. Если представить людей как овец, ты будешь весьма удивлен, как мало среди них найдется вожаков-баранов и что иные овцы только своим бляением и суетливостью вызывают в других убеждение, будто они и есть великие вожаки.

Большой привет от меня Хельму и напиши мне как-нибудь его адрес. Он сейчас, я думаю, где-то в Гарце. Расскажи, что у вас нового. Большой привет твоей матери и тебе.

Твой

Эрих Мария Ремарк.

Эдит Дерри в Берлин

Ганновер, 29.02.1924 (пятница)

Ганновер, Рюмкорфштр., 14

Многоуважаемая милостивая фройляйн!

Я очень обязан Вам за высланную статью о хоккее*, которая, как по теме, так и по изложению, оказалась весьма кстати. Хорошо бы Вам как-нибудь подумать о заметке по поводу тенниса*, по возможности с иллюстрациями.

Гонорар в пятьдесят марок отправлен Вам сегодня. Могу ли я Вас попросить сделать мне одолжение и передать приложенную статью* на суд Вашему отцу для журнала «Спорт в иллюстрациях»? Срочная работа вынуждает меня отложить на несколько дней написание более подробного письма о рисунках для «Континенталя» и выслать только статью.

Я очень благодарю Вас за усилия. С наилучшими пожеланиями Вашему отцу
преданный Вам,
Эрих Мария Ремарк.

*Эдит Дерри в Берлин
Ганновер, 27.10.1924 (понедельник)
Ганновер, Рюмкорфштр., 14*

Многоуважаемая милостивая фройляйн!

Вы таким любезным образом выполнили мои пожелания по поводу ангажемента для «Спорта в иллюстрациях» и были мне таким добрым проводником по Берлину, что я нахожу низостью со своей стороны вслед за сердечной благодарностью за все это вновь обращаться к Вам с новой просьбой, а именно: напишите для меня еще две-три статьи в течение следующих двух месяцев для «Эха». Хотя Вы уже твердо определены как сотрудница на будущий год, но я бы очень хотел лично получить эти работы. Могу ли я рассчитывать на Ваше согласие?

Очень Вам обязанный, с самым сердечным приветом,
весьма Вам преданный
Эрих Мария Ремарк.

*Эдит Дерри в Берлин
Ганновер, 04.12.1924 (четверг)*

Многоуважаемая милостивая фройляйн!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо и приложенные отрывки. Я от всего сердца прошу у Вас прощения за то, что не успел ответить на Ваше предыдущее письмо – я лишь недавно обнаружил его. Мне положили его в папку, в которой я никогда не держал писем, и я наткнулся на него в поисках старой рукописи. Так как в этом не было моей вины, я весь свой праведный гнев излил на бабье хозяйство, в результате которого все попадает не на свое место.

Я с удовольствием опубликовал бы фотографию фройляйн Трошке; если возможно, в январе, в другом случае я оставлю соответствующее распоряжение.

Теперь к идее Вашей статьи. Если Вам по душе футбол, гандбол или водное поло – то, может быть, что-нибудь об этом. Или воспитательное значение легкой атлетики – что касается спорта. Или влияние физических упражнений на современные болезни (туберкулез, неврастения и т. д.), или на тему тенниса, или женские и не женские виды спорта (злоупотребления и т. д., женский футбол (Англия, Америка), хоккей), женщина и соревнование – должна ли женщина относиться к спорту скорее как к физической культуре (да!) или как к состязанию, и в каких видах спорта? Регби, его техника и приемы, дама как водитель (костюм, необходимое в дороге, провизия, оружие для защиты, что нужно знать о моторе, как она должна ездить).

Вот Вам некоторые предложения, которые Вы можете по своему усмотрению комбинировать и рассматривать. Надеюсь, что-то из этого Вам пригодится.

С самыми лучшими пожеланиями Вашему господину отцу.
С наилучшими приветами,

весьма преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.

Я бы хотел, чтобы декабрь скорее прошел! Так много работы – каждый день до двенадцати или до часу ночи – все время заканчиваешь и снова начинаешь.

Эдит Дерри в Берлин
Ганновер, 18.12.1924 (четверг)

Многоуважаемая милостивая фройляйн!

Сердечное спасибо за то, что Вы так любезно *активно* вошли в квартирную проблему, так как я все еще ее не решил. Поэтому мне интересны все предложения, которые Вам удалось найти!

Моя сестра* сейчас в Берлине в поиске комнаты. Возможно, было бы целесообразным, если бы Вы сообщили ей те адреса, которые Вы нашли и еще найдете. Она живет у Цернингов, Шарлоттенбург, Суарещтр., 31, телефон там тоже есть, хотя номера я не знаю, но мы его уже однажды отыскивали в телефонной книге.

Я бы не хотел, чтобы Вы занимались беготней; ведь поиски квартиры занимают много времени – поэтому я считаю, что эти поиски стоят того только в том случае, когда они связаны с наименьшей потерей времени. Я и без того уже многим Вам обязан. Вы же должны еще при этом... писать статьи!!!

Во всяком случае, я сегодня написал моей сестре, чтобы она была в курсе дела. Я бы с удовольствием сам приехал в Берлин, но в ближайшие недели я не найду времени.

Возможно, (дешевая!) квартира певицы в данное время вполне годится, если она не слишком часто распевается.

Могу ли я Вас попросить передать мои самые наилучшие пожелания Вашему отцу? Я *очень* обрадовался публикации моей статьи* и иллюстраций к ней!

И еще раз примите мою *большую* благодарность за Ваши старания! Ах, как бы я хотел быть сейчас в Берлине, собирать, сортировать письма и т. д. – меланхолическая работа, – не пришлось бы копаться в прошлом.

Самые лучшие пожелания от преданного Вам
Эриха Марии Ремарка.

И пожалуйста: что Вы выбрали для статьи?

Эдит Дерри в Берлин
17.02.1925 (четверг)

Моя многоуважаемая милостивая фройляйн!

Случайно я узнал, что у Вас сегодня день рождения. Мы, современные, которые воспринимаем это как некоторую гордость, неотягощенную фантастической сентиментальностью чувствительных поколений, стоим перед такими днями несколько беспомощно. Поскольку они с утомительной регулярностью каждый год выпадают на одни и те же даты, мы несколько обороняемся от этих нежно-драконовских оков, которые намерены предписывать нам, когда нам положено переживать возвышенные моменты чувств. И тем не менее приходят эти добрые моменты чувств в такие дни подобно своре лихих собак, и они смотрят на нас, исполненные ожидания, не поддадимся ли мы и не возрадуемся ли. И вот стоишь теперь в полной растерянности, не правда ли? Ах, мы современные, мы анализируем мир и даже не можем совладать со своим волнением.

Часто, особенно в подобные, по-девичьи мягкие дни вместе с дыханием входит в мое сознание такое самозабвение, что я ощущаю почти испуг перед этой безмолвной полнотой, которая здесь и сейчас рождает во мне вдруг единственное чувство: о прекрасная жизнь – с этим воздухом и теплом вокруг меня. Тогда ощущаешь нечто ошеломительное: как будто ты никогда не исчезнешь и все вещи возвращаются к самим себе, все всегда будет хорошо, пока еще глаза могут видеть. Это я называю мое чувство бытия здесь.

И с ним возвращается снова после раздумий и суеты потерянных лет безотчетная радость жизни во всех ее формах, ее безоговорочное утверждение без раздумий о ценности или ничтожестве, любовь к жизни (ибо любовь, вероятно, задумчивая подруга, это утверждение существования, без оглядки на какую-либо ценность).

Связь моих добрых пожеланий к Вашему дню рождения с этими мыслями так неразрывна, что я не нуждаюсь в обычных шаблонных словах и выражениях.

Всегда преданный Вам,
Эрих Мария Ремарк.

Эдит Дерри на Капри
31.03.1925 (вторник)

Дорогая Эдит!

Дни бегут и бегут. Однажды утром приходит письмо – и ты вздрагиваешь и внезапно понимаешь: этого недостаточно, если думаешь о чем-то, надо, чтобы и кто-то другой знал, о чем. Я получил Ваше письмо и открытку, за что и благодарю, особенно за письмо. Пойми меня правильно, если я скажу, что мне всегда приходится ждать добрый час, как бы я (ни) хотел сразу ответить на это письмо, но я завален работой и вынужден зарабатывать деньги для других*. Не то чтобы это меня угнетало – о нет, но эти дела, какими механическими они бы ни были, так или иначе требуют, чтобы ими занимались, и, к сожалению, занимались активно.

Я так долго говорю об этом, потому что сегодня, когда пришло Ваше письмо, меня вдруг поразило, что уже довольно долго в этой размеренной однотонности я ничего другого не замечаю. Часть вины за это лежит, возможно, на том, что я переписываюсь с немногими, и эта адресованная мне писанина говорит совсем не о том, что бы мне хотелось. Письма и бумажное слово могут выражать совсем не то, о чем на самом деле думаешь.

Но я часто думал о Вас. И при этом у меня было такое чувство, как будто тепло Капри и само море, Неаполь, покрытое золотой пылью южное небо, все, что уже прошло, было напрасно – это все еще царит там, но уже не властвует надо мной! Все это отброшено, с усмешкой, беспечно, безоглядно – прочь – призрак зимы.

Часто после напряженных дней, особенно после таких, которые были безрадостны, я чувствую абсолютную пустоту, изнурение работой, равное полной апатии, за этим в действительности следует лишь начало нового витка. Тогда застываешь в изумлении перед самым простым – проходящей мимо девушкой, скользящим автомобилем, вечерним небом, и это тебя трогает чуть ли не до слез. И тогда возникает безусловная уверенность, что ты не потерян, что никогда ничто не потеряно, поскольку ты же все еще здесь – и живешь. Я думаю, что уже писал Вам об этом; но в последнее время это для меня самое сильное чувство, и я верю, что это и Вам скажет что-то, если я этим поделюсь.

Именно это мне кажется чувством, присущим каждому творческому человеку. Мы воспринимаем все вдвойне и повторно, болезненнее, резче, нежели другие, и мы стыдимся говорить об этом и молчим, ибо вопреки всем попыткам и словам это высказать невозможно.

Я считаю, что в этом тяжелейшем из всех положений ничто так не утешает в истинном смысле, как стихии – солнце, вода, простор и ветер. Поэтому я так уверен, что Вы вернетесь,

гибкая и свободная. Невозможно впитать в себя достаточно стихий, поскольку они обладают, безусловно, силой сопротивления, которая приятна, ибо она так беззаботно утешает.

И честно – это наше счастье в жизни: в нас есть танец, окрыленность, равновесие – мы не ломаемся, нас только сгибает, и мы снова выпрямляемся еще более гибкими.

Сердечно Вас приветствую. С добрыми пожеланиями,
Э.М.

*Эдит Розевир, урожд. Дерри, на Капри
Берлин, 06.11.1925 (пятница)*

Гогенцоллерндамм, 183

Дорогая Эдит!

Со дня на день я откладывал ответ на твои поздравления, чтобы найти наконец свободный час, ибо дневные заботы довлели над всем. Квартира, обстановка, деньги и подобные смешные дела отвлекают от более существенного. Я сердечно благодарю тебя за телеграмму – это замечательный шаг с моей стороны*. Я снова убедился, что все писатели лгут, – это было для меня более человеческое, отнюдь не эгоистическое желание счастья; собственно, именно человеческое. Понятие счастья для меня из юношеского представления об осуществлении и т. д. превратилось в радостное утешение, противостоящее бессмысленному бытию, так что стало для меня чувством иллюзорным. И даже эта кульминация для нормального человека, вступление в брак, ничего не меняет. У меня есть человек, для которого я значу многое, быть может, даже все, он со мной, и я хотел убрать с его пути все ужасное, насколько это в моих силах. Он не мог бы один, быть может, устроиться в этом мире – теперь я хотел бы, чтобы мои зоркие глаза, которые не позволят себе ошибаться, смотрели бы ради него, и я хотел бы – к чему приходишь в итоге всей философии как к единственному – сделать это: попытаться однажды сделать счастливым другого человека. Другого, потому что я сам никогда таковым не смогу стать.

Все это легче было бы услышать во время личного разговора, ведь это звучит так пафосно на бумаге. Но ты же знаешь мою опрометчивость во всем, что кажется важным бюргеру – я ни в чем не изменился с того времени, когда ты еще в редакции бегала, маршировала, гневалась, возмущалась, но я честен во всем – и поэтому я редко испытываю разочарование.

Так несложно достичь определенного уровня благодушия – воля каждого правит миром, – и мы оба умеем настаивать на своем желании, не правда ли? Мы прирожденные оптимисты; ибо мы презираем понемногу всю эту возню, жизнь, мир и т. д., потому что мы умеем смотреть вглубь вещей, – но мы любим непосредственно все бурлящее, теплое, цветущее в нас, что дает нам пульсацию, биение сердца и ритм, – эту шумящую волну, по которой мы плывем, эту бурю в наших парусах, ибо мы управляем этим натиском, этим порывом, этим бесконечно живым в нас, мы это любим поодиночке, и растрачиваем это, и источаем это, и вращаемся вокруг этого, мы, эгоистические эгоисты.

Ибо в этом тайна: всюду и во всем воспринимать себя самого – это дает богатство, глубину и неуязвимость!

Ну вот, мы опять немного поболтали – здесь же за окном свистит ноябрь.

Сердечный привет твоему мужу*.

Со всеми добрыми пожеланиями, верный тебе

Эрих Мария.

*Фридриху Фордемберге-Гильдеварту в Ганновер
10.11.1928 (воскресенье)*

[На бланке: «Спорт в иллюстрациях. Журнал для хорошего общества»]

Берлин СВ 68

*Господину Фордемберге-Гильдеварту
Ганновер, Кенигштр., 8*

Дорогой господин Фордембергер!

Я нахожу Ваши фотографии чрезвычайно хорошими. К сожалению, я не могу сейчас поместить их в «Спорте в иллюстрациях», так как моя колонка закрыта. К тому же общий характер журнала в последнее время настолько изменился – мы больше не публикуем такие оригинальные работы. Если у меня появится другая возможность, я Вам обязательно напишу и снова попрошу у Вас эти фотографии.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш старый Эрих Мария Ремарк.

*Эдит Розевир, уржзд. Дерри
Неаполь, Вомеро, 22.12.1928 (воскресенье)*

Дорогая Эдит!

Конечно, для меня началась совсем другая жизнь и, как я надеюсь, гораздо счастливее. Многие события уже позади, запыленные, излишние, досадные, злобредные – и лишь немногие остались. Как ты только могла подумать, что нашей дружбы больше нет! Для меня она стала еще более ценной, нежели тебе может казаться.

Последние недели и месяцы* были для меня полны забот, суеты и спешки. Конечно, я не попрощался с твоим отцом, как ты это называешь; но почему я должен был с ним прощаться, если я вовсе не думал о расставании. Я покинул дом Шерля; но твой отец был для меня другом, и я надеюсь, таковым он и останется.

С аферой ЭлERTA* давно покончено. Мне было неприятно переживать и видеть полностью беспочвенную зависть и неприязнь. Я никогда не давал Э. ни малейшего повода и всегда сопротивлялся тому, чтобы поверить, будто подобное ему характерно. Он, маленькая змея, позволял себе еще некоторые весьма милые выходки.

Это странно, Эдит, очень глупо, когда между людьми, которые откровенно любят друг друга, возникают подобные недоразумения. Ты одна из тех весьма редких людей, с которыми я чувствую себя настолько тесно связанным, что знаю: даже если мы годами ничего не слышим друг о друге, нам понадобится лишь один час, проведенный вместе, чтобы вернуть прежнее понимание! Во всяком случае, я так чувствую!

Теперь, когда я больше не связан с Ульштайном, я свободен, свободный художник. Я надеюсь, что смогу весной исполнить свое заветное желание – доехать по побережью до Неаполя. Мое второе желание: встретиться там с тобой и несколько дней или недель видиться. Ведь так должно случиться, Эдит, правда? Мы подведем черту подо всей болтовней и все начнем сначала.

Я сердечно желаю тебе к Рождеству всего наилучшего! Себе же я желаю к Новому году (самое позднее!) получить письмо от тебя!

Всегда твой, старый
Эрих.

*Максу Креллю
Берлин, конец января 1929*

Глубокоуважаемый господин Крелль!

Я на один день в Берлине – в отвратительном состоянии между надеждой и отчаянием; ибо я начал новую книгу*.

Здесь я нашел выполненный Бриксом эскиз титульного листа, который я Вам сразу высылаю. Я об этом ничего не знал: д-р Майер*, посетивший Вас, в свое время, со мной, сейчас в Лугано у Брикса, и он предложил ему попробовать это сделать. Мне кажется, что уже слишком поздно, поэтому прошу Вас оказать мне любезность и написать Б., можете Вы использовать этот эскиз или нет, или стоит отправить его обратно. Адрес: Брикс, Лугано-Порца.

Также я посылаю еще несколько писем, из которых *румьинское* может быть использовано для пропаганды.

Я уже объяснил *англичанам* (Риду*), что готов помочь при переводе специальных выражений. Мне понравилось название: «All Quiet on the Western Front»¹, к тому же у меня нет других предложений. Вам оно тоже нравится? Пожалуйста, напишите Риду, если у Вас есть другие пожелания. (Возможно, подчеркнутые фразы в первом письме Рида годятся для пропаганды как *англ.* голос.)

В «Берлинер тагблатт» от 11.01 в статье Эрнста Вайса «Мужчины в романе» обсуждалась моя книга. Я получил сегодня эту газету. Кроме того, у меня был художник из социал-демократ. прессы, сделавший рисунок для журнала «Голубая тетрадь» (издательство «Атенеум»), которая выйдет недели через две. (Может быть, Вы пошлете один экземпл. для рецензии.)

Я бы с большим удовольствием посмотрел копии с фотоснимков, которые я сделал у Вас. Не будете ли Вы так любезны выслать мне некоторые из них?

Извините меня за сухость письма – это никак не соответствует тому, что я хотел сказать. Но я в данный момент всего лишь существо, которое в отчаянном сомнении вращается вокруг одной точки в попытке создать новую книгу.

С сердечным приветом, преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.

Максу Креллю

Давос, 04.02.1929 (понедельник)

[На бланке: Гранд-отель «Курхаус», Давос]

Дорогой господин Крелль!

Вы можете понять, что письма отсюда редки, но в них предполагается больше сердечности. Я сижу за обедом и живу рядом с Рудольфом Герцогом, герцогом Столтенкампским и Вискоттенским, он седовлас, цветущ и гибок. Кроме того, ожидается Казимир Эдшмид – большего желать уже не следует.

Липс раздражителен и очень озабочен. Не будете ли Вы так любезны отдать распоряжение о том, чтобы мне выслали сюда деньги? Было бы прекрасно, если бы на сей раз вместо тысячи марок я бы получил полторы – сигареты и вино здесь слишком хороши.

Еще я хотел бы обратить внимание на следующее: при продлении нашего договора на четыре года мы забыли указать условия передачи прав на перевод, экранизацию и пр. Я бы хотел, чтобы мы на два последующих года оговорили особые условия, которые касались бы только *книжных прав* на все издания на четыре года, включая права на «Станцию на горизонте». Кроме того, действует и первоначальный двухгодичный договор.

Я пишу Вам приватно, так как затем я охотно предложу самому д-ру Герцу* добавить этот абзац. Я только хотел для начала услышать Ваше мнение об этом.

¹ «На Западном фронте без перемен» (*англ.*). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *примеч. ред.*

Примите еще раз мою сердечную благодарность за Ваше дружеское расположение и передайте привет Вашей супруге от Ваших обоих Ремарков.

*Гансу-Герду Рабе
Берлин, 12.02.1929 (вторник)*

*Берлин-Вильмерсдорф
Виттельбахерштр., 5*

Старина, твои арабески я прочитал с большим удовольствием; однако ты должен понять, что сейчас я пытаюсь быть несколько сдержанным. Это первая книга, и тут лучше всего спрятаться, уйдя в работу, и вынырнуть лишь тогда, когда и вторая окажется удачной. Так что подождем с новостями для твоего литературного листка* еще пару месяцев, хорошо? В связи с этим я торжественно обещаю тебе, что все личное будет проходить только через твое перо и все листки я буду высылать на твою заботу. Сейчас я отказываюсь от всего, так как ненавижу этот литературный шабаш, и ты также его возненавидишь, как только столкнешься с ним. Многие кривляются и приплясывают от тщеславия, дают интервью при малейшем успехе – от этого тошнит и хочется поклясться в том, что никогда подобного не сделаешь. Подобное поведение, я думаю, умнее, ибо таким образом добиваешься особого положения. Поэтому ничего не получится и с литературным выступлением – я уже отклонил их в Берлине, Гамбурге, Лейпциге и т. д. Если книга живет своей жизнью, это хорошо; но сейчас я ради этого не намерен скакать с места на место.

И все же твоя статья была очень хороша, написана с живым интересом; и ты, конечно, прав: если я время от времени появляюсь у вас, то это уже довольно странное сентиментальное явление и тоска по родине.

Я планирую опять появиться в марте, тогда я возьму с собой книгу для тебя, и мы обсудим твои дела. Мне ничего не стоит всюду ввести тебя, и я это сделаю! Было бы хорошо, если бы ты к этому времени имел уже готовый текст, чтобы я мог сразу взять его с собой.

В июне я буду четыре недели в Оснабрюке. Тогда мы сможем осуществить большой рывок. Вот увидишь, это получится! Ты же знаешь, что я держусь своих старых друзей и даю им советы. Я убежден, что у тебя все получится. Ты даже не представляешь, сколько бараньих голов здесь числится важными фигурами, это всегда вселяет уверенность, если сомневаешься в себе. Я уже знаю тебя настолько, чтобы представить в общих чертах, как ты сможешь здесь укрепиться.

Через четыре недели мы поговорим об этом. И тогда дело пойдет! Так что большое тебе спасибо за статью. Подожди еще немного, напиши вместо этого о себе. Передай сердечный привет своей жене и будь здоров.

Твой старый
Эрих.

Моя книга идет хорошо, мы уже продали девяносто тысяч.

Считаешь ли ты литературные сравнения в твоей статье вполне серьезными? Гамсун, Лагерлеф? Черт возьми, я был бы рад, если бы через пятьдесят лет написал произведение, в котором была бы похожая атмосфера.

Чтобы у тебя снова варил котелок, я обещаю тебе в О. пару хороших оплеух, мерзавец! Но писать ты все-таки можешь, я это вижу!

«Путнэм санс» в Лондон

07.05.1929 (вторник)

Глубокоуважаемые господа!

Сердечно благодарю вас за дружеские письма и вырезки из газет. К сожалению, я был некоторое время болен, поэтому не мог ответить вам сразу.

Что важно на сегодня: мое имя не Крамер, это распространенная в прессе сказка, которую придумал кто-то из немецких милитаристов. Меня зовут Ремарк, это имя моей семьи на протяжении многих веков, и единственное изменение, которому оно было подвергнуто, это написание на немецкий лад: «Remark» вместо «Remarque». Но это только у меня и у моего отца, поскольку такое написание нам ближе. Сегодня, как и прежде, мы используем оба варианта, но чаще Remarque. Крамером никто из нас никогда не был, это чистая выдумка.

Об остальном я напишу вам в ближайшие дни. Я выполню все ваши пожелания.

Преданный вам,

Эрих Мария Ремарк.

В «Библиотеку Сток», Париж

07.05.1929 (вторник)

Я возвращаю вам перевод*. Я в восторге от этой работы и хотел бы передать вам мои поздравления, поскольку перевод весьма удался, даже в отношении трудных военных выражений.

Генералу сэру Яну Гамильтону

01.06.1929 (четверг)

Глубокоуважаемый сэр Ян Гамильтон!

Выдержку из Вашего письма касательно моей книги «На Западном фронте без перемен» мне любезно переслал мой издатель, господин Путнэм. Я намеревался тут же Вам ответить, но меня на несколько недель задержала моя болезнь, не позволившая найти те спокойные часы, которые необходимы для письменного ответа.

Даже теперь я не могу Вам объяснить, какие чувства я пережил, получив Ваше письмо, – то ли это личная радость, то ли это удивление и восхищение от того, насколько полно и верно Вы меня поняли. Вероятно, и то и другое было одинаково сильно. Должен Вам признаться, что я был в полном неведении о том, как будет воспринята моя книга за пределами Германии – удалось ли мне добиться понимания или нет.

Книга о войне без колебания будет подвергнута политической критике, но мое сочинение должно оцениваться иначе, поскольку мои устремления не носили политического характера, они не пацифистские и не милитаристские, но собственно человеческие. Я показал войну через призму восприятия солдата на фронте. Книга состоит из отдельных эпизодов, из часов и минут, из борьбы, страха, грязи, отваги, ужасной неизбежности, смерти и товарищества, и во всей этой мозаике слово *патриотизм* отсутствует лишь *мнимо*, так как простой солдат никогда об этом не говорит. Его патриотизм заключается в его *деянии* (отнюдь не в *слове*); он заключается в самом факте его присутствия на войне. Ему этого достаточно. Он проклинает и поносит войну, но он продолжает воевать, даже не имея надежды. И именно об этом, как я считаю, достаточно написано в моей книге.

Но Вы, сэр Ян, в немногих словах точно выразили зерно моей книги, а именно – намерение показать судьбу поколения тех молодых людей, которые, находясь в критическом возрасте, лишь начав ощущать пульс жизни, смотрели в лицо смерти. Я благодарю Вас за это, и я рад услышать эти слова от человека высокого военного ранга. Ваши слова я особенно ценю как голос, услышанный мною из Англии. В Германии никогда не забудут, как порядочны были

англичане даже в самом разгаре битвы, поэтому я особенно рад увидеть в письмах английских солдат и офицеров тому подтверждение. Но для каждого солдата, на чьей бы стороне он ни воевал, важным было одно и то же.

Я не чувствовал себя призванным приводить аргументы, касающиеся войны. Пусть это останется прерогативой вождей, которые знают все, что положено знать. Я лишь хотел пробудить понимание судьбы того поколения, на долю которого выпали чрезвычайные трудности и которое после четырех лет смертей, борьбы и ужасов нашло свой путь в мирную область труда и прогресса. Тысячи и тысячи так этого и не смогли; многочисленные письма из разных стран это подтверждают. Но все эти письма говорят одно и то же: «Мы этого не смогли, поскольку не знали, что наша летаргия, наш цинизм, наши колебания, наше безверие, наше молчание, наше чувство разобщенности и нерешительности привели к растрате на войне силы нашей молодости. Но теперь мы найдем этот путь, потому что вы раскрыли нам в своей книге опасность, которая нас подстерегает: опасность разрушить самих себя. Осознание опасности и есть первый шаг ее избежания. Теперь мы найдем путь к самим себе, потому что Вы рассказали нам о том, чем на самом деле являлось то, что нам угрожало, и потому оно перестало нести опасность».

Вы видите, господин Ян, в таком духе пишут мне мои товарищи, и это подтверждает, что моя книга только *кажется* пессимистической. На самом деле она показывает, сколько было разрушено, но в то же время она послужила призывом для молодых людей – сплотиться вокруг мирной борьбы за труд и жизнь – и поддержала стремление к индивидуальности и культуре. Поскольку мы так рано столкнулись со смертью, теперь мы пытаемся стряхнуть с себя ее парализующее проклятие – ибо мы встречались с ней с глазу на глаз без маски, – и теперь мы хотим снова поверить в жизнь. Это будет задачей моей следующей работы. Тот, кто указал на опасность, должен показать и выход из нее.

Я до сих пор еще ни разу так открыто не выражал мои мысли; но ваше яркое, полное понимания письмо заставило меня взяться за перо, чтобы подчеркнуть эти два важных момента в моей книге, хотя они не были выражены явно, но присутствовали имплицитно: во-первых, я имею в виду героизм простого солдата, который никогда о нем не говорил, возможно, он его вовсе не осознавал – он говорил только о «бобах и сале», тогда как за этим многое скрывалось; во-вторых, тот факт, что моя книга вовсе не проповедь отчаяния, а крик о помощи.

Вы правы в том, господин Ян, что моя книга не является «совершенной книгой о войне». Но такая «книга о войне», в полном смысле этого слова, не будет написана в ближайшие десять, может быть, даже сто лет. Я ограничиваю себя чисто человеческим аспектом фронтального опыта, опыта, который приходится пережить каждому на фронте: бои, ужас, самообладание, власть, крепость жизненных сил отдельного человека перед лицом смерти и уничтожения.

Я бы охотно увидел в этом универсальный, фундаментальный опыт; и я попытался этот фундаментальный опыт описать без риторики и оглядки на политические обстоятельства. Этим, как мне кажется, и объясняется успех моей книги, которую в Германии прочитали не только в литературных кругах, но и те, кто почти не брал книг в руки – ремесленники, рабочие, служащие, механики, почтальоны, шоферы, подмастерья и т. д.; ибо сотни писем говорят: «*Это мой опыт*». Опыт *внешний* в каждом отдельном случае вряд ли был таковым (хотя я по возможности описывал только типичные ситуации), но решающим фактором было, несомненно, то, что книга описывала некую часть *внутреннего* опыта – жизнь, которая находилась в конфронтации со смертью и ее побеждала.

В заключении позвольте мне, господин Ян, еще раз поблагодарить Вас за письмо. Вы можете по пространности моего письма судить о том, насколько я оценил его. Я весьма благодарен за такое признательное понимание.

Преданный Вам,
Эрих Мария Ремарк.

Стефану Цвейгу
Берлин, 07.06.1929 (пятница)

Глубокоуважаемый господин Цвейг!

Много лет назад, в момент сомнений и раздумий, я собрался с духом и храбро послал мои стихи человеку, от чьего слова тогда могла зависеть моя судьба: или я должен пытаться работать дальше, или я должен следовать моему окружению – все отбросить как заблуждение и получить приличную профессию. Я отправил эти стихи Вам.

И тогда Вы, хотя я почти не верил, что человек может быть благосклонен к другому, написали в ответ теплое, сердечное письмо, которое я сохранил до сих пор среди немногих дорогих мне вещей. Оно было мне утешением во многие годы депрессии.

Возможно, Вы уже не помните об этом. Тогда я продолжил жить, это было тяжело, потому что я никак не мог найти себя, но, в конце концов, я все-таки написал книгу. И я осмеливаюсь сейчас послать ее Вам, потому что я всегда сомневался, насколько она мне удалась. Но меня убедили, что переживать не о чем. И вот я все же рискую и прошу Вас не сердиться на меня за то, что я к этому приписываю несколько строк. Я убежден, что я еще не тот автор, который может себе позволить подобное. Это вовсе не жеманство, а выражение откровенной и сердечной благодарности за то, что Вы тогда, когда мне действительно было плохо, так помогли мне.

Мне бы хотелось точнее выразить то, что еще я желал бы написать. Это снова оказалась бы сердечная благодарность. Но я был бы очень рад, если бы Вы восприняли эту книгу как начало, которое не заставит Вас пожалеть о том написанном Вами письме.

Всегда преданный Вам,
Эрих Мария Ремарк.

Литературному редактору «Дейли геральд», Лондон
До 18.06.1929

Глубокоуважаемый господин!

Я благодарю Вас за пересылку письма одного из бывших английских солдат и за Ваши слова о моей книге. Пожалуйста, простите мне, что я только сегодня отвечаю на Ваше письмо, но практически все это время я был болен.

Вы не можете себе представить, как меня обрадовало, что моя книга нашла такое понимание в Англии. Поверьте мне, эта радость простирается далеко за пределы личных чувств, так как дает мне надежду надеяться, что мне удалось внести небольшой вклад в достижение великой цели человечества.

И в этом причина, почему я так горжусь мнением, высказанным английскими критиками о моей книге, и почему я еще более радуюсь словам, которые говорят бывшие солдаты. Они особенно ценны, поскольку показывают, что жизнь была одинакова в любых окопах – что это явилось такой же бедой, такой же смертью и таким же товариществом.

Господа Путнэм послали мне Вашу критику, за которую я Вам сердечно благодарен. Я порой бываю подвержен сомнениям, часто приносящим мне большие трудности. Слова, подобные Вашим, передающие такое человеческое понимание, значат для меня очень много. Речь не только о книге и об авторе, но о великой цели сотен тысяч людей: прогрессе, культуре, взаимопонимании, человечности и о самой жизни.

Ваш
Эрих Мария Ремарк.

Капеллану Шютткену в Беккум
Берлин, 25.06.1929 (вторник)

Глубокоуважаемый господин!

Я получил Ваше письмо, которое кишит словами «зверски», «противно», «отвратительно», «клеветнически» и т. д. Я должен Вам сказать, что я несколько озадачен тем, что Вы настаиваете на ответе. Что же я должен Вам ответить?

Вы выразили свое мнение так ясно и однозначно, Вы хвалитесь, что Вы то же самое сделали в двадцати газетах – что же следует на это сказать?

Я мог бы попытаться опровергнуть Вашу точку зрения, конечно, но это было бы бессмысленно, подобное бесполезно начинать. Это могло бы иметь смысл только в том случае, если бы я передал Вам мнение одного из моих друзей духовного звания, которому я показал Вашу критику. Он лишь покачал головой и предположил, что при таком неглубоком осмыслении можно и в Библии найти множество упоминаний о мерзостях сексуального характера. Если бы я предоставил Вам тысячи и тысячи писем тяжелораненых, контуженых, калек, ослепших, душевно и физически больных, если бы я обратил Ваше внимание на то, что Вы сами себя обозначили «невеждой» в литературе, и, исходя из этого, сказал бы, что все это было задумано иначе и иначе понято другими – не так, как увидели Вы, то эти и другие факты, без сомнения, могли бы заставить Вас задуматься.

Но зачем! Если бы это заставило Вас задуматься, то могло бы Вас как духовное лицо, которое видит свой прямой долг в нравовании, ввергнуть в крайнем случае в конфликт с совестью, но я расценил бы подобное с моей стороны как жестокость. Война научила меня тому, что терпение и доброта есть лучшее, что может быть, поэтому я даже не делаю попытку показать Вам, что в моей книге есть тысячекратно более важные вещи, нежели те, о которых Вы говорите. Вы, вероятно, выступаете против тех вещей, которые вовсе ничего не значат по сравнению с остальными. Или Вы полагаете, что автор пропагандирует все то, о чем он пишет? Разве Вы не знаете, что самая простая повествовательная форма часто является сильнейшим выражением протеста? Что под мнимым отсутствием религиозности как раз может скрываться призыв к ней?

Но о чем мы, собственно, говорим – Вы же уже сказали все, что хотели. Заклеймили меня как отвратительного, низкого, извращенного клеветника. Я Вам искренне желаю, чтобы Вы никогда не позволили себе усомниться в безошибочности Вашего приговора!

Эрих Мария Ремарк.

*Эгону Вертхаймеру в Лондон
Берлин, 05.09.1929 (четверг)*

*Господину др. Эгону Вертхаймеру
23, Грейт-Джеймс-стрит,
Лондон В. С. 1*

Глубокоуважаемый господин др. Эгон Вертхаймер!

Я сердечно благодарю Вас за письмо от 17 июля, на которое я, в связи с моим путешествием, смог ответить только сегодня.

Пожалуйста, будьте так любезны, сообщите в редакцию «Женского журнала», что я принципиально не пишу ни о себе, ни о моих работах, так как я для этого еще слишком молод и недостаточно опытен. Когда я буду лет на тридцать старше и у людей все еще останется подобный интерес, я с удовольствием сделаю это. Что-нибудь другое я, пожалуй, могу по случаю написать.

С наилучшими пожеланиями и с сердечной благодарностью за Ваши усилия.

Ваш преданный

Эрих Мария Ремарк.

«Путнэм санс» в Лондон
Берлин, 15.09.1929 (воскресенье)

Я благодарю Вас за сообщения в печати, которые Вы мне переслали, часть из них содержала весьма интересную для меня информацию. Из интервью в «Обзержере» от восьмого сентября я узнал, что господин Моисси утверждает, будто хорошо со мной знаком и будто мне двадцать шесть лет. Я не имею чести быть знакомым с господином Моисси, и я, к сожалению, на пять лет старше.

Я постоянно натываюсь на различную ложь о себе в печатных изданиях, о которой меня иногда спрашивают берлинские корреспонденты английских газет. По этом поводу могу сказать, что я действительно считаю излишним обращать внимание на сплетни, основанные на зависти, невежестве, ненависти или жажде сенсации. В Германии никто бы не увидел в этом смысла, поскольку здесь всякий знает, откуда подобное идет. Эта немногочисленная группа неудовлетворенных людей, реакционеров и обожателей войны уже никак иначе не представляет Германию, несмотря на шум, который их вдохновляет. Сегодня Германия стоит за работу, восстановление, добровольное понимание, старание и мир.

Когда я вижу, как меня представляет желтая пресса, я сам себе порой могу показаться чудовищем. Мой возраст колеблется между двадцатью двумя и пятьюдесятью пятью годами. Я не могу перечислить все те имена, которыми меня называют, все те полки, бригады или дивизии, к которым я должен или не должен был принадлежать. Совершенно не стесняясь, меня обвиняют в воровстве рукописи у некоего погибшего товарища, компиляции ее из других книг о войне или написании по заданию *Антанты*. Последняя информация обо мне меняется день ото дня. Все, что я на это могу ответить: я бы желал, чтобы все эти люди оказались правы хотя бы в одном пункте – будто я никогда не был солдатом. Тогда я мог бы сегодня действительно быть уверенным в том, что являюсь хорошим писателем, в чем я еще должен сам себя убедить. Впрочем, я считаю, что автор может сказать свое последнее слово о своей книге, лишь когда им будет написано последнее слово. Если она хороша, она сможет сама себя защитить от несправедливой критики, если она плоха, все последующие усилия бесполезны.

Уязвленные тщеславие и завышенная самооценка могут быть главными мотивами для ответа на нападки на личность. Как бы то ни было, *Amour propre*² можно себе позволить, лишь когда тебе стукнуло семьдесят и твой труд жизни завершен. Но я молод и нахожусь в самом начале. Я был бы смешон в собственных глазах, если бы на основе одной-единственной книги возомнил себя хорошим писателем. Я должен прежде всего оценить собственные способности; а для этого надо работать. Работать – не болтать или спорить. И я тем более не расположен к разговору, поскольку весь этот вздор, который распространяют обо мне, невежествен, фальшив и, более того, настолько злобен и безумен, что в Германии любой только пожимает плечами по этому поводу.

Бригитте Нойнер в Берлин
Париж, 22.10.1929 (вторник)
[Штамп на бланке: отель «Клэридж», Париж]

Дорогой Генрих!

Только что добрался в сплошном потоке машин, ни разу не глянув в план города, блуждая в ночи, до «Клэриджа». О Георге* нечего сказать, он с открытым ртом и вытарашенными

² Чувство собственного достоинства (*фр.*).

глазами плохо разбирался в картах и мало годился как проводник, в Париже тем более. Завтра я еще здесь, послезавтра в обратный путь в два или три этапа, так как через Бельгию не хочу. Ты можешь писать на мое настоящее имя у Фогта, Зюстерштр., 2, Оснабрюк.

Постарайся и ты так сделать как-нибудь – я же в отличной форме, как ты видишь.

Как ведет себя Мак*? Надо ли мне ему дать под ? Надеюсь, не понадобится! Машина* идет отлично.

Несколько меньше

Б.

*Господину др. Маркусу Даммхольцу/Бригитте Нойнер в Китцбюхель
Берлин, 27.12.1929 (пятница)*

Дорогой Генрих!

Здесь весна, быть может, и вы там, в горах, рвете фиалки, и ваши лыжи уже гонят листья – жаль, что вы не можете бегать по снегу.

Мой нос действительно сломан*, я был у проф. Йозефа, он мне его снова поставил на место. Теперь уж он скоро заживет, во всяком случае, он снова выпрямился. Мне, кстати, сообщили, что проф. Бергер, которого рекомендовал Мак, чаще занимается воспалениями и нарывами.

Я сижу здесь и пытаюсь сочинять для американца Леммле*. Это довольно трудно, когда знаете этого господина лично.

Впрочем, здесь красиво, спокойно, приятно и тихо. Я должен передать привет от фрау Вайксель, она звонила вчера рано утром. Не хотели бы и вы, шалопаи, как-нибудь сюда позвонить? Отдыхайте на здоровье, и чтобы ты вернулся, Генрих, с толстыми щеками, так что напи- тывайся тирольскими омлетами, снегом и солнцем!

Огромный привет вам обоим – Мак должен вести себя в отеле прилично и за столом в носу не ковырять.

Б.

На всякий случай – так как я не знаю, как вы там устроились в разгар сезона, я адресую это письмо Маку.

Держи хвост пистолетом, Генрих, мрачные времена скоро пройдут!

*Бригитте Нойнер в Берлин
Давос, 24.02.1930 (понедельник)
[Штамп на бланке: отель «Курхаус», Давос*]*

Дорогой Генрих!

Я посылаю тебе золотой для твоего собрания амулетов, приносящих финансовый успех. Ты еще увидишь, как бойко пойдут дела, если ты всегда будешь носить его с собой.

Я сижу здесь с несколько тяжелой головой, ибо я вижу, что у меня получается роман*, а не фельетон, и ежедневно клянусь, что это будет моя последняя работа. Я бы хотел как можно меньше двигаться с места, чтобы не терять времени, и потому остаюсь здесь насколько можно, я думаю, где-то до середины марта. Потом я хочу на пару дней приехать в Берлин, взять машину и снова где-нибудь крепко засесть, чтобы корпеть дальше, пока не закончу эту чушь. Самое лучшее сейчас – сосредоточиться на этом и закончить до июля.

Я веду здесь славную жизнь, только немного пристрастился к выпивке, когда лежал в постели, – грипп можно вылечить только алкоголем; как тебе известно, шнапс здесь весьма хорош. Также как и сигареты.

Прочее идет своим чередом. Йоханнес* добродушен и снова появляется время от времени, мадам Р.* тоже старается, но, кажется, дружба дала трещину – естественно, меня это нисколько не волнует.

Время в постели заставляет считать прогулки крайне важными для здоровья. Сезон уже на исходе. Мой флигель сегодня закрыли и предоставили комнату в «Курхаусе». С ванной, очень комфортно.

Дело с Ульшштайном* доносит свои грязные волны даже сюда. Почему это опять должно касаться именно нас? Почему бы и не других тоже?

Крайне неприятно, что Х.* ведет себя скверно. Но лучше всего будет, если ты наплюешь на это, пусть все идет своим чередом. Надо понимать, что в единственной жизни, которая идет сама по себе, пару раз в году приходится встречаться с неприятностями.

Генрих, мой дорогой, доставь в ближайшее время в мастерскую мою клячу «Ланчию» для покраски, чтобы она была в порядке, когда я вернусь. И пошли мне как-нибудь, во сколько тебе обойдутся восемь цилиндров.

Радуйся, что квартира будет хорошей – путешествия приятны только тогда, когда у тебя есть приличное пристанище, это для меня сейчас очевидно.

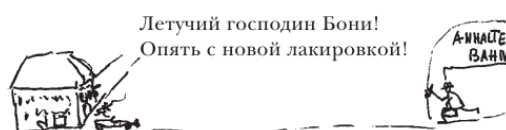
Будь бодр и здоров, Генричек, пойд и купи себе новый парусник – на новой палубе будет тебе полное удовольствие.

И купи себе, пожалуй,
у Таубера «Старую песню» (Одеон)
«Розы и женщины»
«Я же тебя люблю»

Также вальс из «Кавалера роз» (электрола, в исполнении Стоковского* или кого-то в этом роде).

Это чтобы тебе было чем заняться, старина, – и если плохое настроение захватит, только Бюкебург – Гец фон Берлих. И да здравствуют товарищи. Большие затраты.

И впрочем, обновленная «Ланчия» – не позднее, чем через три недели.

Бригитте Нойнер в Берлин

Херингсдорф, 16.06.1930 (понедельник)

[Штамп на бланке: «Курхаус», Кайзерхоф-Атлантик-Херингсдорф]

Бравый Генри!

Здесь ветрено, прохладно и солнечно, но я встаю уже в восемь утра.

Пусто, скучно и так хорошо для работы.

Получил ли ты мое последнее послание с цветами

(символический мак-самосейка)?

(из огня – да в полымя)

Я спрашиваю потому только, что Грета на такое не отвечает.

Кроме всего прочего, я горжусь! Я как раз начинаю полностью перерабатывать последние восемьдесят страниц*.

Скажи-ка, Генрих, сохранился ли у тебя ключ от моего почтового ящика? (32) Напиши мне, так ли это? – и что ты даешь мне честное слово каждые три дня забирать оттуда почту? Если там попадется что-то важное, перешли мне, пожалуйста!

Я сегодня окунул руку в море – сам пришел в ужас от собственной храбрости, только поиграв с мыслью о возможности искупаться.

В воскресенье у меня день рождения, старина, – сделай мне подарок и напиши что-нибудь милое.

Мне тебя не хватает – странно, не правда ли? Даже очень странно. Такова жизнь. Когда живешь в ста метрах друг от друга, этого не замечаешь, особенно когда занят. Но подожди, на последней странице моего сочиненьица я еще расцвету, как пион! Нет новым войнам! Нет новым книгам!

Как там с машиной?

Твои флирты я вскорости перееду! Или заставлю их сочинять книги.

Keep smiling! (Гораций)

Немного запаха моря уже придает мобильности – во всяком случае для работы, но позже – вот!

Ответь поскорее, мой изумительный, твоему

Лунному теленку³

с правом на охоту!

P. S. Самые добрые пожелания господину д-ру мед. Маркусу Даммхольцу!

Д.О.

Роман Э. М.Р.

1. Мотто: Бюккебург

2. Мотто: Л.м.а.А.

3. Мотто: Всегда постепенно вперед.

До августа я не успеваю!

Вывод: Вы меня больше не застанете!

Марии Хоберг в Абизию

Оснабрюк, 05.08.1930 (вторник)

³ От нем. Mondkalb – название юмористического стихотворения Кристина Моргенштерна. – Примеч. пер.2 Как тетива, как сталь курка, Любовь охотника крепка! – Здесь приведен перевод строк, данных в рисунке.

Дорогая уважаемая фрау!

Мои дни здесь проходят в работе, дожде, депрессиях – и один только взгляд на календарь заставляет с ужасом вспомнить о том, как долго уже Вас здесь нет. Но в дороге не следует слишком много думать о доме – лучше наслаждаться солнцем, морем и друзьями, как будто кроме этого нет ничего иного.

Вы, конечно, замечаете, что я всего лишь ищущий способ извиниться за то, что я не написал Вам раньше. Но если серьезно: в эти напряженные недели я ничего не слышал и не видел, и я не мог ни о чем другом думать, только о работе. Кроме того, я был почти десять дней не совсем здоров, так, видимо, известное нервное расстройство действительно случилось со мной.

Но теперь я в порядке, и моей первостепенной задачей будет поведать Вам, что дом, двор, сад и ребенок* в полной сохранности и в отличном состоянии. Билли находится здесь и уже без остатка отдается дому. Карла загорела и здорова. Погода до того скверная, что Вы должны быть вдвойне счастливы, будучи в отъезде. В один из дней здесь побывала моя жена, но только один день – работа* очень напрягает.

Мое «нервное расстройство» сыграло свою роль, все вокруг стали весьма послушными.

Что еще? Что еще может случиться в Оснабрюке? Вчера прошел праздник стрельцов – самое значительное событие сезона.

Мы с радостью ждем Вашего скорого возвращения!

Сердечное спасибо за обе открытки, Вам самые добрые пожелания усердного отдыха и прекрасного возвращения от Вашего

главного дворецкого

Эриха Марии Ремарка.

Бригитте Нойнер в Берлин

Оснабрюк, конец августа 1930

Ты что, свиная шкура, писать не умеешь?

Или ты считаешь, что пара банковских счетов в конверте с тремя словами – это уже письмо?

Подожди, вот я вернусь в Берлин! Я из тебя сделаю картофельное пюре!

В остальном – дождь – работа – вне себя от гнева!

Твоя судьба!

через три недели!

in three weeklys!

en trios semanas!

in drie weerken!

ento trito wekerli!

ennos trente wantos!

in trosteriti wentatscheerplus!

πς α.σ.ς εη υχ.ς η !

Гансу-Герду Рабе в Оснабрюк

Лондон, 15.10.1930 (среда)
[Штамп на бланке: «Клэридж»]

Дорогой малыш!

Я получил сегодня твое письмо, пересланное в Лондон, где я надолго засел и контролирую перевод*. К сожалению, я не могу уехать отсюда до двадцатого – до этих пор будет длиться работа, и я непременно должен присутствовать.

Но я даю тебе возможность рванаша: на рождественские каникулы ты наконец вместе с женой приедешь на пару дней в Берлин, мы встретимся и ходим в театр.

На Пасху или на Троицу, по твоему выбору, мы объедем с тобой поля сражений*.

Поскольку я знаю, что ты мне не веришь, я бы хотел сделать единственное для меня возможное, чтобы хоть как-то тебя убедить. Я бьюсь об заклад! Через несколько дней я перешлю на твой адрес пару сотен марок на хранение. Если я сдержу свое обещание, то получу их назад – если не сдержу, ты имеешь право использовать их на доброе дело – например, внести в партийную кассу УСПД⁴.

Бригитте Нойнер в Берлин
Париж, 22.10.1930 (среда)
[Штамп на бланке: отель «Карлтон», Елисейские Поля, Париж]

Генрих, восхитительный!

Я сегодня действительно в первый раз трезвый – это удивительно, – первая неделя в Париже просеивается буквально сквозь пальцы, особенно если днем спишь, а по ночам гуляешь.

В Лондоне я был до понедельника – мило и скучно. Ночная жизнь ограничивается парочкой кафе, парочкой ночных клубов, вроде нашей Фемины – и все! И еще сворой проституток, которым, впрочем, далеко до уровня наших на Курфюрстендамм.

Солидный, наводящий скуку приятный город, где я купил себе две вполне приличные шляпы.

Париж на этой неделе был действительно прекрасен: не по-осеннему тепло, вечером синь и туман, жаль, что я здесь без машины. Таким образом я оказался обреченным на ночную жизнь – я каждый вечер гулял с завсегдагатаями Белладонны, это великолепно, рестораны мелькают один за другим, элегантные, грязные, русские, французские и совсем французские. Маленький сутенер из Белладонны, Марсель, был с нами, и казалось почти невозможным отказать от его невест, которых он предлагал, словно сигареты. Я страшно много пил, однажды попал на аварию в такси, без последствий, всего лишь царапина, – принял участие в потасовке, посетил почти сотню ресторанов, среди них несколько поистине милых со всякого рода полукровками – и убедился, что жизнь без машины хотя и достойна, но только наполовину. Воздуха не хватает, Генрих.

Кроме того, я продал права другому французскому издателю* и рассчитываю теперь на переговоры с «Метро-Голдвин-Майер», чтобы пристроить им уже написанный роман*. Я веду себя так, будто это для меня ничего не значит.

Получили ли вы уже мою белую «Ланчию»*? Пожалуйста, Генрих, доставь ее

а) к «Фолль&Рубек» (шайбы, дверь (не закрывается), по возможности лакировать;

б) в мастерскую (полностью проверить).

Может быть, я ее наконец получу!

⁴ Независимая социал-демократическая партия Германии.

Забираешь ли ты время от времени мою почту? Посмотри, пожалуйста, когда придет письмо от «Идоны», будет ли в нем подтверждение на получение страховки в связи с последней аварией. Это, собственно, должно быть сделано, деньги ведь еще не выплачены. Или позвони как-нибудь, эти люди живут на Шютценштрассе, мне бы не хотелось, чтобы расходы на ремонт остались непокрытыми.

Меня несколько беспокоит, все ли и у тебя в порядке! Сделай все, чтобы, кроме этих, теперь еще два месяца не быть дома! Это стоит того! Свобода превыше всего!

Продаешь ли ты закладные? Они падают в цене? Я хотел тебе открыть счет в Англии, но не получилось – требуется личное присутствие. Если хочешь перевести деньги, ты можешь воспользоваться моим счетом в Швейцарском кредитном доме Цюриха. Но я не думаю, что это сейчас необходимо.

Пиши мне, я живу пока здесь, но здесь немного тесно – когда Клемент* уедет, я перемещусь в «Клэридж». Пока же лучше из-за переговоров оставаться в том же отеле, поскольку парижский телефон – это само по себе чудо – как-то я два часа ждал звонка из города. Соединение здесь – чистая случайность.

Итак, Генрих, держи ушки на макушке! Еще шестьдесят дней – точнее семьдесят, но скажем лучше только шестьдесят, – и ты услышишь меня на французском (я смешиваю его в последнее время с английским). Поскольку я был там три дня! Жуть! Эрих Р.

Отважный Генрих, я постепенно начинаю курс похудения – я бы не хотел предстать перед твоим испытующим взором ожиревшим.

Кроме того, я планирую составить небольшой список мест для посещения, так как я полагаю, что твоим первым прыжком на свободу будут четырнадцать дней в Париже – ты найдешь во мне первоклассного проводника.

Генрих, будь так великолепен, заставь Мака позвонить по поводу налога на автомобиль, чтобы я получил, наконец, мою плату, и отправь машину на покраску и техосмотр. Я бы хотел еще на ней покататься!

Беглый взгляд на Лондон и Париж меня убедил, что путешествиями нельзя пренебрегать, – это будет наш великий шанс, дорогой! Ланчии будут рычать и пролетать через проселочные дороги! Естественно, будет настоящее шампанское, уже из-за этого стоит побывать в Париже. В Лаперузе я сегодня отпраздновал свой отъезд запеченными раками – первоклассное бургундское мне весьма помогло.

Генрих, работай старательно – ты даже не представляешь себе, как хорошо и правильно то, что ты делаешь! Ты это еще не можешь оценить целиком – но ты должен мне поверить! Долби, долби – Пинкус, лесной дятел, он эссенция свободы.

Я выбил из моего нового издателя двести тысяч франков аванса!

К сожалению, мне еще надо найти новое название для книги* – и написать киносценарий для Леммле*. Это парочка мрачных тучек, но, правда, небольших.

Я думаю вернуться домой в начале следующей недели!

До этого ты мне должен обязательно написать. Ты уже забрал «Ланчию»? Не очень-то флиртуй, это вредит и коже, и сердцу! Я здесь чувствую себя отлично – вплоть до пьянства.

Тон Бонифациус.

Рут Альбу

Антибы, апрель 1931

Дни становятся жаркими, солнце тяжело нависает над Эден-Рок.
Воздух дрожит и мерцает, время застывает и топчется на месте.

Застывает над сновидением – сновидением, в котором вдоль берега с бешеной скоростью несется черный автомобиль, выписывая гремящие спирали, застывает над Антибами и Кап-Мартеном, над Ниццей и Ла-Тюрби – узким изгибом Гранд-Корниш.

Время остановилось и давит на ущелья между голыми скалами, на цветочные поляны, пронизывает горячий запах далекого глубокого моря, соли, луга, тимьяна и знойного африканского ветра.

Лежать, лежать, долго-долго лежать, а потом встать и идти назад – вечером, когда тени ущелий набрасываются, словно стая темных волков на светлых псов автомобильных фар, – вечером, неизменно вечером, когда ряды фонарей больших бульваров исполинскими дугами спускаются к морю, – вечером, когда сумерки растворяются в темной синеве, темной, как мягкий, кожаный, иссиня-черный бумажник, – вечером, всегда вечером, когда сливаются в едином крике рев мотора, шум дороги, вой ветра и шелест леса.

Ах, вечером, вечером – вечером.

Уже скоро.

Эмилю Людвигу

Нордвейк-ан-Зее, июнь 1931

Дорогой и глубокоуважаемый господин Людвиг!

Только сегодня, спустя полгода, меня догнала часть моей почты, которая до сих пор была мне недоступна, – и поэтому только сегодня испытал я великую радость, получив Ваши дружеские слова о моей второй книге*, отправленные мне на Новый год.

Уже два года я живу в состоянии глубокой подавленности, а временами меня охватывают приступы отчаяния, и я бегу от людей, бегу от самого себя и от жизни – как хотелось бы мне обрести завершенность, ясность, отчетливость, но это невероятно трудно. Порой мне кажется, что уже поздно, и в такой тяжелый момент я получаю письма – такие, как Ваше. Они помогают мне снова обрести веру в себя, веру, которая жила во мне много лет назад, до войны. Я очень рад, что получил Ваше письмо именно сейчас, и очень радуюсь тому, что это письмо именно от Вас. Я не в состоянии объяснить почему, ибо я не умею говорить о себе – просто поверьте, что Вы подарили мне нечто особенное.

Я желаю Вам всего наилучшего в вашей большой и важной работе. Сердечная благодарность и самый сердечный привет от Вашего

Эриха Марии Ремарка.

Рут Альби

Порто-Ронко, 22.06.1932

Мне очень трудно тебе отвечать. Что еще я могу сказать? Словами можно лишь все испортить. Я могу сказать: я не знаю, – я могу сказать, что у меня такое чувство, будто я наткнулся на медленно тающую льдину, – я могу сказать, что, наверное, я несчастлив, но этого я не хочу знать, – я могу сказать: да, я морально неустойчив, я устал, и так ни к чему до сих пор не приступил, – я могу сказать: да, возможно, я не способен любить, но кто сильнее меня желал бы полюбить, – я могу сказать: уйди от меня, отойди прочь, я не гожусь на роль человека, который порывисто и безоглядно бросается в омут, я всегда здесь лишь отчасти, я слишком мелок, я только беру, но не отдаю.

Все это правда, я сам часто и очень отчетливо это вижу – и, несмотря на то, что я это знаю, знаю, что должен закрыть на это глаза, чтобы окончательно не отчаяться, несмотря на все это, во мне живет темная, неясная вера в то, что я все же смогу хоть что-то объяснить: что не все целиком так плоско, зыбко, удобно и фальшиво – что есть лишь душевная сумятица,

слабость и нерешительность. Нет, иногда я смутно чувствую, что мог бы не так сильно страдать от этого, и поэтому мог бы ничего не делать, даже если, кроме всего этого, нет ничего, что бы я не мог понять, и чего я мог бы страшиться – того, что можно было бы назвать громким словом «Судьба».

Ты говоришь: «Любовь или ненависть – из них родилось все великое». Я не знаю, так ли это, но очень часто, чувствуя себя совершенно беспомощным, я думаю: как было бы просто любить или ненавидеть. Но нет, я тебе не верю: есть и другое лоно, из которого рождается столь многое: имя этого лона – отчаяние. Любовь и ненависть – это отговорки, опоры, за которые можно держаться, и только тогда, когда они рушатся, возникает великий страх или столь же великое бесстрашие.

Я всегда хотел играть, я всегда любил легкость, беззаботность, безрассудство – любил окунаться в них, убегать в них, теряться в них. Сколько еще я смогу быть один. Разве не всегда хотел я быть счастливым? Но разве я не знаю и другого: начать – значит разрушить.

У этого письма не будет конца. Я пишу его уже несколько часов – и после каждого написанного слова напряженно вслушиваюсь в тишину, но слова проплывают мимо, и я никогда не смогу заставить их выразить то, что мне хотелось бы. Я не могу ничего сказать о себе – я так привык лгать, а теперь, когда я отбрасываю все случайные фразы, я чувствую только стыд за то, что оказался у тебя в плену, за то, что так и не смог излечиться от своего отчаяния.

Да, я не могу любить тебя так, как хотелось бы тебе, – но нельзя строго судить того, кто в безумной и порывистой надежде набрасывался на жизнь, думая соблазнить ее, чтобы она, в свою очередь, соблазнила его.

Я избегал всего, что только мог; ах, я не хотел натолкнуться на такую странную неудачу, не хотел очутиться в сомнительных сумерках – я хотел ясности и счастья, я хотел жить. Но теперь я иногда вижу, что это неуклонное падение является лишь подготовкой: в результате этого падения я окажусь на голом неприветливом пике работы. Я ее ненавижу: она разбила все, что у меня было, она отнимает у меня тех немногих, кто меня любит, она вторгается в мое бытие, но не внушает мне веры ни в нее саму, ни в меня – я смотрю ей в глаза, холодные и упрямые, я знаю, что никогда не полюблю ее, но я не отступлю перед ее натиском.

Любовь? Разве это не любовь, когда ты живешь в моем сердце, и с каждым днем я люблю тебя все сильнее и глубже, потому что знаю: я потерял тебя еще до ее начала?

Любовь? Я не способен различать ее, как ты. Я не знаю ничего другого, но для меня любовь – это то, что не подвержено разрушению: любовь – это отношение к человеку, не просто к женщине. Мое отношение к тебе останется нерушимым. Ты уйдешь и всегда будешь уверена, что причиной стали другие – ты не сможешь понять, что это не так; и я ничем не смогу тебя переубедить. Никогда, *никогда* не было другого – всегда был только я, а во мне большой, бесформенный кулак, удерживавший меня – всегда, словно он всегда чего-то от меня хочет, хочет того, что могу сделать только я, если не растворюсь в ком-нибудь другом. Если останусь единственным, самим собой.

Но чувствуешь ли ты, насколько ты мне близка? Эта безнадежная близость делает меня счастливым. Ты не сможешь понять, что я хочу тебе сказать. Да я и сам не могу толком этого понять. Иногда я очень явственно воображаю тебя, словно ты стоишь передо мной, – ты говоришь с людьми, они дают тебе благонамеренные советы, а мне хочется увести тебя в ночь, попытаться поговорить с тобой без лишних слов, чтобы объяснить, как я люблю тебя, как я теряюсь – ведь я пытался и раньше. Но другие имеют больше прав, чем я.

Письмо, и правда, получается бесконечным. Прочти и порви его – оно насквозь фальшиво, чтобы оно было правдивым, нужны великие слова. Но я не смог найти таких слов и поэтому обхожусь обыкновенными. Выведи из этого письма только одно: я никогда не видел в твоём отношении ничего иного, как неожиданно свалившееся на меня что-то великое и прекрасное, то, что я хотел бы удержать, – но я не создан для этого.

Дай мне время, и я смогу объясниться. Мое письмо – очередная попытка сделать это. Я многого не понимаю. Но отступать дальше я не хочу.

Я снова здесь со вчерашнего дня. Под Флоренцией я столкнулся с другим автомобилем. Я всегда думаю о тебе – и дома, и в дороге. Но снова я не сказал тебе всей правды. Не читай лжи в этом письме. Читай то, что я не смог сказать.

Рут Альбу

Порто-Ронко, до 23.08.1932

Привет, обезьянка!
Вот тебе письмецо от нашей с тобой Доротей.
За посылку спасибо —
А ты не забыла форель?
И как там насчет сандалий?
В воздухе осенью пахнет —
Скверный опасный запах.
Скоро конец рождественской сказке*,
Но тебе я ее не пошлю – уж очень страшна.
Сказки на Рождество – они ведь всегда страшные...
Как мне тебя не хватает!
Нынче впервые мы огонь разожгли в камине.
Как мне тебя не хватает!
Ссадина Пэт* зажила, ну, а Ленни*
Отбывает пятнадцатого – ничего в том веселого нет.
Полагаю, Сибилла* скоро будет в Берлине.
К нам собирается венка* – венская кухня, о да!
Как мне тебя не хватает...
Рислинг, что ли, сегодня открыть 21-го года
И поставить на стол два стакана – мне и тебе?
Заведу граммофон, буду пить и песенки слушать.
Быстро сходит с меня загар:
От писательства жутко бледнеют,
Особенно от рождественских сказок —
Они изнуряют, и пишущий их несчастлив.
Герман Банг говорил: «Писательство – тот же вампир».
Как мне тебя не хватает.

Кажется, начался сезон дождей; я развел огонь в камине и завел граммофон. В комнате дым и гром, а я вспоминаю о многих вещах.

Останешься ли ты в Бреслау*? Иногда я думаю: скоро ты напишешь мне, что местный театр обанкротился и ты возвращаешься. Как это было бы прекрасно зимой – знать, что будешь работать, жить в теплой комнате и говорить, говорить и говорить с тобой.

Но может случиться, что осенью я сделаю перерыв и приеду в Бреслау. Надеюсь, мои дела в Германии скоро утрясутся* и я успею к тебе до осенних дождей.

Недавно я упорядочил все свои проблемы за последний год – того потребовали обстоятельства. Естественно, я выполнил это с большими недоделками, ибо имею весьма приблизительное представление о своих финансах. Тут я нашел банковский перевод на одиннадцать тысяч марок на твоё имя. Там приписка насчет того, что из этой суммы ты купишь мне кое-какие вещи, а остальное оставишь себе в виде ссуды, чтобы расплатиться с долгами и т. п. Я

пишу это для того, чтобы, если кто-то тебя об этом спросит, ты говорила бы то же самое, что и я. Не думаю, правда, что тебя об этом кто-нибудь спросит, так как это касается только меня и таможи, а больше никого. Мне удобнее так это задекларировать, а не входить в подробности о белье, коврах и т. п. Если вдруг захочешь получить запрос, то просто позвони мне. За свою медлительность я скоро нарвусь на денежный штраф, но постараюсь его снизить, указав, что, на самом деле, мои деньги лежат на счете в Германии. Есть, правда, некоторые трудности, потому что я забыл о многих своих платежах. Комичная ситуация – документально удостоверить свою личную собственность. Но довольно об этом.

Ты должна мне писать, обезьянка. Чаше! Я думал, что буду писать тебе каждую неделю, как делать записи в дневнике – описывать все события за неделю, но ты покончила с моей решимостью. Я думаю, что писать тебе письма намного приятнее, чем царапать каракули в дневнике. Что ты об этом думаешь? Напиши! Во время купания я разбил себе правую руку, а за левую меня укусили собаки, когда я их разнимал. Две повязки – это очень комично, но сильно мешает писать.

Целую тебя.

Рут Альбу

Берлин, осень 1932

Ты просто должна, нет, обязана, хоть что-то мне написать, и написать скоро. Пиши, как твои дела, малыш. Не надо писать много, достаточно всего четырех слов (у меня все хорошо). Поездка была не очень удачной. От Асконы до Шаффхаузена и от Готтарда до немецкой границы туман – серый, коричневый, белый туман – гороховый суп = туман, как в прачечной. На германской границе внезапно проглянуло солнце – открылась панорама Шварцвальда – мокрого, под синим небом. Я сразу же решил продать дом и переехать в Шварцвальд. Я оставался верен этому решению почти до Нюрнберга, но потом решил еще больше времени проводить в Асконе-Ронко.

В Берлине видел два фильма – с Гарбо и Дитрих – и открыл, что большинство мужчин просто отвратительны. Я заметил, что в атмосфере взаимного раздевания и рентгенологически очевидного недоброжелательства жизнь еще возможна, но любовь – нет. Я не смог избежать знакомства с адвокатом Альсбергом. Я слушал его и не переставал удивляться. Его квартира – настоящий музей. Таких прекрасных ковров я не видел никогда в жизни. Сам он – измученный работой, до крайности утомленный человек.

Перечитал, что написал*, – еще большая дрянь, чем я думал.

Сейчас сижу в отеле и размышляю. Здесь я становлюсь спокойным и задумчивым. Понимаю, что я стал намного спокойнее. Наверное, слишком спокойным для моей профессии. Я многое наблюдаю, но лишь качаю головой. Мне следовало взять с собой Билли или Томми. Я этого не сделал, потому что подумал, что собакам здесь не понравится и будет очень скучно. Но сейчас мне их не хватает. Теперь пиши мне ты, пиши, что дела твои поправились, что у тебя все хорошо, что ты хотя бы немного отдохнула. Пиши, я удовольствуюсь и малым.

Но пиши скорее или позволь писать мне.

Прими поцелуй от твоего доброго коняги.

Эльге Людвиг

Предположительно 29.11.1932

Дорогая и глубокоуважаемая госпожа!

Двухдневная охота за соленым миндалем в Тессине оказалась безуспешной, но в Вашем доме не хватало и кое-чего еще: для надоедливого постояльца королевская «Генри Клей» – слишком тяжелая сигара, она, как и все августейшие особы, требует к себе особого внимания. После еды она просто великолепна, она царственно принимает покорную преданность смуглого пажа – кофе, но с вином начинается война не на жизнь, а на смерть. Эта сигара своим хвойно-перечно-орхидейным вкусом убивает аромат вина.

Вместо этого есть легкая, укрощенная европейская марка – в дополнение к львице «Генри Клей» я посылаю Вам ласковую кошечку с отечественным штемпелем.

Для Людвиг я прикладываю пару стихов, которые я, сочиняя, громко лалял наперегонки со своими собаками.

Как же у Вас было чудесно! Меня печалит лишь то, что я пробыл у вас слишком долго, доучая Вам своей громогласностью. Но это была радость, которую я просто очень непосредственно выражал.

Простите великодушно преданнейшего Вам
Эриха Марию Ремарка.

Эмилю Людвигу

Предположительно лето/осень 1933

Дорогой Людвиг!

Только сегодня получил один экземпляр «На Западном фронте без перемен» с известиями от издательства «Ульштайн».

По договору издательство обладает всеми правами, также как правами на выборочную публикацию в газетах и т. д. Я потребовал вернуть мне права. Издательство отказывается и настаивает на соблюдении договора.

Я проконсультировался с моим берлинским адвокатом*. Он пишет, что я могу оспорить договор только в том случае, если издательство не выполняет своих обязательств. Помимо этого, я должен дать издательству определенный срок, а по истечении этого срока я уже ничего не смогу сделать, а издательство, в его нынешнем положении, естественно, воспользуется любой возможностью оштрафовать меня за нарушение договора, что очень легко сделать, так как мои счета в Германии заблокированы. Адвокат не советует мне действовать в одностороннем порядке, но сначала оспорить договор в целом. Естественно, я никому не сказал, что Вы хотели опубликовать выдержку из романа, а описал все лишь в общих чертах.

К сожалению, дело очень сильно затягивается. Но, невзирая на это, я посылаю Вам книгу, не зная, конечно, зачем она Вам понадобится – просто для сведения или для публикации выдержки.

Если же она Вам больше не нужна, то, прошу Вас, вышлите ее мне назад. Это единственный экземпляр, который у меня есть.

С сердечным приветом,
Ваш
Эрих Мария Ремарк.

Карлу Цукмайеру

Порто-Ронко, 1934

Дорогой Цук!

Троекратное ура успеху «Плута»*! Он того достоин! Великолепная стихотворная работа. С каких пор ты стал так тонко понимать любовь? Или ты только потому о ней пишешь, что ни черта в ней не смыслишь? Маленькая «История любви» – лучшая тому иллюстрация! Чудесно! В «Плуте» есть что-то от «Ромео и Джульетты»! С учетом дистанции, конечно.

Я отложил для тебя бутылку «Наполеона» 1811 года. Помнишь ту бутылку, которую мы с тобой распили в прошлый раз? Она была с «Наполеоном» 1860 года. А это *настоящий* «Наполеон» 1811 года. Только одна-единственная бутылка. Мы ее опорожним, и за этим приятным занятием поговорим об обеих книгах.

Я пока остаюсь здесь. Мараю следующую книгу*. Надеюсь закончить ее через два месяца. Потом куплю бочонок рома «Сент-Джеймс» и буду беспробудно пить целый год. Могу же я позволить себе первый отпуск за двадцать лет.

Расти большой!

Твой старый Алоиз Шикльгрубер*.

Возлюбленная моя Иобс*!

То, что эта тварь, Цук, никогда тебе не напишет, если ты ему о себе не напомнишь, я знаю совершенно точно. Он так же не любит писать письма, как и я. Но ты – светлый экватор между нами, двумя алкоголиками на полюсах. Сердечно тебя приветствую, твой

Куно фон Блубовиц цу Боденшвайс, наследственный крестьянин.

Немцы, пользуйте немецких женщин! Ешьте немецкие бананы!

Привет тете Мете!

Лисбет после кори пошла на поправку. У Генриха режутся зубы.

Здоровью хайль!

Немецкий зонтичный фронт, фабрика искусственного шелка.

Вальтеру Файльхенфельдту, Амстердам

Порто-Ронко, 12.01.1934 (пятница)

[Открытка с видом на Изоле-Прессо, Аскона]

Любезный Файльхен!

Я не ветреник, я просто загнан контрактами, которыми надо заниматься, но эти дела совершенно вышли из-под контроля. Но как я буду покупать картины, если дело с контрактами не разрешится? Скорее напишите мне, где Вы находитесь! Знаете ли Вы, что вещи адвоката А. будут в середине месяца проданы с молотка? Что делать? Не собираетесь ли Вы вскоре снова осадить Милан? Это было бы просто великолепно! Всего Вам хорошего и прекрасного в этом году!

Всегда Ваш,
старик Бони.

Пришлите мне номер вашего телефона!

Издательству «Бонье Бокох Тидскифтсферлаг», Стокгольм

Порто-Ронко, 20.12.1936 (воскресенье)

[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]

Уважаемые господа!

Настоящим извещаю Вас, что на днях я наконец отредактировал, исправил, закончил и подготовил к печати текст романа «Три товарища». Рукопись я отправлю частично следующей почтой, а оставшуюся часть на следующей неделе.

Насколько я знаю, господин Клемент с целью заключения договора со своей стороны отправил Вам экземпляр, предназначенный для газетной публикации*. Этот экземпляр, однако, не предназначен для книжной публикации, ибо я уже заявил, что тот вариант нуждается в изменениях и сокращении. Собственно, даже если Вы уже передали текст переводчику*, то для него не составит большого труда внести требуемые исправления, так как они не слишком значительны и являются всего лишь мелкими исправлениями и стилистическими улучшениями.

Прошу Вас еще раз положить в основу вашей публикации тот текст, который Вы получите в ближайшие дни.

С глубоким уважением,
Эрих Мария Ремарк.

*Доктору Марианне Файльхенфельдт, Амстердам
Порто-Ронко, 01.04.1937 (четверг)*

Дорогая Марианна!

Сердечно благодарю Вас за пересылку фотографий, которые я только что отправил дальше. По возможности я постараюсь получить для Вас экземпляр расписки. Вы, однако, неправы в том, что разворачиваете своих молодых учеников столь дорогими подарками. Мы с Вами должны оба придерживаться строго делового подхода, и поэтому я прилагаю чек, который и без того составляет минимально необходимую сумму.

К несчастью, в моей картине ван Гога* я заметил нечто, что меня сильно обеспокоило, и мне очень нужен совет Файльхена*. Во многих местах, особенно там, где слой краски наиболее толст, появились мелкие трещины, думаю, нам непременно надо с этим что-то сделать. Для картин здесь определенно плохой климат, здесь то холодно, то жарко, то сухо, то влажно. Может быть, надо поместить картину под стекло или еще что-нибудь с ней сделать. В любом случае я буду очень рад, если Файльхен что-нибудь скажет по этому поводу либо в письме, либо лично во время Вашего следующего приезда ко мне.

Здесь уже давно стоит апрельская погода, и нам было бы неплохо поинтересоваться о распродажах предметов искусства – будь то картины, ковры или керамика. Здесь благодатно чувствуешь себя вдали от больших городов и шикарных кинотеатров, здесь не окунаешься в пресную и затхлую воду обыденной жизни.

Сердечный привет Вам обоим.

Ваш

Бони.

Приложение: 1 чек.

*Марлен Дитрих
Лос-Анджелес, около 1940*

Вы только посмотрите на Равича, исцарапанного, заласканного, зацелованного и заплеванного. Я, Равич, видел многих волчиц, умеющих менять обличье, но такую пуму встретил впервые. Царственное создание. Она способна на чудесные превращения, когда лунный свет скользит по верхушкам берез. Я видел эту пуму ребенком, видел, как она, опустившись на колени на берегу пруда, разговаривала с лягушками. Она говорила, а на лягушачьих головах вырастали золотые короны. В глазах ее было столько силы, что это не превращало лягушек в

королев. Я видел ее дома, видел, как она готовит желто-белую болтуню. Я видел ее шипящей, как тигрица. Она была как строптивая Ксантиппа, а ее длинные острые когти угрожающе приближались к моему лицу. Я видел, как пума уходила от меня, и мне хотелось кричать, чтобы предостеречь ее, но я не смел даже открыть рот. Друзья мои, видели ли вы, как пума, словно огонь, пляшет передо мной? Как? Вы говорите, что для меня в этом нет ничего хорошего? На моем лбу зияет открытая рана, а из головы вырван изрядный клочок волос? Так случается со всяким, кто живет с пумой под одной крышей, друзья мои. Иногда она может сильно поцарапать, даже если на самом деле хотела просто погладить, и даже во сне ты должен остерегаться нападения.

*Этону Синклеру/издательство «Вайкинг-пресс», Нью-Йорк
Лос-Анджелес, 15.05.1942 (пятница)*

Глубокоуважаемый мистер Синклер!

Хотелось бы с самого начала уведомить Вас о том, что это письмо является сугубо конфиденциальным. Мы отправляем его очень ограниченному кругу лиц, которых, мы уверены, заинтересует его содержание.

Вы наверняка заметили, что положение многих европейских писателей, по праву снискавших известность и оказавшихся в этой стране, стало весьма стесненным и затруднительным с тех пор, как они прибыли в Соединенные Штаты. До сих пор киноиндустрия проявляла желание сотрудничать с ними, что позволило им заключать с киностудиями так называемые «горячие контракты». Кроме того, многие писатели получали помощь от своих европейских коллег, способных ее оказать.

К несчастью, контракты ныне были расторгнуты, и даже самые состоятельные европейские писатели оказались не настолько состоятельны, чтобы предложить своим коллегам полноценную помощь и поддержку.

На этом основании мы на недавно проведенной встрече решили обратиться к Вам, глубокоуважаемый мистер Синклер, а также к немногим вашим выдающимся коллегам, чтобы искать у вас помощи. Здесь, на Западном побережье, обосновались некоторые выдающиеся немецкие и австрийские писатели-антифашисты, в деле поддержания которых мы хотели бы заручиться Вашей помощью. Почти все они имеют семьи.

Основная часть нуждающихся получает поддержку от подписавших это письмо. Остальных остро нуждающихся писателей мы надеемся поддержать, рассчитывая на великодушие и чувство солидарности тех наших американских коллег, которые в состоянии это сделать и чувствуют необходимость оказать такую помощь.

Нам хотелось бы уверить Вас, что каждый из оказавшихся в бедственном положении писателей является достойным представителем нашей профессии и вполне заслуживает вашей поддержки. Более того, вероятно, что Вы читали те или иные произведения этих авторов и могли по достоинству их оценить.

Мы берем на себя смелость сообщить, что ежемесячное перечисление двадцати пяти долларов в течение полугода стало бы большим подспорьем для нас и искренне бы нами приветствовалось. Нет нужды упоминать, что более крупные перечисления значительно облегчили бы нашу задачу. Естественно, мы будем рады и в том случае, если Вы предпочтете просто единовременно перевести на наш счет некую сумму.

Ваше пожертвование не будет облагаться налогом, ибо мы сотрудничаем с «European Film Fund», который в должном порядке зарегистрирован как благотворительная, освобожденная от налогов организация. Чеки можно присылать на адрес «European Film Fund, Inc.».

Мы уверены, что нам нет нужды снова и снова говорить ни о неотложности этого дела, ни о необходимости действовать быстро. Само собой разумеется, что писатели, которых это

касается, не знают об этом письме. Для нас приоритетом является анонимность «European Film Fund».

Поверьте, мы не сразу обратились к Вам, это подтверждается тем фактом, что мы пишем вам только теперь. Американские писатели на многих примерах выразили свою солидарность со своими страдающими зарубежными товарищами, и мы почувствовали, что можем довериться им в этот нелегкий момент.

Просим направить ответ подписавшим это письмо по адресу: с/о «European Film Fund, Inc.», 9172 Sunset Boulevard, Hollywood, California.

С дружеским приветом

Лион Фейхтвангер, Томас Манн,

Бруно Франк, Эрих Мария Ремарк,

Макс Хоркхаймер, Франц Верфель

Наташе Уилсон-Палей, Нью-Йорк

Бeverly-Хиллз, 28.05.1942 (четверг)

Наташа, твой голос так отчетливо раздавался в телефонной трубке, что мне казалось, будто ты находишься в соседней комнате – все еще здесь, все еще со мной, все еще в моей голове. Я прикрываю ладонью ухо, чтобы еще на минуты задержать его в голове, а закрыв глаза, я явственно вижу перед собой твои серые, чудесные, вопрошающие кошачьи глаза – я вырываю из груди сердце и швыряю его во тьму ночи, я подхожу к окну, вижу запретный город и ощущаю дуновение ветра, и внезапно мне в голову который раз приходит мысль о том, как прекрасно жить, жить в твоих мыслях и в твоём сердце.

Ты укачиваешь и навеваешь безмятежные сны, ты – Европа для меня и для всего вокруг, ты – августовское утро под яблонями Нормандии, ты – венецианские сумерки, ты – крошечная часовня в глубоком снегу Цуоца, ты – дом на берегу Порто-Ронко, ты – такая, какой я видел

тебя в Санкт-Морице, в длинном платье от Лелонга*, как на этом рисунке (не показывай его Майнбохеру*), ты – делающая меня молодым и вселяющая в меня надежду на будущее, ты – поющая под цыганскую скрипку в доме Перникова – «Ты преходящее лето, а я – умирающий лес»; ты, положившая голову мне на плечо в баре Греты, «друг мой, о звездах не спрашивают» (о, да, мы порой это делаем); ты – в окружении волшебных магнолий и фрезий, в ворохе цветов на полу полутемного бара с пианистом Джеком; ты – в синий полдень в «Шерри-Недерланд» и песни Таубера «Отдай мне свое сердце». Наташа, дитя мое, сестра и возлюбленная, корабль мой и гавань, хаос, складывающийся в порядок, когда твой чудный голос приплывает из-за горизонта, полный чистой и свежей крови, – все, все на свете содержится в этом слове, когда ты произносишь его по-немецки – все, ностальгия и свершение, мечты, печаль и вечный бег жизни, когда звучит твой, Наташа, сладкий голос, останавливается скачка этих месяцев, которые надо пережить, и ты знаешь, что, невзирая на потоки крови, все еще растут деревья и все еще цветут цветы, и есть ты, образ всего того, что утрачено, всего, что будет снова обречено, и я бросаю тебе его сквозь ночь, его, мое потерянное, безумное и мятущееся сердце – прими его в свои руки, и оно расскажет тебе – тебе расскажет – расскажет о чем-то большем, чем любовь, – о возвращении домой, о мужестве и отчаянии, расскажет о нигилизме и легкой беззаботности и веселье, расскажет о том, как быть одновременно углекопом и танцором, расскажет, как закаляют себя, чтобы сопротивляться подступающему со всех сторон ужасу, и не потерять твою нежность; но после победы неизменно победитель становится побежденным. Оно расскажет тебе все свои истории, прикорнет на твоём плече и надолго умолкнет, зная все о теще, дитяти, сестре и возлюбленной, и скажет тебе, наконец: я люблю тебя навсегда.

Darling⁵, спасибо тебе за чудесные цветы, которые я принесу к пароходу – за твои желания, что согревают мое сердце, как тот дивный июньский день – ты всегда в нем – в его светлом, как белизна, покое, полном лазури и золота.

Эрих.

*Альме Малер-Верфель
Лос-Анджелес, лето/осень 1942*

Как выныривают, милостивая госпожа, из неистовой смеси водки, рома и грозовой ночи (в волосах остатки кошмаров, в брюхе бромо-зельцеровская вода, в душе ощущение проходящего хаоса), просыпаясь либо друзьями на всю жизнь, либо вечными врагами – кто знает исход? Слава богу, в нас осталось еще так много дикости!

Посылаю Вам из своих сокровенных жидких запасов завернутую в цветы бутылку русской водки – как план войны, завернутый в бумажку с мирным договором, – с величайшим почтением.

Мы салютуем Вам, герцогиня, поднимая полные стаканы в Вашу честь после того, как Вы нас покинули. Мы испытываем к Вам то почтение, какое волки питают к львицам.

Салют! Вам и Верфелю —

Ваш

Эрих Мария Ремарк.

*Альме Малер-Верфель и Францу Верфелю
Нью-Йорк, ноябрь 1942 года*

Мы превратили комнату шампанского (так это теперь называется) ресторанчика «Эль-Мароккос», где обосновался наш любимый венский музыкант, в наш любимый полевой штаб, откуда методически и энергично, вооружив каждого второго сигарой и цимбалами комнаты грез «Монте-Карло», ринулись в Гарлем, Чайнатаун, Бруклин – обжираться в чешских, еврейских и французских ресторанах, где удостоверили высочайшие питейные качества столицы и потребовали мозельское урожая тридцать седьмого года, веленерские солнечные часы, конфисковали в свою пользу остатки розового шампанского вкупе с благородными коньяками и старым «Марком», соблазняли красивых и готовых на все женщин на кражу бензиновых талонов, вытряхивали деньги из обалдевших бизнесменов – и были очень рады быстроте такси. Везде мы молниеносно завоевывали на свою сторону симпатии мэтров, сомелье и таксистов. Мы стали господами и властелинами наших ночей, в тьме которых лишь где-то вдали – так же далеко, как смутные очертания созвездия Скорпиона, – маячило на горизонте дымное светило Беверли-Уилшайер.

Дорогие мои! Все уже здесь! Приключения свисают с небес, как печеночные колбаски свисают со стен мясной лавки в караван-сараях Центрального парка. В воздухе пахло, клянусь вам, ворованным бензином, а снаружи был лес – я уже три года не видел осеннего леса, – он был прекрасен в своих коричневых, красных и золотых тонах. Мы* захватили с собой «Оспис де Бон» тридцать четвертого года, свиные котлеты одной югославки по имени Элизабет и немного сливовицы с партагасом. Со всем этим мы принялись замусоривать природу и славить Господа! Позже мы добрались до моря и остановились на берегу. Небо казалось нам шелковым, а на другой стороне лежала Европа, и у нас, благодарение Богу, еще оставалась сливовица. Мы охладили ее в Атлантике и пили ее, стоя в сумерках на берегу, охваченные ностальгией.

⁵ Дорогая (англ.).

Здесь есть картины Рембрандта и Вермеера, я упился Ренуаром, да, к тому же в антикварном магазине «Таннхаузер» есть настоящий кюммель (ледяной кюммель, Франц!). Да, здесь были и Дега – настоящий ночной балет – и кружение прекрасного перед нашими изумленными глазами – Пикассо (между прочим), Сезанн, Писарро, Мане, Ван Гог, – и все это в готическом амстердамском доме посреди Нью-Йорка. Кюммель – крепкий, берлинский и очень холодный, а в полевом нашем штабе нас ждали, усыхая от тоски, очаровательные женщины, изнывающие по неопределенности. Пел Джек: дорогой друг, человек не хватает с неба звезд, он не Бетховен, его, Джека, любят, хотя и презирают за содержание. Короче, наконец пробило четыре утра.

Мои дорогие! Пакуйте чемоданы и бросайте к чертовой матери свой уютный дом, оставьте царственные деревья авокадо на попечение их плодов и приезжайте. На Двадцать первой живет любитель куропаток, а в «Шатобриане» можно выплакать благодарную радость, избавиться от неврастения – она улетучится, словно похмелье в турецкой бане. Здесь, клянусь вам. Вы станете на пару лет моложе, посвежете от нашего изысканного комендантского часа*, мы очистимся в благодатном уединении – не будем напиваться до полусмерти, но просто кинем взгляд на здешнее общество.

Альма, обнимаю тебя! Франц, прижимаю тебя к сердцу! Снизойдите до пожатия моих мозолистых рук! Как же было хорошо у вас. Да не пропадет, но вырастет! Хороший фильм, сказал однажды знаток Сэм Голдвин, должен начинаться с землетрясения, а затем двигаться к кульминации. Не так уж он был и неправ.

Ваш

Ассессор Алоиз Хорст фон Фельзенек.

*Альме Малер-Верфель и Францу Верфелю
Нью-Йорк, 24/25/26.07.1943*

Мои дорогие!

Время летит неумолимо, только что свергли Муссолини – наверняка это прямое следствие политических усилий «ООО Томас Манн». Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как вы уехали. Небоскребы плавают в июльской жаре, но я еще здесь и, видимо, не вернусь в Голливуд до ноября, потому что в ноябре суд будет рассматривать мои налоговые дела*. Тогда я побросаю в чемодан вино, шнапс и книги и полечу туда.

Почему? Ты все верно угадала, Альма! Ветер снова пахнет клубникой, на асфальте цветут камелии, горизонт поет, под истерически голубым небом всякий чувствует себя на восемнадцать лет и не растрчивает свое время на заточение чувств в книжные консервы (это не выпад против Францена!), а просто объедает свежие листья с куста. Для меня это необходимость, мои дорогие! Бог вознаградил меня за то, что я так долго, проявив неземное терпение, прожил с непрерывно что-то готовившим кухонным вампиром*. В этот первый год в Фони-вуде он наконец вытряхнул для меня что-то стоящее из своего флакона*. Свершилось! Аллилуйя!

От Францена я получаю деловые новости. Кажется, он раздобыл денег, и это хорошо! Это просто великолепно – знать, где можно жить, когда в дым разоришься. Допускаю, что у Людвиг, Фейхтбакера*, Манна и других от зависти вылезет грыжа.

Спешу написать, чтобы ты, Альма, не пугалась: готова первая копия* моей книги. На шестиста пятидесяти страницах – больше, чем предполагалось.

Недавно мне в руки попало нечто просто неземное – старинные украшения: греческие, критские, египетские, кипрские, этрусские – кольца, серьги, цепочки, небесная филигрань, – приблизительно пятьдесят штук. Через полторы тысячи лет они снова соприкоснулись с теплой человеческой кожей. Я могу немного попридержать их у себя, чтобы показать вам – это золотая поэзия, и Франц, несомненно, сочинит стихи, как только все это увидит.

Часть моих картин уже здесь. Последние придут в конце июля, к осенней выставке*. Пока они здесь и освещают мое существование после полуторагодовой разлуки.

Как вам живется в вашем красивом доме? Прошу вас, выпейте сегодня за бессмертные души! Как это великолепно, что с каждым годом становишься моложе! В тяжелые времена веселье бережет нас! Веселье, что за чудесное слово! Такое же прекрасное, как спокойствие. Почти такое же красивое, как опьянение. Вот закон: цветовой спектр прошедших лет (и их опыт) не ослабляют силу лучей!

Мы должны быть молодыми, когда все это наконец пройдет! Молодыми и мудрыми! Ладно, я начинаю писать вздор. Прощайте, дорогие мои! Пишите!

Бони.

*Альме Малер-Верфель и Францу Верфелю
Нью-Йорк, март/апрель 1944*

Мои дорогие!

Был рад узнать, что у Франца все налаживается! Я читал, будто он приглашен в какой-то фильм – и это еще лучше! Весна поможет ему своими подземными соками.

Я провел несколько прекрасных вечеров за чтением стихов Францена. Отыскал их в завале своих вещей и окунулся в них с головой. Наша родина теперь в книгах и сердцах, картинах и музыке – и так я провел в доме несколько вечеров наедине со стихами, наслаждаясь последней бутылкой 1921 хохаймера и сигарой. Ромео и Джульетта во второй вечер поставили что-то красивое в угол, где диван, и начали – Франц простит меня – переводить стихи. Они смогли придать очарование даже самым плохим импровизированным переводам. Это просто великолепное собрание.

Отвечаю на твои вопросы: однажды случайно встретил Марлен. Она превосходно разыграла эпизод из третьего акта драмы «Проводы уходящего на войну возлюбленного»*. Знаешь ли ты, что люди настолько стесняются того, чтобы принимать кого-либо более серьезно, чем симпатичную шлюшку, что просто не в состоянии прямо ему об этом сказать, и будет излишне, просто приторно мил, даже если испытывает к собеседнику непреодолимое отвращение? Вонь публицити, мелкобуржуазный эксгибиционизм и фальшивые чувства, мнимая боль – все это бьет в нос, как спертый воздух из лавки старьевщика. Воздуха мне, Клавиго! Мелкий эгоизм отравителен, особенно когда он пытается рядиться в одежды альтруизма.

Впрочем, зима была роскошной и солнечной, любовь витала* между небоскребами, а мы безмятежно наблюдали за вещами, на которые никак не могли повлиять – безмятежно, но не забывая, – кроме наблюдения были цветы, музыка, чувства. Мы понимали, что в глазах глубоких мыслителей это выглядело стыдно, но мы отчетливо понимали, что единственное, ради чего стоит стараться, это психически здоровым выбраться из этой катастрофы. Не стоит пытаться остановить лавину, но надо сохранять силы, чтобы позже выбраться из нее. Закалиться в огне сострадания и возмущения, чтобы стать твердым, как дамасская сталь, а не расплавиться, превратившись в бесполезные капли. Какое это старое, но вечно верное пожелание!

Какая жалость, что я не вижу сейчас вас обоих! Вы – это единственное, что помогает мне удерживаться на поверхности! Будет отлично, если вы приедете в Нью-Йорк в мае, здесь будет очень красиво!

Тысяча приветов, наилучшие пожелания и любовь вам обоим от преданного вам
Бони.

*Альме Малер-Верфель
Нью-Йорк, сентябрь 1944*

Дорогая Альма!

В последние месяцы я был занят тем, что продолжал мариновать бумагу последней книгой*, и это служит оправданием моему долгому молчанию. Я не любитель писать письма. Ты – единственный человек, с которым я, напрягая все свои силы, поддерживаю переписку. Мои домоправители в Швейцарии, мои тамошние друзья, адвокаты, налоговые инспектора и т. д. не получали от меня ни единой строчки уже несколько лет. Я просто органически не могу писать. Пойми, прими, прости и продолжай любить меня дальше!

Не принимай всерьез эмигрантские сплетни. Они хуже и глупее, чем обычные базарные склоки. Эта вещица Францена* – блестящий успех, критики отнесли к ней очень благоклонно, что еще нужно! Сам я считаю и хочу повторить еще раз, что «сотрудники»* ничуть не улучшили оригинал. Заключение Францена было лучше, а «сотрудники», на мой взгляд, представили Якововского слишком *умным*.

Но все это уже давно прошедшее время, а дела идут дальше. Сражение развернулось уже на линии Зигфрида, мир скоро снова станет открытым, и мы дружной толпой ввалимся в него, а это самое главное!

Насчет Францена я слышал, что ему стало лучше. Я кое-что почитал о сердечных болезнях и узнал, что надо спокойно работать дальше, не давая себе слишком много отдыхать. Это успокоило меня, ибо я понимаю, что он уже снова пишет.

Возвращаю тебе письмо Цокора*. Он написал и мне, в мае 1944 года; тогда его адрес был:

H.Q.G. «Polinder» Unit
С.М.Ф., Europe

Что случилось с ним дальше?

Когда вы приедете в Нью-Йорк? Я страшно по вам скучаю. Октябрь здесь просто великолепен. Перемена атмосферы (без «Одетс и Берман») будет полезной для Францена, как мне думается. Я на это время брошу курить и пить. Без этого можно вполне обойтись.

Цук был здесь* пару дней. После него осталась батарея бутылок арманьяка и барака.

Что еще? Дни, полные печали начала осени, навевают грусть и буревестники по ту сторону горизонта. Дни полны надежд, многих, внезапно наплывающих желаний, влекущих за океан.

Что в личной жизни? Все, как летом, надеюсь на счастье*, которое упадет в протянутую руку – постучим по дереву!

Обнимаю тебя! Как хорошо было бы сейчас оказаться в вашем саду!

Салют! Салют!

Ваш

Бони.

Альме Малер-Верфель
Нью-Йорк, декабрь 1944

Дорогая Альма!

Тысяча благодарностей за твое письмо. Ты права, мне надо перебраться в более благоприятный климат, но мне надо дописать эту идиотскую книгу*, и я не могу двинуться с места. Пройдет довольно много времени, прежде чем я смогу начать работать на новом месте. К тому же ты скоро снова будешь здесь.

Это была несказанная радость – видеть тебя, прекрасно сознавать, что ты существуешь здесь, в этом идиотском мире.

Обнимаю и прочее. Пусть все, что ты желаешь, окажется у тебя в новом году.

Как всегда, твой старый друг

Бони.

*Альме Малер-Верфель, Лос-Анджелес
Нью-Йорк, январь 1945*

Моя дорогая!

Это была плохая новость! За несколько дней до этого я читал ваше интервью с этой королевой Луэллой Парсонс и думал, что у вас все в порядке, ибо гению надлежит быть сильным, иначе застрелишься из бутылки из-под содовой.

Я надеюсь – от всей души надеюсь, – что сейчас все стало лучше. Франц – невозмутимый старый боец, его нелегко запугать. Он выдержит.

У меня здесь случился грипп, он сейчас свирепствует в Нью-Йорке. Я боролся с ним, как привык, – вишневой водкой. Здесь побывал Цук, тоже подцепил эту заразу, и примчалась Иобс – ухаживать за ним. Заболела и она. В результате оба праздновали Рождество таблетками сульфидина, а известно, что с ними нельзя пить горячительное. В это время дети, оставшиеся одни в заснеженном Вермонте, высосали на Рождество все запасы водки.

Дорогая моя! Я надеюсь, что все будет хорошо! Как чертовски мало можно для вас сделать! Только сидеть здесь, надеяться и верить, что все пойдет, как надо. Если бы можно было законсервировать несколько десятков тысяч сердцебиений и отправить в виде новогоднего подарка, который можно в качестве резерва положить в холодильник! Но Франц справится! Главное, чтобы он выдержал сейчас, а потом мы его выходим. В новогоднюю ночь, когда все пишут на бумажках свои желания, сжигают записки, а потом проглатывают пепел, чтобы желание сбылось, я написал: «А теперь оно должно исполниться».

Мне вернулось письмо, отправленное Цокору. Здесь мало что можно сделать, потому что вопрос не в деньгах. Между Штатами и Англией курсирует только военный транспорт, пассажирские лайнеры не ходят. Я записал адрес и попробую узнать, что можно сделать. Отдай письмо, однако, в Европейский кинофонд, Лисль Франк, может быть, она знает больше, чем я.

Тысячу раз привет – и пиши мне безотлагательно, пиши, что все хорошо.

Всегда твой,

Бони.

*Бенджамину Хьюбшу
Нью-Йорк, 28.03.1946 (четверг)*

*Отель «Амбассадор»
28 марта 1946*

Дорогой господин Хьюш!

Здесь несколько строчек для книги Верфеля; переведите их и используйте, как это будет Вам угодно. Надеюсь, что это послужит лишь прологом к будущим начинаниям.

С наилучшими пожеланиями, Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Верфель: Star of the unborn⁶

Завещание великого поэта и друга людей отражается от высокого неба утопии, и от этого становится еще долговечнее, яснее и сильнее. Исполненную мысли, фантазии, поэзии, сатиры и философии, эту великую книгу надо перечитывать снова и снова, и каждый раз находить в ней новые сокровища.

⁶ Звезда нерожденного (англ.). – Примеч. пер.

Описания зимнего сада принадлежат к самым грандиозным и most terrifying⁷ сценам в мировой литературе.

Эрих Мария Ремарк.

Ингрид Бергман
Сентябрь 1946

Эти дни сентября. Они, словно стрела, пронзают сердце. Текучие, исполненные безымянного прощания, старых надежд и обещаний, золотые и тихие, лишённые сожалений. Для того чтобы яснее сохранить в памяти опыт юности во всей его яркости, и наступает этот мифический девятый месяц года: начало второй жизни, осознанной, но без пессимизма. Есть и вино, похожее на сентябрь – «Оппенгеймер» 1937 года, несколько бутылок которого мне когда-то посчастливилось ухватить. Теперь они у меня. Позвони мне, пожалуйста, когда будешь здесь, скажи, что останешься, – и мы с тобой выпьем одну бутылку этого сентябрьского вина.

Но не делай это слишком поздно – жизнь и вино не ждут, – октябрь тоже чудесный месяц, но он другой. За ним следуют голые факты и бесконечные дожди ноября.

Ингрид Бергман
После 25.09.1946

Я знаю, это странно, но после того, как я увидел Жоан на экране, я не могу снова представить себе ее лицо. Отныне это всегда будет твое лицо. Теперь, когда я смотрю на сложенную фотографию, присланную тобой в письме, я верю, что она выглядела в точности, как ты. Это не обвинение в духовном убийстве; это история смерти и воскресения.

Отныне все будут представлять ее себе в бурях, громах, молниях и пейзажах твоего лица, и я, хочу я этого или нет, буду захвачен этим волшебным перевоплощением. Здравствуй и живи счастливо. Она умерла прекрасной смертью в твоих объятиях.

Эмилю Людвигу
Нью-Йорк, 20.12.1946

Дорогой Людвиг!

Ваше письмо удивило и обескуражило меня. Я получил его только вчера; оно было переслано мне вслед. Дата письма говорит о том, что оно шло очень долго; я надеюсь, что в промежутке Ваше сердце снова заработало лучше. Халкионические дни – желтая шелковая палатка, красный «Шарлахбергер» 1902 года – это, конечно, было давно, но ведь было! Это было и осталось, отлитое в бронзе прошлого, и точно также остались Ваши книги, Ваш труд, осталось то, чего Вы достигли, – и вот теперь пара брехливых деревенских собак смогла настолько вывести Вас из себя, что Вы на несколько месяцев лишились способности работать? Я телеграфом послал Вам слова Палленберга*, сказанные им после того, как ему показали пару особенно идиотских замечаний бестолковых критиков. Палленберг великодушно произнес: «Они настолько глупы, что я даже не могу их игнорировать».

Успех выковывается на наковальне зависти и злобы, и я много раз убеждался, что так оно и есть. Надо опираться на нечто иное, нежели жалкое равенство. Этого мало. Лично я никогда не хотел быть на той стороне, ибо я глух к ругани в мой адрес. Если на человека шипят, значит, он жив. Я всегда был глух к направленной на меня злобе; реагировать на нее – дать им достичь своей цели. На такое человеколюбие я не способен. По-моему, ругаться можно только с братьями – до тех пор, пока языки не отвалятся, но не более того. Злиться?

⁷ Наиболее устрашающим (англ.). – Примеч. пер.

Ну, нет! Если Вы не радуетесь нашему успеху, то мы сами вдвойне за него порадуемся! Где наш «Штейнбергер-Кабинет» двадцать первого года? Раскупорим его, вдохнем его аромат и возвеселимся тому, что он у нас есть (а не у этих пивных кретинов), порадуемся тому, что ругают нас, а не мы. Мы намного лучше их.

Я понимаю, что иногда приходится переживать падения, когда одновременно рвутся многие нити. По большей части, в таких случаях помогают пережить потерю десять человек, которые продолжают, невзирая ни на что, трудиться, а не один, проявляющий слезливое сочувствие. Иногда, правда, его проявляют и два, и три человека одновременно; тогда можно немного отступить. (У мужчин тоже бывает нечто вроде женских месячных). Возможно, такое произошло и с Вами. В конце концов, мы же не лесорубы. Но наша способность к восстановлению выше, чем у мясников. Эта способность в Вас всегда меня поражала. Мне даже в голову не приходит, что может быть по-другому. Да оно и не происходит по-другому. Природа решила, что Вам надо собрать все силы, мобилизовать все резервы. Вы не сделали этого в полном здравии, и природа прибегла к более сильному средству.

Сделали это местные хвастуны – пусть копченая колбаса застрянет у них в кишках. Но все это не имеет никакого значения. Не хотите ли Вы на пару недель приехать в Париж? Деревенская жизнь делает человека деревенщиной; в Париже человек всерьез воспринимает важное, то важное, о котором он в иных случаях просто забывает. Один день в Лувре, и статьи из «Нойе Цюрхер цайтунг» перестают казаться Вам истиной в последней инстанции. Повторю еще раз то, что говорю всегда: я ничего не хочу менять! Вы тоже! Жизнь наша была полна чудес; она была добра к нам, она обогатила нас. Взамен она требует одного: бесстрашия. В дикой природе страх пахнет экскрементами. Утешимся же от наших бед; если бы не они, мы давно стали бы закаменелыми музейными экспонатами. Но нас питает неистощимое мужество. У Вас оно было всегда. Вам знакомо старое изречение Рихтгофена: «Вперед и не трястись! Не поддавайтесь дуракам!»

Надеюсь весной пересечь океан, и уж тогда мы с Вами достанем старый коньяк из моего погреба. Что бы ни говорил Вам доктор, старый коньяк – это самое лучшее, что можно придумать для греческих сердец.

Наилучшие пожелания Вам и фрау Эльге.

Ваш старый Ремарк.

Неприменно напишите, что теперь Вы чувствуете себя лучше!

Бригитте Хорни

03.11.1950 (пятница)

Высокоцитимая волшебница!

Всегда что-нибудь да должно прокиснуть! Тяжкие раздумья заставляют меня усмехнуться при воспоминании о твоём последнем звонке! Не уловила ли ты во мне черствость и бездушие из-за того, что я сказал о необходимости диктовать и о секретарше? Это несправедливо! Эллиен Янссен ушла от меня со скандалом и великими претензиями – и мне пришлось для написания наиболее важных писем искать ей замену. И я ее нашел, женщину (59 лет), жену деревенского секретаря Аммана. Она живет в Локарно и имеет пятерых детей, а теперь приходит ко мне ежедневно на двадцать минут (дольше задерживаться она не может), чтобы печатать письма издательским прохвостам и адвокатам. Поэтому (как это ни стыдно) я вынужден спешить.

О, чудесная царпка! Уже во вторник я отбываю во Францию! Не знаю, где я смогу тебя настигнуть – если смогу! Позвони! Или застрели меня, вот тебе моя грудь.

Как у тебя дела с визой? Будь осторожна! С этой визой ты должна пройти пограничный контроль и в Нью-Йорке. В порту какой-нибудь ретивый иммиграционный инспектор, даже при действующей визе, может развернуть тебя.

Я тебя предупредил.

Скажи на милость, мстительная фурия, как я покажусь на глаза твоей матери, если ничего не смогу рассказать ей о тебе? Я должен твердо стоять на знакомой мне почве.

От волнения я выпил четыре бутылки водки. Дрожащими лапами я добавил туда слишком много глицерина, и она запахла бриолином. Четыре бутылки!

Да, кстати, где зеленая шаль? Она запала мне в душу.

Жалей и береги себя.

Антон, алкоголем подогретый.

*Феликсу Гуггенхайму, Лос-Анджелес
Порто-Ронко, 15.12.1951 (суббота)*

*Господину
Доктору Феликсу Гуггенхайму
Дель-Валле-драйв, 6259
Лос-Анджелес, 48
Калифорния*

Дорогой господин доктор Гуггенхайм!

В середине ноября я написал Вам письмо, которое, как выяснилось через несколько дней, оказалось излишним, и поэтому не было отправлено.

Между тем дело с Шерцем обернулось так, как я и предполагал. Согласно Вашему желанию я предоставил Вам полную свободу рук в переговорах и не вмешивался в них, хотя и не всегда считал верными способы, какими Вы их вели.

Вы пытались добром чего-то добиться от Шерца, однако этот подход медленно, но верно довел нас до роли нищих просителей, которым он в своем последнем письме высокомерно посоветовал проваливать ко всем чертям.

Тон Ваших писем относительно Шерца никогда мне не нравился; даже в последнем Вы льстиво подчеркиваете значимость его самого и его издательства и просите его о маленьких финансовых уступках. Само собой разумеется, что при таком самоуничтожении и объявлении о готовности к уступкам, хотя сам Шерц о них даже не помышлял, ситуация и вовсе становится необратимой; дело выглядит так, словно мы – злостные нарушители договора, которых Шерц справедливо поставил на место.

Нам надо было с самого начала настаивать на наших правах и грозить ему судебным иском. Судебное разбирательство, без сомнения, было бы для Шерца большей неприятностью, чем для нас. Теперь же мы должны либо со стыдом отступить, либо выдвинуть иск, ибо тот обмен письмами, который между нами состоялся, не может иметь разумного продолжения. Сам иск чреват осложнениями, ибо Шерц из Ваших писем – не знаю, на законном ли основании, – сделал вывод о том, что мы хотим отступить от условий договора. Он поспешил подтвердить этот вывод и прислал мне назад рукопись. Мне тяжело заново просматривать все Ваши письма и ответы на них Шерца. Кроме того, это занятие было бы просто бессмысленным, так как надо нанимать швейцарского адвоката, чтобы оценить, сколько мы уже потеряли.

В любом случае я прошу Вас пока не писать Шерцу, так как после моего к нему письма в высшей степени возможно изменение нашего образа действий. Кроме того, после этой переписки мне теперь надо знать, какими правовыми возможностями я обладаю.

Из чисто личных побуждений я бы очень хотел дать понять Шерцу, что это он много лет бегал за мной со своим договором, что с меня довольно обвинений в обмане и что я считаю самым простым и естественным выходом возбудить процесс в связи с ситуацией, интересующей бесчисленных писателей. Что же касается его «рекламации», равно как и условий, согласно которым приходится покупать kota в мешке, то я бы приветствовал открытое решение, позволяющее получить восторженные суждения других издателей об этой книге. Одновременно мне хотелось бы сообщить ему, что ему не нужно хранить мертвое молчание по поводу своей позиции, что, напротив, мои различные издатели, с которыми я поделился сутью дела и которым я предъявил некоторые письма Шерца (как и он поступил с моей книгой, показав ее своим знакомым), настоятельно просили меня предоставить им эти письма как орудие контрпропаганды в мою пользу. Именно последний пункт показывает мне, что мы должны были прежде всего подчеркнуть. Для Шерца это было бы тем более неприятно, потому что он выступил бы в роли пугала и нарушителя договора. К сожалению, и по вполне понятным причинам, Вы придерживались точки зрения, что всю эту историю не следовало предавать огласке из опасения повредить книге. Я в это нисколько не верю. Если хотите, мы можем подождать до ее выхода в Америке. Если реакция будет положительной, то это даст нам еще больше материала против Шерца.

Я понимаю, что все это может кончиться ничем. Но сейчас мною, помимо всего прочего, движет личная гордость – я не хочу ничем быть обязанным Шерцу, который боится за свои деньги. Прошу Вас, сообщите мне, в чем, на Ваш взгляд, заключается юридическая проблема, и, если правовое положение неопределенное, я все же, несмотря на это, выскажу Шерцу свое мнение.

Заботиться о книге в настоящий момент уже поздно, и, в противоположность Вам, я не сторонник того, чтобы заваливать Германию моими книгами. Я считаю правильным спокойно продолжать переговоры с другими издателями, а тем временем позаботиться о продаже прав на «Триумфальную арку». Если весной выйдет новое издание этой книги, то у нас будет достаточно времени для подготовки второго издания к осени. Трудность заключается лишь в том, что и у Шерца есть на это договор. Если мы оспорим договор на новую книгу, то не сможем продавать «Триумфальную арку» на стороне; к тому же он уже заявил, что готов взять на себя распространение книги. Все, что мы теперь можем, на мой взгляд, сделать, это пригрозить ему иском и публичным выходом из договора, чтобы принудить его наконец к уступкам. Этим была бы обеспечена продажа «Возлюби ближнего своего» и улучшение условий на «Триумфальную арку». Не сделав этого, мы упустили очень важные месяцы, и теперь наше положение хуже, чем в самом начале. С Вашей стороны тоже уже мало что можно сделать. Мне придется начать все дело сначала, но стоит ли это делать – совершенно иной вопрос.

Большое расстояние, отделяющее нас друг от друга, делает это предприятие весьма хлопотным, как и тот факт, что мы можем общаться только письмами. Я, например, чувствую, что Вы воспримете это письмо как указание, каковым оно не является. Это всего лишь мое мнение, но в письме оно выглядит более сурово, чем при встрече. Я никоим образом не хочу умалить Ваш труд, но то, что можно обговорить в личной беседе за пять минут, в письмах занимает несколько недель, и даже в этом случае решение часто оказывается недостаточным.

Еще раз хочу подытожить мои пожелания. Мне бы хотелось, если это окажется возможным, так продавать мои книги, чтобы я получал за них швейцарские франки. Мне не так интересно получать доллары. Есть альтернатива получать марки как промежуточную валюту и продавать их здесь, меняя на франки, но, как я вижу из газет, такой обмен чреват ежедневными финансовыми потерями. Кроме того, в отличие от Вас, я не придерживаюсь того мнения, что в моих интересах иметь дело с возможно большим числом издателей. Если мы находим хорошего издателя, то он с большим интересом будет работать со мной, потому что в этом случае он получит и мои следующие книги. Я вижу это на примере многих других издателей. Немцы не

могут позволить себе такого разнообразия. Вы приводите в качестве обоснования конкуренцию, но она выполняет стимулирующую роль недолго. Далее я бы не хотел, чтобы мои книги появлялись на рынке все сразу. Подготовка новой книги занимает, по меньшей мере, два, а то и три года. Поэтому мне думается, что книги надо выпускать в продажу постепенно, малыми, так сказать, порциями, чтобы не было перенасыщения. Публика, которая каждые несколько месяцев видит мою новую книгу, держит меня за плодовитого писателя и не думает о том, что за этим стоит.

Это письмо вышло почти таким же длинным, как по обыкновению Ваши. Кстати, это единственный пункт, в котором я солидарен с Шерцем – Вы страстный любитель длинных писем.

Если будет возможность, пришлите мне письма Шерца, которые я отправлял Вам, их, действительно, можно использовать как орудие пропаганды в мою пользу.

Насколько я слышал, Вы еще не получили экземпляр «Галлея». Вместо него Вам пришлют первый экземпляр книги. Рукопись Вашему секретарю я еще не выслал. Надеюсь, что я раньше буду в Германии и привезу его с собой. Я все еще здесь и не имею ни малейшего желания туда ехать. Так как я не хотел бы, чтобы книга вышла раньше осени (появятся иностранные издания, а это обеспечит нам более прочные позиции), то времени у нас еще предостаточно.

Прошу Вас, вышлите мне копии договоров в Дешем. Что-то я никак не могу найти их у себя.

Слава богу, наконец-то этот образец эпистолярного жанра подходит к концу. Примите это письмо за то, чем оно в действительности и является – дружеским обменом мнениями. Я же знаю, что Вы всегда искренне отстаиваете мои интересы.

Мои наилучшие пожелания на Рождество и Новый год, до скорого свидания и сердечное спасибо за Вашу работу.

С горячим приветом, неизменно
Ваш
Эрих Мария Ремарк.

P.S.

Недавно я получил из Франкфурта-на-Майне известие от студии «Константин-фильм» о том, что в марте на экраны выйдет «Триумфальная арка» и некоторые люди хотят сделать ему рекламу с помощью книготорговцев, издателей и т. д. Они думают напечатать книгу в иллюстрированных немецких журналах, сопроводив публикацию кадрами из фильма, для чего, естественно, потребуется наше разрешение. Одно это сделало бы весьма желательным, чтобы книга к этому времени уже обрела своего издателя. Кроме того, есть люди, которые хотели бы поставить радиоспектакль по книге продолжительностью пятьдесят минут.

Со мной выразил желание поговорить некий доктор Ганс Опрехт. Насколько мне известно, Вы с ним знакомы. Я не хочу ничего предпринимать без Вас. Пожалуйста, если Вы сочтете меня чрезмерно осторожным, немедленно дайте мне об этом знать.

*Издательству «Кипенхойер и Витч», Кельн
Нью-Йорк, 05.06.1952 (четверг)*

Глубокоуважаемые господа!
Я между тем отослал Вам часть корректуры и пришлю авиапочтой на этой неделе остальное.

В некоторых местах я сделал примечание, так как вспомнил о том, что доктор Гуггенхайм по Вашему совету сообщил мне: в обращении «шарфюрер» и т. п. не должно быть слова «господин», но потом вы уточнили: речь шла об обращении со стороны свободного человека,

а заключенные должны обращаться именно «господин шарфюрер». Я полагаю, что правильно Вас понял, и прошу Вас удалить правку на стр. 31, 58, 62, 83, 104 и 111.

Еще я хотел бы попросить Вас проверить один факт на стр. 42. Там за несколько батонов хлеба и некоторое количество картофеля требуют три марки. Цена, так как дело происходит на черном рынке, должна быть высокой. Пожалуйста, поправьте цену, если она слишком высока или, наоборот, низка и черкните мне об этом пару строк, потому что тогда надо будет внести поправку в разговор между Лебенталем и номером 509.

Я обнаружил, что в присланной мне корректуре отсутствуют страницы 134–137. Прошу Вас прислать мне их.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что книга будет называться «Der Funke Leben»⁸, а не «Ein Funken Leben», как указано в корректуре. Я полагаю, что все главы будут начинаться с новой страницы, и очень прошу Вас сохранить все абзацы в главах в том виде, в каком они представлены в рукописи. Текст в книге очень насыщенный и трудный, поэтому абзацы необходимы, чтобы хоть немного его оживить. Я везде подчеркнул места, где абзацы были Вами отменены. Мне кажется, что Вы вполне могли бы сделать абзацы на одну строчку шире, так как даже я сам иногда их пропускаю при чтении.

Я буду Вам очень обязан, если Вы сообщите мне, когда книга будет издана, и был бы еще больше Вам обязан, если она выйдет не в августе, а позже, осенью. Дело в том, что в конце июля я собираюсь приехать в Европу и в Германию и с удовольствием организовал бы свой визит так, чтобы привести книгу в еще больший порядок. В бернской газете «Бунд» было опубликовано обсуждение, которое я посылаю Вам в приложении к письму.

С самым сердечным приветом,
Эрих Мария Ремарк.

Я был бы рад увидеть текст на суперобложке до выхода книги из печати, чтобы иметь возможность поделиться своими предложениями. Считаю важным подчеркнуть, что эта книга не столько обвинение, сколько свидетельство воли к жизни и триумфа духа.

*Эрне Рудольф, урожденной Ремарк, Бад-Ротенфельде
Нью-Йорк, 11.06.1952 (среда)*

Дорогая Эрна!

Я приеду в Европу в первой половине июля. Пароход прибудет в Роттердам, откуда я отправлюсь в Амстердам, и, поскольку это не очень далеко, я хотел бы навестить вас.

Пожалуйста, напиши, удобно ли мне будет остановиться у вас, или лучше забронировать номер в отеле. Это можно сделать в любом случае, но мне хотелось бы знать заранее.

Надолго задержаться я не могу, мне надо поскорее оказаться в Берлине. Откуда можно вылететь в Берлин – из Оснабрюка или Ганновера?

Я очень прошу тебя *никому* не говорить о моем приезде, чтобы мы могли спокойно провести вместе пару дней. То же самое скажи отцу. В последний день перед моим отъездом он может, конечно, нарушить молчание, но вначале пусть будет так.

Надеюсь, тебя уже выписали из больницы. Напиши, как дела у тебя и папы.

У меня изменился адрес:

Пятьдесят седьмая Ист-стрит, 320.

Мои наилучшие пожелания и привет отцу, тебе и твоему мужу*, и до скорого свидания.

Эрих.

Кнуту Штуббендорфу, Лидинге

⁸ Искра жизни (нем.).

Нью-Йорк, 11.06.1952 (среда)

Глубокоуважаемый господин Штуббендорф!

Я получил оба Ваши письма, из которых сделал вывод, что я неправильно Вас понял, и теперь мне ясно, что Бонье хочет поместить в издание критический разбор моих книг с короткими биографическими сведениями в качестве введения, а не статью, состоящую из нагромождения сплетен, вымыслов и фантазий, распространяемых обо мне в определенных германских кругах уже на протяжении двадцати лет.

Если мои издатели считают такое введение необходимым, это их дело: я со своей стороны не собираюсь ни вносить в него исправления, ни высказывать о нем свое мнение (это лучшее лекарство против язвы и стенокардии, которыми я и без того уже давно страдаю). Без сомнения, мои издатели понимают, что я не стану снабжать их данными, фотографиями и т. д. для этого введения (это будет очень тяжело для меня), и что даже при таком несовпадении наших взглядов считаю вполне целесообразным мое дальнейшее сотрудничество с издателями.

С наилучшими пожеланиями,
преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.

*Издательству Альберта Бонье, Стокгольм
Нью-Йорк, 27.06.1952 (пятница)*

Уважаемые господа!

Я хотел бы обратиться к Вам по одному деликатному делу, которое вопреки моему желанию приняло довольно неприятный оборот, и, честно говоря, я просто не знаю, с чего начать.

Некоторое время назад господин Кнут Штуббендорф написал мне письмо, в котором сообщил, что перевел мою последнюю книгу и что Вы или литературный журнал, выходящий в Вашем издательстве, планируете опубликовать статью, посвященную выходу книги в свет. Господин Штуббендорф хотел получить от меня биографические данные и т. д. Я написал ему письмо, в котором изложил то, что счел целесообразным, кроме того, в дружелюбной форме сообщил ему, что мне было бы интереснее прочесть что-нибудь о моих книгах, а не обо мне самом.

Господин Штуббендорф на этом, однако, не успокоился и написал мне еще два письма, в которых задал мне несколько вопросов, касающихся моей личной жизни. Я был удивлен, потому что господин Штуббендорф лаконично и убедительно сообщил мне, что некоторые мои книги были написаны только ради денег, о чем я раньше не имел ни малейшего представления. Помимо этого, я понял, что, очевидно, он, кроме прочего, хочет использовать материал публикаций, которые непрерывно распространяются в Германии на протяжении последних двадцати лет. Я ответил господину Штуббендорфу прилагаемым письмом, на которое он ответил мне письмом, которое я тоже прилагаю.

Я не знаю, что задумали Вы или редактор литературного журнала, но я не думаю, что возможен еще какой-то ответ на последнее письмо господина Штуббендорфа.

Сегодня я отправляюсь в Европу. В середине июля мне можно будет писать по адресу: Порто-Ронко близ Асконы, Тичино, Швейцария. Я был бы рад услышать от Вас пару слов о том, что можно сделать в этой печальной ситуации. Я вступил в переписку с господином Штуббендорфом, так как полагал, что он представляет издательство. В противном случае я без обиняков отклонил бы всякие предложения подобного рода.

С наилучшими пожеланиями,
преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.
Карен Хорни

Предположительно конец октября 1952

Возлюбленный мой ангел!

Я наконец получил ответ на мой телефонный звонок и с ужасом узнал, что тебя упрятали в лазарет. Все это произошло от того, что я надолго дезертировал и перестал заботиться о тебе! Сейчас, когда я каждое воскресенье председательствую за столом у камина (о, эти окорока и душистые сады иезуитов!), мой спаниель мог бы потащить нас по снегу и льду Центрального парка в темный полночный час (хотя я периодически издаю невротический вой, я ни на минуту не забываю, что должен объяснить тебе суть психоанализа), а потом мы бы бодро вернулись и принялись пить великолепный коньяк.

Увы, мой ангел, для твоего покорного слуги, к которому незаметно подкрался диабет (с тех пор как я об этом узнал, я стал спекулировать на сахарной бирже), настало время воздержания, во всяком случае, на какое-то время, но ты меня перещеголяла и загремела в госпиталь! С нас вполне достаточно и одного больного! Дай мне только подлечить печень и приезжай. Теперь ты нужна нам всем больше, чем когда-либо при наших неврозах, параневрозах и бегстве в призрачный мир богоугодной шизофрении. К сожалению, ты не имеешь никакого права уставать, и мы должны твердо стоять на том, что ты нас не подведешь и не разочаруешь. Такое случилось бы впервые, и что в этом случае начнут вытворять свежевылеченные психопаты, можно сравнить разве что с неистовством пляски святого Витта и бредом истериков самого мрачного Средневековья. Вот, у меня уже что-то начало подергиваться под правым веком, в юго-восточном углу.

Похоже, что вернулась весна, на улице стоит по-настоящему теплая майская погода, и я припас для тебя пару бутылок Шамбертена тридцать седьмого года и Йозефсхофера сорок девятого. Эти вина великолепны, а так как мы с тобой пока не можем их пить, то они будут самым поэтичным (хотя и не удовлетворяющим) символом в мире: томление без насыщения, но зато с целью!

Радуйся! Салют! Привет! Любовь!

Твой Алоизиус де Сукре III, младший, урожденный фон Окорок.

P. S. Передай своей бродяге-дочери, чтобы она позвонила мне в первой половине дня!

P.P.S. Double Ave, Salute, Servus, Scotch and Magnum Love.

Карен Хорни

Предположительно конец октября 1952

Сладкая моя!

За окном идет снег, и поэтому я посылаю тебе немного весны, мая, Порто-Ронко, Мошии и мира – торговец цветами обещал, что бутоны непременно, один за другим, распустятся, – чего я и сам себе время от времени желаю вместо мрачных ожиданий – сегодня сад, завтра пустыня, а послезавтра ночлежка.

Вчера здесь был астролог. Этот Сени (Шиллер «Смерть Валленштейна») объявил, что плохой период (середина октября до конца ноября – сядь, если стоишь: это плохой период для печени, желчного пузыря, легких, сердца и внутренностей) заканчивается, а потом будет становиться все легче и легче, пока в конце декабря не станет совсем легко. Так как мы должны встретиться именно в это время, то для нас обоих все переменится к лучшему. Будем надеяться, что улучшение будет скорым. Звезды с нами! Да и сами мы не промах! Салют! Мы снова будем бодры и сможем наслаждаться самой изысканной едой и напитками!

Я целыми днями работаю*. Ты пока успокойся и не думай о работе, которую приходится отложить. Я всегда так делаю, когда работаю. В этом смысле я король банальностей. Не надо рваться. Скажи себе: кто рано встает, тому... и т. д.

Представь, мои книги поглощают все – они всегда это делают, но им и этого мало, они так застыт мне глаза, что я перестаю за деревьями различать лес. Опять избитая шутка!

Ангел, воспользуйся Рождеством, чтобы окончательно выздороветь. Будь нашим младенцем Христом, порази нас своим мелодичным и заразительным смехом.

Салют и поцелуй —
твой Дитрих Бернский и Порторонкский.

P. S. Эти цветы называются тигровыми лилиями. Они соединяют в себе лилейно-белую невинность и силу тигра. Этим они похожи на тебя. У тебя невинный вид, но древняя прыгучесть*.

*Денверу Линдли
Порто-Ронко, 02.11.1953*

С днем всех душ!

Дорогой Денвер!

Это всего лишь небольшое дополнение, но есть небольшая заминка на следующих страницах (где Гребер делает предложение). Этот кусок потерялся, и я его перепечатал, но для того чтобы сделать что-нибудь конструктивное, я посылаю первые страницы XVI главы, чтобы ты мог сказать своим ворчливым издателям, что источник худо-бедно, но неуклонно снова начал бить.

Я немного расширил пятую главу, которую заново просмотрю, и надеюсь, что отошлю ее приблизительно через неделю, а остаток книги – к концу ноября. Никаких заминок больше быть не может. Но, прошу тебя, не проявляй особого нетерпения.

Я не вернулся вовремя домой, и Бог за это наказал меня шестинедельным дождем.

Я пробуду здесь до января, чтобы проконтролировать в Германии последние детали и собрать материал и подробности для следующей книги.

Естественно, ты можешь, по своему желанию, показать книгу в книжных клубах, может быть, уже в декабре, но только всю целиком, а не частями. В противном случае она потеряет свой эффект (я уже опасался этого в случае с «Ladies Home Journal»).

Май-июнь пятьдесят четвертого года будет, вероятно, моим лучшим временем за последние двенадцать лет.

Почему бы нам не закончить наш перевод (последний, окончательный и бесповоротный) в Санкт-Морице? Спроси у своих издателей!

С любовью,
Эрик.

*Юридической конторе «Гринбаум, Вольф и Эрнст», Нью-Йорк
Предположительно, январь 1954*

Уважаемые господа!

Это отчет о моих путевых расходах за 1951 год.

Эти расходы связаны с написанием книги «Искра жизни», тема которой – концентрационный лагерь в Германии. Я сам, находившийся с 1933 года за пределами Германии, мог в своей работе опираться только на источники. Я беседовал с сотнями людей, посетил быв-

шие концентрационные лагеря, лагеря беженцев и потратил определенную сумму на помощь людям в моих изысканиях. Берлинской журналистке Ф. фон Резничек я заплатил около трехсот пятидесяти долларов, руководителю отдела по связям с общественностью полицей-президиума Берлина около трехсот долларов. Книги, копии донесений и пр. обошлись мне приблизительно в триста пятьдесят долларов. Оплата секретарю, записывавшему устные сообщения и перепечатававшему сообщения, содержащиеся в полицейских журналах или в донесениях полицейских комиссариатов, ежемесячно составляла около ста пятидесяти долларов, транспортные расходы секретаря около двухсот пятидесяти долларов, на еду и оплату гостиничных номеров – около шестисот долларов. Всего

Беседы с Резничек \$ 350.00
Беседы в полицей-президиуме 300.00
Книги, копии и прочие материалы 350.00
Секретарь, оплата за 4 месяца 600.00
Расходы секретаря за 4 месяца 850.00
Автомобиль, бензин, страховка, налог 500.00
Итого \$2950.00

(Автомобиль был мне необходим для того, чтобы ездить в отдаленные небольшие населенные пункты.)

Поездка из Нью-Йорка в Европу и обратно, включая железнодорожные билеты и чаевые, составила 1900.00.

Итого \$4850.00

Прочие расходы на изыскания 300.00

Итого: \$5150.00

Если Вы посчитаете мои расходы на отели и приглашения опрашиваемых лиц, полагая тридцать долларов в день, то это не полностью покроет расходы. Иногда мне приходилось приглашать на обед десять, двадцать человек, чтобы побудить их к откровенности; мне приходилось дарить подарки, тратиться на еду для их детей, чтобы получить нужные мне сведения.

Как Вам известно, эта книга подвергалась нападкам не только со стороны лиц, симпатизирующих нацизму и им подобных, но и подверглась критике со стороны тех, кто знал, что я не был в Германии, когда там хозяйничали нацисты. Отсюда необходимость тщательно выверять все части, все мельчайшие подробности. Мне приходилось буквально гоняться за людьми, чтобы получить у них дополнительную информацию после первой беседы, потому что в промежутке они успевали уехать на другой конец страны. Людям, которые знали, что я пишу книгу, мне приходилось платить за сведения, некоторые требовали пятьдесят процентов предполагаемой прибыли (за информацию, которой я вообще не мог воспользоваться).

Я израсходовал сумму намного больше той, которую вычли из моих налогов. Естественно, мне пришлось нанять секретаршу, которая ездила со мной по лагерям, перепечатывала материал, не существовавший в книжном виде. Потом я нашел другую секретаршу для первой печати рукописи, а потом для ее перепечатки и т. д.

Могу сказать, что мой труд был в данном случае тяжелее труда многих других писателей – мне требовалось написать историю, но такую историю, в которой каждая деталь была бы правдоподобной до истинности, я не мог полностью опираться на воображение, но лишь на добросовестные исследования. Надеюсь, что это поможет Вам в составлении налоговой декларации.

С дружеским приветом,

Эрих Мария Ремарк.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 18.01.1954 (понедельник)*

Дорогой господин доктор Витч!

Посылаю первые шестнадцать глав новой книги*. Всего в ней двадцать семь глав, то есть триста двадцать страниц в напечатанном мною формате.

Я не считаю хорошей идеей посылать отдельные главы в «Квик»*. Это ослабит воздействие книги. Лучше отправить им книгу целиком. Вы получите ее в конце месяца; моя секретарша* ежедневно печатывает около одной главы; правда, у нее есть еще одна работа, и поэтому я не могу получить от нее больше. Все мои издатели со всех сторон давят на меня угрозами, чтобы скорее получить переводы, которые они хотят издать одновременно с Вами. Поэтому я посылаю Вам только одну копию, потому что это все, что у меня есть. Для меня было бы большим подспорьем, если бы Вы немного повременили и отправили в «Квик» гранки или поручили бы своему секретариату сделать для них еще одну копию. Если бы Вы одновременно сделали пару копий для меня, то это было бы большой помощью с Вашей стороны. Нанять секретаршу здесь очень трудно, особенно зимой, здесь просто никого нет, а мне нужен человек, который мог бы читать корректуру и разбирать мой почерк.

Это, конечно, мелкие проблемы, но они создают определенные неудобства.

Я считаю, что публикация в Вашей газете* (Вы получите до конца января всю рукопись для набора) не должна состояться слишком рано, либо незадолго до выхода книги, либо немного позже, но лучше всего, чтобы это произошло *одновременно*. Иначе пропадает весь эффект (я столкнулся с этим при экранизации «Триумфальной арки»).

Вас должно заинтересовать, что книга уже (в сыром переводе предыдущей рукописи) принята американским издательством «Клуб «Книги месяца».

Скоро должен приехать Гуггенхайм. Может быть, стоит ему предложить книгу «Квику»? Не надо ли пока подождать? Вы, конечно, можете поступить, как Вам удобно, – я же приеду в Кельн позже, где-то в феврале.

С сердечным приветом,

Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Прошу Вас выслать мне назад отосланные Вам главы. Они могут понадобиться мне здесь, и к тому же это позволит избежать путаницы.

Ваш Э. М.Р.

*«Космополь-филм», Вена
Порто-Ронко, 09.12.1954 (четверг)*

Уважаемые господа!

К сожалению, я только вчера получил Ваше второе послание и, к своему глубокому огорчению, обнаружил, что это всего лишь первая часть сценария.

Еще находясь в Монтекатини, я ожидал, что рукопись, которую я был должен Вам выслать, окажется слишком длинной, и поспешил поинтересоваться у Вас и господина Пабста*, сколько страниц должно быть в рукописи. К моему удивлению, и Вы, и господин Пабст ответили мне, что в рукописи должно быть около ста страниц, а не семьдесят, как предлагал Вам я.

Большой вопрос, стоит ли – как это постоянно происходит в Америке – для того, чтобы придать больше значимости фильму, делать его на полчаса, а то и на час длиннее. Как Вам

известно, этот прием часто и с успехом используется в Америке – в фильме «Унесенные ветром» и других; однако, разумеется, что окончательное решение этого вопроса остается за Вами.

Я, также как и Вы, считаю правильным, чтобы до моего отъезда в Америку мы с Вами провели обстоятельное обсуждение. Однако в настоящий момент, на мой взгляд, подобное обсуждение окажется бесцельным, так как в нашем распоряжении нет даже сырого сценария, и поэтому я с нетерпением ожидаю Ваших следующих посланий.

В данный момент я нахожусь в весьма странном положении. Из рукописи у меня есть только то, что Вы прислали мне в виде сценария, и пара страниц из моей собственной рукописи, которые Вы прислали мне несколько недель назад. По Вашей просьбе я тогда отослал Вам отредактированную рукопись, и Вы пообещали мне как можно быстрее снять с нее копию и вернуть мне. Вы этого так и не сделали, если не считать присланного Вами пакета с небольшой частью рукописи. Поэтому я лишен возможности делать какие-то предложения, ибо у меня нет под рукой материала.

Был бы Вам очень признателен, если бы Вы выслали мне копию или оригинал в случае, если он Вам больше не нужен. Если Вас пугают расходы на перепечатку копий, то запишите их на мой счет. Мне представляется более чем странным, что я написал сценарий, а теперь, не имея его на руках, должен по памяти вносить исправления в Ваш сценарий!

Несколько недель назад я написал Вам письмо, в котором сообщил, что, отправив вторую рукопись, считаю выполненной обусловленную договором работу и поэтому просил Вас произвести причитающуюся мне выплату. Объем пока не определен, но я, несмотря на повторные запросы, так и не получил от Вас ответа на это письмо. Разрешение на выплаты сумм, согласно моему контракту, имеет временные ограничения, и я прошу Вас отдать необходимые распоряжения и одновременно сообщить мне об этом.

Как Вы знаете из моих писем, я не считаю, что этим исчерпывается мое участие в создании фильма, а напротив, полагаю, что дополнительные обсуждения и обмен мнениями по поводу сценария просто необходимы. Надеюсь вовремя получить остаток Вашего сценария, чтобы я мог спокойно его перечитать. Мне, как и Вам, хочется, чтобы фильм получился как можно лучше, и я сделаю для этого все, что в моих силах.

С горячим приветом,
преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.
Константину, принцу Баварскому
Санкт-Мориц, 12.01.1956 (четверг)

Дорогой Константин!

Я очень рад, что Вы смогли воспользоваться фотографией. Учитывая необходимость спешки, на чем настаивает издатель, чтобы облегчить Вам поиск биографических сведений, я посылаю Вам некоторые сведения о себе, из которых Вы можете выбрать все, что Вам угодно, но лучше ничего.

Сейчас работаю над одной вещью*, впервые не романом – оказалось, что это занятие возбуждает сильнее.

Наилучшие пожелания от Вашего
Эриха Марии Ремарка.

Санкт-Мориц, 12.01.1956

Э.М.Р. родился 22.06.1898 года в Оснабрюке. Отец – профессиональный военный*, служил в военном флоте, а затем в стрелковых частях под командованием Виссмана, принимал участие в боевых действиях в Юго-Западной и Восточной Африке, а затем в организации коло-

ний. Э.М.Р. был рядовым солдатом, призван в армию в 1916 году, в 1917 получил тяжелое ранение.

В 1919 году вернулся в школу. Основал Союз гимназистов и семинаристов – участников войны; как его представитель ездил в 1919 году в Берлин, где в министерстве культуры настоял на том, чтобы всех участников войны принимали на специальные курсы с упрощенными вступительными экзаменами вместо того, чтобы возвращать их в обычные школы и семинарии. В 1919 году работал учителем в одной забытой Богом деревне, но не выдержал, и в том же 1919 году отец устроил его на голландское торговое судно*. Ходил на нем несколько месяцев, потом вернулся и с одним товарищем организовал фирму по продаже надгробных памятников*. Затем стал театральным критиком, позже рекламщиком в Ганновере, где, как и все остальные, писал о резине и покрышках. Потом стал редактором в «Спорт в иллюстрациях».

В 1928 году написал роман «На Западном фронте без перемен», изданный в 1929 году. За несколько месяцев тираж превысил один миллион экземпляров, а книга была переведена на 32 языка. В 1931 году Э.М.Р. переехал в Порто-Ронко в Швейцарии, где купил дом. В 1933 году в Германии его книги были сожжены. После того как в 1939 году Э.М.Р. был лишен германского гражданства, он переехал в Америку, где жил в Калифорнии и Нью-Йорке. В Калифорнии как человеку, рожденному в Германии, ему было запрещено выходить из дома после восьми часов вечера и удаляться от дома дальше, чем на пять миль.

До этого написал следующие книги: «Возвращение», 1931 год; «Три товарища», 1936 год, «Возлюби ближнего своего», 1941 год. За время комендантского часа написал «Триумфальную арку», 1945 год, которая, так же как «Возлюби ближнего», не была опубликована на немецком языке, но, несмотря на это, снискала почти такую же популярность, как и его первый роман. Так как после поражения нацистов германское гражданство, отнятое ими, не было возвращено Э.М.Р., он в 1947 году стал гражданином США. Написанные позже книги: «Искра жизни», 1952 год; «Время жить и время умирать», 1954 год.

«На Западном фронте без перемен», запрещенная в Италии с 1929 по 1945 год, а в Германии с 1933 по 1945 год, теперь продается там свободно, но зато в 1947 году книга была запрещена в России, где до этого печаталась миллионными тиражами. Теперь книга запрещена только в России.

Р. живет в Европе и в Америке.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 10.06.1956 (воскресенье)*

Дорогой доктор Витч!

Я рад, что наш разговор в Цюрихе принес-таки ожидаемые плоды, и высылаю Вам сегодня первые девяносто девять страниц новой книги.

Мне бы очень хотелось – думаю, так же как и Вам, – чтобы она вышла перед Рождеством текущего года, и поэтому высылаю ее Вам по частям, чтобы Вы могли начать работать с ней немедленно. Надеюсь переслать всю книгу до начала июля.

20 сентября в театре «Ренессанс» состоится постановка моей пьесы*, приуроченная к началу Берлинской недели, с участием Хайдемари Хатхейер.

К этому времени я рассчитываю быть в Берлине, где надеюсь увидеться с Вами.

Когда приблизительно Вы хотите переиздать «На Западном фронте без перемен»? И как?

Сердечный привет от преданного Вам

Эриха Марии Ремарка.

Большое спасибо за прекрасные книги!

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 01.07.1956 (воскресенье)*

Дорогой доктор Витч!

Отсылаю Вам следующие пять глав (VII–XI).

Изложить вкратце содержание книги* я не могу. Если бы мог, мне не потребовалось бы для этого около трехсот восьмидесяти страниц.

Книга заканчивается прекращением инфляции (23 декабря). Рассказчик покидает город, едет в Берлин, и этим завершается его затянувшаяся юность – ожиданием будущего.

Итак, эта книга почти без политики, почти без трагизма и почти без смертей – если не считать одной-двух.

Я хочу, чтобы вы прислали мне две или три из сделанных Вами копий. Или, может быть, пришлете гранки? У меня связи с двадцатью издателями, и мне, вообще говоря, нужны двадцать копий. Где я могу их сделать здесь, в Асконе?

Через неделю пришлю остальные главы.

Сердечный привет от Вашего

Эриха Марии Ремарка.

Между прочим, для текста на суперобложке можете использовать тот факт, что я сам действительно занимался продажей надгробных памятников* и играл на органе в психиатрической лечебнице*.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 06.08.1956 (понедельник)*

Дорогой доктор Витч!

Я отправляю Вам главы XXI–XXVII, то есть окончание «Черного обелиска».

Сегодня получил первые гранки XI главы, но, к сожалению, только в одном экземпляре, без копий. Пожалуйста, пришлите хотя бы еще одну копию, чтобы я мог оставить ее у себя вместе с корректурой и мне не приходилось бы каждый раз снова прочитывать всю книгу.

Надеюсь, что после первой правки гранок сможете прислать мне *несколько* ее копий – они понадобятся мне для отправки другим издателям. Здесь очень тяжело с изготовлением копий – местные машинистки работают очень медленно.

В плане рекламы книги в тексте на суперобложке небезынтересным является тот факт, что во времена инфляции я действительно некоторое время работал в конторе по продаже надгробных памятников, а также был органистом в психиатрической лечебнице.

Прошу также побыстрее прислать мне готовые гранки – в сентябре мне придется работать над пьесой в Берлине*, и было бы неплохо, если бы до тех пор мы бы покончили с нашим делом.

С сердечным приветом

Ваш

Эрих Мария Ремарк.

P.S. Я только что получил договор с «Ауфбау»* и отправляю Вам, кроме того, письмо господина Янки*, (в приложении) моему переводчику в Нью-Йорке. В этом письме господин Янка пытается получить старую рукопись без сокращений, так как он хочет опубликовать именно ее, не спрашивая об этом ни Вас, ни меня. Для меня согласие с предложением такого договора (из Восточной Германии) было бы нарушением правовых обязательств, так как обладателем прав на договор располагает Гуггенхайм в Америке. Теперь Вы понимаете, чего добивается господин Янка.

Скажите ему, что издание должно отражать последние правки автора, другие варианты не подлежат публикации, о чем извещаются в том числе и зарубежные издательства*.

Осторожнее с этими людьми!

Письмо его прошу мне вернуть!

Спокойно напишите Янке, что письмо Вам прислали из Америки.

«Кипенхойер и Витч», Кельн

Порто-Ронко, 18.08.1956 (суббота)

Уважаемые господа!

Я той же почтой отправляю Вам колонки гранок «Черного обелиска» с первой по семьдесят девятой. Надо обратить внимание на следующее:

1) Все абзацы в главах должны быть на одну строчку шире – иначе они будут трудны для восприятия. *Это очень важно!* Из-за этого может возникнуть путаница у читателей. Я понимаю, что издатели склонны экономить, но я настаиваю на своем предложении!

2) Очень часто невозможно различить абзацы внутри абзацев, например, в диалогах, так как строки полностью совпадают с предыдущими. Я предлагаю в таких случаях в начале каждого абзаца делать отступы чуть больше, что позволит избежать путаницы, ибо при равных строках прямая речь и ответ переходят друг в друга, и читателю приходится возвращаться к началу, чтобы с этим разобраться. Там, где это необходимо, я вставил значки [или [→. В этих местах надо немного увеличить отступ. Вот так:

В четверг 23.08 я буду в пути, а 24.08 остановлюсь в «Ритце», в Париже, где пробуду до 10.09. После этого мне можно писать в отель «Штайнплац» в Берлине.

Пожалуйста, пришлите отпечатанные гранки именно туда.

С сердечным приветом, Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн

Берлин, 25.09.1956 (вторник)

Дорогой доктор Витч!

Высылаю остаток корректуры «Черного обелиска».

Я полагаю, что Вы осведомлены об успехе моей пьесы*, выдержавшей уже тридцать спектаклей и удостоенной положительных отзывов критиков. Думаю, что этот успех принесет пользу и роману, особенно если мы не станем затягивать с его выпуском и в журналах появятся отзывы с фотографиями.

До воскресенья 30 сентября я останусь здесь для того, чтобы еще раз исправить рукопись* пьесы. Вы заинтересовались? Как издатели?

Сценические права* переданы на один год.

С сердечным приветом,

Ваш Эрих Мария Ремарк.

Берлин, отель «Штайнплац»,

Уландштрассе, 25.09.1956

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 30.10.1956 (вторник)*

Дорогой доктор Витч!

Я получил первые экземпляры «Обелиска». К сожалению, моя радость от прекрасно сделанной книги была омрачена тем, что некто, окопавшийся в ваших рядах, посчитал необходимым в последнюю минуту внести изменения – и это после того, когда казалось, что все в полном порядке.

Как Вам известно, мы, *как правило*, диалоги начинаем с новой строки. Мы никогда не помещаем в одной строке слова двух собеседников. В корректуре все это было учтено. Теперь же книга изобилует строками, в которые втиснуты реплики двух персонажей, то есть речь второго собеседника не начинается с красной строки. Я уверен, что это было сделано для копеечной экономии – в стремлении сократить объем хотя бы на пару строк.

Вот лишь немногие примеры, которые бросились мне в глаза при беглом просмотре:

Страница 336	Строка 15 Вместо	«Фрау Вацек! Кому еще?» – Я молчу «Фрау В. – кому еще?» Я молчу –
Страница 344	Строка 7 Вместо	Бах. – «Была Луна». Бах. «Была Луна»
Страница 371	Строка 5	«Кто об этом знает» Кавычки вместо красной строки
Страница 375	Строка 12	«Да», сказал я. – «Зачем» Предыдущее слово взято в кавычки, а его надо было начать с новой строки.

И такая история по всей книге. Вы не скажете мне, зачем это было сделано? И можете ли Вы сказать мне, зачем на странице триста шестьдесят семь абзац, важный для предыдущей сцены, был оторван от предыдущей фразы и перенесен в следующую строку, что сделало обе сцены совершенно бессмысленными, уничтожив их воздействие на читателя?

Я тщательно исправлял все неточности на каждой странице, так скажите на милость, зачем надо было потом все менять? Радость моя безнадежно испорчена, и я теперь буду очень внимательно следить за тем, чтобы этого больше не повторилось.

Не будет ли Ваша бухгалтерия любезна предоставить мне выписки о Ваших мне выплатах за 1951 и 1952 годы? (Выписки за 1953 и 1954 годы у меня есть.)

Кроме того, мне надо знать, сколько я получил от Вас к 1955 году, то есть суммарно за 1951, 1952 и 1955 годы.

Эти сведения мне нужны для составления налоговой декларации. Буду благодарен, если Вы вышлете мне эти сведения.

С сердечным приветом, Ваш
Эрих Мария Ремарк.

Большое спасибо за присланные экземпляры.

*Гансу-Герду Рабе
Нью-Йорк, 09.05.1957 (четверг)*

Дорогой Ганс-Герд!

Я только что получил твое письмо и не стану дожидаться возвращения в Оснабрюк (как я поступил в прошлый раз), а отвечу тебе немедленно. Это странно, но я питаю к Оснабрюку любовь, граничащую с ненавистью, и всегда с неприязнью воспринимаю вести оттуда. Нет для меня ничего более чуждого, чем этот город. Уже много лет, правда, мне хочется один раз побывать там, но, добравшись до Европы, я еду через Париж или Милан к себе домой в Швейцарию, а время всегда летит так быстро, что я просто не успеваю повидать Оснабрюк. Этот город запечатлен в моем сердце так же, как и в твоём, – ведь мы оба родились и росли там. Для вас я «дитя мира», но здешние друзья называют меня «оснабрюкцем». Человек не должен ни от чего отрекаться, и, как ты видишь, во всех моих книгах невольным фоном является О.

Что ты сейчас делаешь? Я помню, что в последнюю войну ты был майором, – почему ты об этом не пишешь? И почему ты вообще ничего не пишешь? Из нас двоих ты всегда был более одаренным, и в 1919 году я был уверен, что ты станешь писателем. Никогда не поздно: примеры позднего созревания таланта ты и сам знаешь – К. Ф. Мейер, Конрад и т. д. Германии нужны новые зрелые таланты, а не слишком молодые. Вчера я сформулировал из трех слов мое жизненное кредо: независимость, терпимость и юмор (это не ограничение, это – основа), отсюда уже можно исходить. Делай то же самое.

С любовью
и наилучшими пожеланиями,
твой
Эрих.

*Феликсу Гуггенхайму, Лос-Анджелес
Нью-Йорк, 19.11.1957 (вторник)*

Дорогой Феликс!

Пересылаю Вам письмо господина Артура относительно кинематографического кредита.

Мое мнение: сценарий, над которым я работал, был так сильно изменен – собственно, он оказался написанным заново вплоть до мелких деталей, – что я не могу требовать указания моего авторства, да и не хочу этого делать. Напротив, я бы лучше с полной ясностью заявил, что не являюсь его автором, а поскольку сценарий уже опубликован, то я бы хотел найти способ как-то это исправить.

Для того чтобы Вы хоть отчасти представили себе, насколько со мной не считались, как с автором, я приведу маленький пример. В моем варианте была одна строчка, ярко рисующая характер Польмана. Когда Гребер спрашивает его, не сомневался ли он когда-нибудь в существовании Бога, Польман отвечает: «Сомневался. Часто. Как бы я иначе мог верить?»⁹ Это окно, позволяющее заглянуть в измученную душу. Человек, который писал последний вариант сценария, превратил эту фразу в банальное общее место: «Без сомнения нет оснований для веры» (что, само по себе, весьма сомнительно).

Я взял на себя смелость вернуть на место прежнюю строчку, ту, которую написал я. Через десять дней, прошедших после того, как истек срок действия договора, меня пригласили на студию, где заново снимали сцену в соответствии с новым вариантом. К тому времени сценарий был у меня в руках, и на нем (не спросив меня) напечатали: «Автор – Э. М. Ремарк». Какая наглость! Однако это должно показать Вам, что я не являюсь более автором этого сценария.

В конце фильма есть две сцены, сцены очень опасные, и мне кажется, что они опускают весь фильм на уровень дешевой слезливой мелодрамы. Первая сцена касается письма от Элизабет, которое читает Гребер. Голос Элизабет доносится до зрителя, как сигнал спутника из-

⁹ Э. М. Ремарк. «Время жить и время умирать». Перевод Н. Н. Федоровой.

за облаков, этот голос дышит сентиментальностью, она оповещает Гребера о том, что ждет ребенка, – эту сцену можно исправить: Эрнст держит письмо в руке и обсуждает его с другим солдатом – как я предлагал. Вторая сцена: на поле боя, словно призрак, возникает образ Элизабет, которая протягивает букет цветов умирающему Греберу. Тяга к такому ублюдочному хэппи-энду наполняет решающую сцену фильма таким дурным вкусом, что я уже предвижу разгромные статьи критиков и смех зрителей в зале – смех в том месте, где его ни в коем случае не должно быть.

Несмотря на то что я хотел изменить собственные строки, продюсеры фильма заявили о своих полных на него правах и строго-настрого приказали ничего не менять в сценарии. Они должны, однако, понять, что я, несмотря на мои дружеские чувства к Элу Даффу, Э. Мулю и Дугласу Серку, не хочу иметь никакого отношения к подобным сценам и должен со всей определенностью объявить: я не писал ничего подобного.

Поверьте, мне очень неприятно на этом настаивать – до этого мне казалось, что все шло хорошо и будет так же идти и дальше, и я сделал все, что было в моих силах для сохранения этого положения. Я очень сожалею, что вынужден согласиться с произведенными изменениями и сыграть роль, о которой я Вам рассказал, но отныне я не могу считаться автором сценария. Я уверен, что существует способ как-то это уладить, не испортив фильм, – но это надо уладить.

С наилучшими пожеланиями,

Эрик.

P.S. С сегодняшнего дня и до 25 ноября я буду находиться в Чикаго, а потом вернусь в Нью-Йорк. Может быть, еще удастся вернуть последним сценам первоначанный вид, если Ф. Муль или Эл Дафф пустят в ход весь свой авторитет. Дорогой Ф., все это уже выходит за рамки одного только сценария. Прошу Вас, попытайтесь изменить хотя бы две заключительные сцены. Мне кажется, что сначала надо поговорить с Мулем – он первый помощник продюсера, но, впрочем, я предоставляю выбор на Ваше усмотрение. Наверное, будет легче изменить, для начала, всего две сцены. Конечно, самое лучшее – это прийти к какому-то удовлетворительному соглашению. (Возможно, заключить новый договор.) Вижу, как Вы смеетесь. Давайте же посмеемся вместе.

Привет Вам обоим,

Ваш

Э.М.Р.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 04.08.1958 (понедельник)*

Дорогой доктор Витч!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше письмо и дружеские слова. Очень прошу Вас не высылать мне газетные вырезки. Я никогда не выписывал газет и надеюсь впредь придерживаться этого обычая. Самое плохое пусть обрушивается на меня без участия друзей.

Примите также благодарность за книги. Если Вы издадите что-то по египетскому искусству, то мне хотелось бы испросить экземпляр и для себя (если возможно, то на английском языке, чтобы моя жена* тоже могла ее прочесть), если такая просьба не покажется Вам чересчур нескромной.

Греческое дело* – вещь абсолютно типичная – такое в наше время происходит повсеместно, и мне кажется, что Общество защиты авторских прав проявило скорее некоторое благородство и отсутствие понимания иронии, заявив, что виновником является одно из его отделений.

Будьте так добры, получив более подробные сведения, перешлите их Гуггенхайму и попросите его действовать дальше самостоятельно. Вполне вероятно, что были украдены и другие книги, и он сможет это выяснить. Впрочем, эта мелочь едва ли достойна Вашего внимания. Если Вы черкнете об этом пару строк Гуггенхайму, как я Вас попросил, то я смогу спокойно вернуться к написанию новой книги*, которая очень неплохо продвигается.

Я не уверен, что буду здесь в сентябре, и будет очень жаль, если мы не увидимся, но надеюсь, все получится.

С наилучшими пожеланиями, Ваш
Эрих Мария Ремарк.

*Иоахиму Пьеру Пабсту, Гамбург
Нью-Йорк, 22.05.1959 (пятница)*

Дорогой господин Пабст!

Посылаю Вам первые три главы романа. Сожалею, что он получился длиннее, чем я рассчитывал, но, когда делаешь работу, она начинает выбиваться из задуманных схем, и ты получаешь верный, зрелый, настоящий роман. Надеюсь, Вас это порадует. Для меня это означает, что работать придется больше, чем я думал. Через короткое время за этими главами последуют и другие. Мы решили 28 июня лететь в Порто-Ронко, а так как нам пришлют машину, то этим летом мы сможем* поехать в Гамбург, потому что мне и без того надо побывать в Северной Германии, чтобы повидаться с сестрой*.

Пожалуйста, простите за задержку с книгой, но Вы же понимаете, что не всегда человек волен распоряжаться своими фантазиями. Взамен Вы получите книгу, которая, как я надеюсь, станет моим главным сочинением.

С сердечным приветом, преданный Вам и Вашей жене
всегда Ваш
Эрих Мария Ремарк.

Я здесь, в Порто-Ронко, завладел внушительными запасами «Шато Лафита», «От Бриона» и «Шво» для летних вечеров на озере. Приезжайте дегустировать!

В следующем письме я пришлю Вам мои предложения по заглавию, так как прежнее – «Падение в жизнь» – Вам не понравилось (признаюсь, мне оно тоже не очень нравится).

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 06.04.1961 (четверг)*

Дорогой доктор Витч!

Отвечаю Вам, вопреки моему прискорбному обыкновению не всегда это делать, сразу и без промедления, так как сама мысль видеть Вас в положении скулящего обиженного пуделя мне очень неприятна. (Едва ли оно нравится и Вам).

Я был страшно рад видеть Вас здесь, у себя, – так рад, что могу повторить свою глупость о том, что не может быть и речи о «неудаче», как раз напротив. Мне очень по душе (и это мое собственное предложение) лично передать рукопись «любимчикам» – к тому же мы получили огромное удовольствие от совместно выпитого здесь вина.

Это правда, что я удивлен заявлениями «любимчиков» – так же, как я был удивлен и более ранними заявлениями в Вашем журнале, которые всегда производили впечатление предпочтения, каковое Вы мне выказывали. Я всегда считал это дурной рекламой, и странно, что среди всех моих издателей такое приключилось у Вас. У автора возникает неуверенность, и само собой разумеется, что он, когда это повторяется, начинает думать: не будет ли он лучше чувствовать себя в другом месте. Так далеко я пока не заходил, но время от времени спраши-

вал Гуггенхайма, какие у этого могут быть причины. Он всегда меня успокаивал, однако, когда я показал ему последние отзывы, в которых новая моя книга была поставлена в один ряд с другими, ему это тоже не слишком понравилось, не считая того, что остальные книги не являются моими главными произведениями.

Поскольку такие отзывы (я когда-то был шефом рекламного отдела в «Континентале») я воспринимаю хуже, чем вообще их отсутствие, я попросил Гуггенхайма передать Вам, чтобы Вы впредь не упоминали моих книг, по крайней мере, в такой форме. Такого же мнения я придерживаюсь и сейчас.

Все прочее касательно того, что и как говорят о самом Гуггенхайме, лучше не воспринимать всерьез – естественно, никто на самом деле так не думает, и его потрепанные перья еще засверкают.

Что касается расчета побочных прав на аванс, то об этом мы уже кратко переговорили. Я против того, чтобы издательство начисляло себе пятьдесят процентов, но в нашем случае это оправданно, так как аванс достаточно большой (даже американская авторская гильдия против дележа пятьдесят на пятьдесят). В аванс нельзя включать часть автора, так как издательство также не включает в него свою долю.

Если Вы хотите отказаться от своей доли, то стоит подумать о том, чтобы включить побочные поступления целиком в аванс. (Вижу, как Вы усмехаетесь. Поверьте, я делаю то же самое.)

Мне приятно, что Вы собираетесь выпустить проспект. Правда, если распространять его осенью, то для книги это будет поздновато, но, насколько я понимаю, Вы хотите выпустить его раньше.

Впрочем, однако, мне стоит доверить все деловые переговоры Гуггенхайму. Он в этом вопросе будет заодно с Вами.

Очень надеюсь, что приеду в Кельн, правда, не знаю, когда.

С сердечным приветом, как всегда,

Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн

Порто-Ронко, 20.05.1961 (суббота)

Дорогой доктор Витч!

Только что я встретил в Асконе Вальтера Меринга. Вид у него растерянный и несчастный. Насколько я понял, он ждет контракта с Вами на свою последнюю книгу* и, естественно, аванса, а также оплаты перепечатки, которые Вы ему, как он мне сказал, обязались включить в условия контракта.

Он, бедный человек, очень неопытен в житейских делах, и я не знаю, насколько верно я передаю Вам то, что он мне сказал. Если все, что он сказал, – правда, то Вы поступили бы очень достойно и великодушно, если бы немного отклонились от традиционных процедур, учитывая его отказ от предложения другого издательства в пользу Вашего. Теперь он чувствует себя человеком, сидящим одновременно на двух стульях, и с Вашей стороны было бы достойно принять нужное решение.

Я обнаружил здесь длинное письмо, пришедшее от Вас в мое отсутствие. То, что Вы думаете о Гуггенхайме, не вполне соответствует действительности – напротив, он всегда был за то, чтобы я издавался у Вас. Именно он увел меня из «Деша» и направил к Вам.

Между тем я получил авторский экземпляр «Жизни взаимы»; суперобложку я считаю очень эффектной, понравилась мне и печать. Надеюсь, что теперь у Вас есть книга, удовлетворяющая Вас и как делового человека, но поживем – увидим. Надеюсь также приехать после работы в Кельн. Уеду я на следующей неделе. Потому что возле моего дома затеяли ремонт

дороги, и всю следующую неделю здесь будут грохотать отбойные молотки. Поеду в «деревню», в Нью-Йорк, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

Сердечный привет от Вашего

Эриха Марии Ремарка.

Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн

Порто-Ронко, 15.06.1961 (четверг)

Дорогой доктор Витч!

С непривычной для меня быстротой возвращаю Вам фотографии. Можете использовать их, как Вам угодно, мне нравятся обе.

Относительно Меринга я думаю приблизительно то же самое, что и Вы. Эти нервные авторы никогда не воспринимают события в их реальном виде.

Меня очень заинтересовало то, что Вы пишете о молодых редакторах, ученых и т. д. Сильное неприятие прошлого мне в целом понятно – куда, собственно говоря, завело их наше и предыдущее поколения? При этом страдают и те, кто был против, но это ничего не меняет – совершенно ничего, хотя, возможно, это неприятие заходит слишком далеко в подсознательное нежелание быть пойманным в ловушку. Полностью очистить стол, убрать с него абсолютно все и тщательно проверять все, что на нем появляется, – такой подход кажется мне неплохим основанием и началом.

Критику в «Зюддойче цайтунг»* я нахожу разумной. Эта книга может вызвать отторжение, так как она выбивается из ряда написанных мною ранее произведений, и многие критики будут настроены против того, что действие разворачивается в отеле «Ритц» и дорогих ресторанах.

Отправляю Вам также две вырезки из «Книжного обозрения «Нью-Йорк таймс»*, в котором из приблизительно пяти тысяч романов выбрано двадцать три. Один из них – «На Западном фронте без перемен», ставший в Германии объектом спецпропаганды и уже поэтому заслуживающий благодарности.

Меня радует, что Ваши отношения с Гуггенхаймом снова наладились. Меньше радует то, что Вы с таким упрямством хотите изменить уже заключенный договор. С легкой усмешкой вспоминаю я свой старый афоризм: никогда не сближайся с издателями, потому что эта дружба часто приводит к тому, что они начинают снижать авансы и пересматривать договоры в свою пользу.

Издатели охотно забывают, когда хотят включить побочные права в аванс, что они в качестве вознаграждения получают их львиную долю и что это является причиной сопротивления авторов, не желающих отдавать кровно заработанное издателю.

Я считаю, что доля издательства в побочных правах явно завышена, и вместе со мной так считает Писательская лига Америки, которая советует авторам – своим членам – не подписывать подобные кабальные договоры.

С тем, что Вы платите высокие авансы, решительно не согласен Гуггенхайм. Он сказал мне, что мог бы в другом издательстве найти и более высокие авансы.

Мы можем поступить просто – аннулировать договор, если задним числом он показался Вам невыгодным и затратным; я ни в коем случае не собираюсь настаивать на том, что Вам кажется невыгодным. С другой стороны, Вы, естественно, понимаете, что договоры должны составлять не я или Гуггенхайм, что я не могу и не хочу задним числом дезавуировать Гуггенхайма. Он мой деловой консультант, и Вам придется быть с ним в нормальных отношениях.

В том, что касается условий выплат, мы уже пошли Вам навстречу и, возможно, будем поступать так и в дальнейшем.

То, что в качестве одного из оснований для изменения договора приводят аргумент, что мне же «слава Богу, неизвестны доходы издательства», как веселое противоречие здравому смыслу позабавило меня от души. Куда мы зайдем, если будем продолжать в том же духе?

Думаю, что все дело в затянувшихся дождях в Кельне. Забудем пока об этом и будем ждать, что принесет нам год. Надеюсь, еще до августа побывать в Кельне.

С наилучшими пожеланиями, всегда преданный Вам

Эрих Мария Ремарк.

Моя секретарша отправила Вам выдержку из критической статьи в «Чикаго трибьюн»* на «Жизнь взаимы», и вы попросили уточнить дату и номер газеты. Мне эти данные неизвестны – «Харкор» прислал мне только вырезку, к тому же мне не совсем понятно, зачем Вам нужна дата. Когда перепечатывают слова критика, обычно обходятся без даты. Если же она Вам все же необходима, то напишите в «Harcourt, Brace & World», New York, 750, Third Avenue. Там точно знают дату и номер.

Роберту М. В. Кемпнеру

Порто-Ронко, 05.01.1962 (пятница)

[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]

Дорогой дон Роберто!

Я заставил Вас бесконечно долго ждать моей рецензии на Вашу книгу – но она жгла мне пальцы, и я за это время написал целую дюжину рецензий. Всегда недоставало многого, да и сейчас немного недостает – но я понимаю, что обсуждения не должны затягиваться чрезмерно, дабы они имели эффект.

Несмотря на это, мне все время хочется что-то добавить, что-то исправить, и так могло бы продолжаться до бесконечности (именно поэтому я за тридцать лет едва ли написал пять рецензий, «беллетристика» и описание действий мне даются не в пример легче), потому что очень важно, чтобы Ваши издатели получили рецензию вовремя, а именно в этом и заключается цель, и я посылаю ее Вам с некоторой задержкой, не будучи полностью удовлетворенным написанным. Естественно, Ваши издатели имеют право публиковать рукопись целиком или частями в газетах и т. д., выпускать проспекты, включать в каталоги, а также, если Вы захотите, поместить критические отзывы либо в книгу, либо вынести их на суперобложку.

Примите мою сердечную благодарность за Вашу блистательную работу! Благодарю Вас также и за то, что Вы обратились ко мне! Скоро я напишу Вам и о том, что Вам еще пригодится. Наилучшие пожелания с надеждой на скорую встречу от верных Вам

Полетт и Эриха Ремарк.

Копию я отослал в издательство «Европа»!

Ирене Вегнер, Йена

Порто-Ронко, 16.01.1962 (вторник)

[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]

Дорогая фрейлейн Вегнер!

К сожалению, книг обо мне или о моей жизни не существует в природе – если, конечно, не считать пары пасквилей из нацистских времен, каковые, впрочем, мне неизвестны и давно канули в небытие. Издатели часто обращаются ко мне с просьбой написать автобиографию, но я всегда им отказываю, ибо считаю, что мою никому не интересную личную жизнь не следует выставлять напоказ.

Точно также я никогда не высказываюсь о своих книгах; пусть они говорят сами за себя. После того как они написаны, я уже ничего не могу для них сделать. Однако я работаю над ними до тех пор, пока они не начинают выглядеть так, будто написаны сами собой. Я убираю все, о чем, как мне кажется, современный читатель уже знает – сто раз пережеванную психологию, переходы, описания и т. д., то есть то, что уже и без того хорошо известно, и пытаюсь быть ясным и кратким настолько, насколько это у меня получается. Мои книги, возможно, выглядят как репортажи – но на самом деле это не так. За текстом всегда стоит идея. Идея «На Западном фронте без перемен» такова: молодые люди, только начавшие жить, лицом к лицу внезапно сталкиваются со смертью и вынуждены приспособливаться к этой действительности, и что из этого получается. Это по-настоящему человеческая идея, а не простое описание сцен войны.

Видите ли, в той книге я написал о себе больше, чем во всех остальных за многие годы. Надеюсь, Вы сможете этим воспользоваться.

Всего наилучшего,
Ваш
Эрих Мария Ремарк.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 26.06.1962 (вторник)
[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]*

Дорогой доктор Витч!

Могу с большим удовольствием сказать Вам, что Вы доставили мне необычную и неожиданную радость, прислав прекраснейшие в мире розы. Я, как смею надеяться, принадлежу к людям, которые скорее склонны дарить, а не получать подарки – тем сильнее моя радость от того, что иногда случается и нечто противоположное моим привычкам, тем более когда подарки приходят от издателя, то ее просто невозможно скрыть, и она всегда бывает смешана с приятным волнением. Примите мою сердечную благодарность за исполинский букет, он оказался как нельзя кстати на открытии новой террасы, выходящей на озеро. Мало что может так хорошо гармонировать с ароматом таких темных роз, как рейнские, пфальцские, а также – особенно сейчас, когда расцвело так неожиданно наступившее лето, – мозельские вина. Я припас несколько бутылок для Вас и надеюсь, что Вы приедете на исходе лета. Терраса большая, просторная, на ней прохладно, а кроме того, очень приятно сидеть при полной луне.

Сердечный привет и еще раз огромное спасибо – и до скорого,
Ваш
Эрих Мария Ремарк.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 02.10.1962 (вторник)
[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]*

Дорогой доктор Витч!

Объем книги составляет триста десять машинописных страниц.

Пока я продолжаю над ней работать*. Я понимаю, чувствую и переживаю Вашу тревогу – будет ли книга готова к сроку или нет.

Фактор неопределенности, естественно, всегда довлеет над автором. Есть книги, работая над которыми я ежедневно приходил в отчаяние, опаздывал со сдачей на два года, и за эти два года не добивался ничего, кроме инфаркта. Поэтому я, заботясь о своем здоровье, уже много лет стараюсь не назначать точных сроков окончания книг. С этой новой книгой я попал в положение быка, которого гонят с пастбища на Кирмес, и вот мы все оказались в интересном положении: Вы, исполненные благих намерений, а я в сильнейшем напряжении – успею или не

успею. Десять дней назад из-за небольшого сердечного недомогания я был вынужден прервать работу на неделю – теперь я снова в строю, но по-прежнему не могу с уверенностью сказать, когда все будет готово.

Для того чтобы и Вы, и я смогли избежать ненужных тревожений, я предлагаю для этой книги сделать иной выбор. Для этого еще есть время, и я не хотел бы стать тем человеком, который все портит, задерживает работу типографии, срывает сроки и вгоняет себя и Вас в отчаяние.

Я доделаю книгу так скоро, как смогу. Если успею к сроку, тем лучше. Я в любом случае прошу Вас заранее позаботиться о возможной замене. Поверьте, только добросовестность заставляет меня делать Вам такое предложение, и я с великой благодарностью принимаю Ваше доброе ко мне отношение.

С наилучшими пожеланиями, Ваш

Эрих Мария Ремарк.

В редакцию «Рурского вестника»

Порто-Ронко, до 10.11.1962

Глубокоуважаемые господа!

Я охотно подтверждаю, что цитированное интервью содержит неверные сведения, которые, вероятно, попали туда по недоразумению. Естественно, я не был «изгнан» из Германии – Боннское правительство не стало «милостиво приглашать меня для подачи заявления о восстановлении германского гражданства», и я не воспринял это как «наглость, на которую я не счел нужным реагировать».

Собственно, не произошло ровным счетом ничего – ни со стороны Бонна, ни с моей стороны. Я был лишен гражданства гитлеровским правительством и в 1947 году стал американцем.

Впрочем, я почти каждый год бываю в Германии. В Германии выходят мои книги, и я принимаю посильное участие в делах новой Германии, в преодолении ее прошлого – в том, чтобы ничего не забыть, ничего не простить, но мужественно и основательно разбирать старые завалы, а также бороться с уцелевшими сторонниками прежнего режима под лозунгом: никогда снова!

С наилучшими пожеланиями, Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Гансу Залю

Порто-Ронко, 18.11.1962 (воскресенье)

[Штапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]

Дорогой Ганс!

Все твои жалобы я передал Курту Вольфу, который позавчера был у меня на обеде. Курт – духовный наставник и лучший друг Джовановича, так что это самый подходящий человек, к которому следует обратиться. Их издательства теперь объединились. Вероятно, Джованович в декабре приедет сюда. Тогда я с ним и поговорю. Письма не нужны. (Он приедет сюда повидаться с Вольфом.)

Лично я думаю, что ты сделал все что мог. То, что «Таймс» опубликовала твои письма – очень достойный жест со стороны газеты. У меня тоже жена, которая постоянно на меня нападает уже много лет (за то, что я двенадцать лет назад не соизволил поухаживать за ней на какой-то вечеринке) и сильно меня критикует (думаю, что в «Таймс», но возможно, что и в «Геральд трибьюн»). Я в ответ лишь пожимаю плечами, но не без зубовного скрежета. Такие события происходят все время, каждую минуту. У меня в запасе еще много таких примеров.

Утешай себя тем, что полезна любая реклама – даже отрицательная. Почти всегда к делу при­мешивается зависть. Разве миссис Бойль не пишет на подобные темы? (Также и К. Вольф – это между нами – сказал, что она всем известная злока.)

Я хорошенько возьму в оборот Джовановича. Но – knowing the American publishers for 30 years¹⁰ – я не думаю, что сейчас, два месяца спустя, можно помочь продаже каким-нибудь простым объявлением и что Джованович тоже ничего не сделает. (Другие тоже не будут ничего делать.) То, что никто не упомянул о твоих достоинствах, глупо, но не имеет никакого значе­ния для продаж. Первоклассным я считаю твое решение писать новую книгу. Это самый лучший ответ. Мне самому пришлось бороться двадцать пять лет, прежде чем мои издатели опубликовали первое объявление о моей новой книге.

Довольствуйся тем, что тебе удалось достичь. Одна дурная критика не должна затмить множество хороших отзывов. И тысяча четыреста экземпляров трудной первой книги – это, несомненно, большой успех для Джовановича.

Не грусти, художник, пиши! (Я понимаю, что сейчас ты в ярости – но воплоти ее в буквы!) Говоришь, легко сказать? Но что остается делать?

С наилучшими пожеланиями, твой
Эрих.

Мне нравится, что ты снова разозлился!

Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн

Порто-Ронко, 25.11.1962 (воскресенье)

[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]

Дорогой доктор Витч!

Я снова вынужден подготовить декларацию о налоге на добавленную стоимость, а именно, за 1961 год.

Прошу Вас, поручите бухгалтерии выяснить размер суммы. Комиссия в десять процен­тов, которая идет Гуггенхайму, должна быть тоже включена, ее я вычту сам.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сделали это поскорее; я много задолжал во время работы, а финансовое ведомство требует представить декларацию до десятого декабря.

Частные переводы с моего счета на счет Гуггенхайма, естественно, должны считаться моими доходами.

Не могли бы Вы, кроме этого,
Гансу Хабе, улица Серодине, Каза Тульмонелла, Аскона
Курту Шойрену, район Форх, Цюрих,
Фридриху Люфту, Берлин (улицу я не помню, но это легко выяснить) выслать по экзем­плярю моей книги*.

Также Иоахиму Кайзеру из «Зюддойче цайтунг» и редактору отдела фельетонов той же газеты (я его знаю, но его имя выпало из моей памяти – старость, однако, дает о себе знать).

Вышлите и мне пару экземпляров, но в последнюю очередь.

Сердечный привет и поздравления с рождеством Вашему прекрасному издательству! Вы виситесь над остальными, как могучая башня! Здесь тихо и по-настоящему красиво – синее небо, солнце и обед на террасе.

Ваш
Эрих Мария Ремарк.

¹⁰ Зная американских издателей в течение тридцати лет (англ.). – Примеч. пер.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Порто-Ронко, 11.02.1963 (понедельник)
[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]*

Дорогой доктор Витч!

1) Как я и предсказывал, Вы, естественно, не прислали Полетт из Берлина газетные вырезки, которые она хотела отправить своей матери*, показать, что ее зять и т. д., хотя и обещали это сделать, глядя на меня невинными голубыми издательскими глазами. Наверное, их просто случайно выбросили. Как прикажете мне теперь быть здесь, в Лос-Анджелесе? (Не хотите ли, заодно, прислать мне пару критических статей Г. Хабе?)

2) Также и обещанные экземпляры «Лиссабона» до сих пор не пришли, но это только полбеда. Дело в том, что оба эти упущения можно было поставить в ряд под вторым и третьим номером, потому что я наконец вспомнил и еще кое-что —

о книге (рецензии!) для Иоахима Кайзера из «Зюддойче цайтунг»,
(статьи!) господина Небауэра из мюнхенской «Абендцайтунг».

Не слишком ли медленно движется эта рекламная деятельность? То, что уже начало медленно катиться, надо, следуя Ницше, лишь немного подтолкнуть.

Хайнц Липман из Цюриха начинает профильное обсуждение моих книг на Северогерманском радио и на других радиостанциях.

Было бы неплохо печатать объявления и в биржевом листке, я так думаю, как старый рекламщик – это принесло бы мне огромную пользу! Вы уже один раз это сделали, и это было *превосходно!*

Тысяча приветов из страны, где +8 градусов уже считают нестерпимым холодом,
от Вашего
Эриха Марии Ремарка.

*Гансу-Герду Рабе
Порто-Ронко, 30.06.1963 (воскресенье)
[Шапка письма: Эрих Мария Ремарк, Порто-Ронко, Аскона]*

Дорогой Ганс-Герд!

Большое спасибо за твои письма и прекрасную статью*, в которой содержится многое, о чем я не думал уже несколько десятилетий, и которая уже только поэтому доставила мне большую радость – не говоря уже о дружеских чувствах, громко звучащих в ней. Можешь мне поверить: все напоминает о нашей юности, – тоска и печаль о том, что она так скоро пролетела, о том волшебстве ожидания, которое позже было уже нечем заменить.

Странно, что так осторожничают оснабрюкские отцы города, хотя им не приходится делать что-то особенное. Министр-президент Ганновера и бургомистр Берлина так не поступали – они просто поздравили; и хотя я – как, вероятно, и ты – придаю мало значения годовщинам и юбилеям, понимаю, тем не менее, что за дружеское отношение надо благодарить. Как дела у тебя? Ты ведь на один или два года старше меня. Значит, ты уже пенсионер? Или в твоей профессии на пенсию уходят в семьдесят лет? Выход на пенсию означает, что отныне человек может делать только то, что доставляет ему настоящую радость. Пусть мы проведем так следующие двадцать пять лет жизни.

В любом случае дай мне знать, когда и где ты собираешься быть в Париже. Не знаю, смогу ли я приехать, но этого никогда не знаешь наверняка. Еще раз большое тебе спасибо, дорогой Ганс-Герд, я испытываю совершенно особые чувства всякий раз, когда получаю от тебя весточку.

Не напишешь ли адрес нашего Людвиг Бете. Я уже много месяцев собираюсь написать ему ответ, но где-то потерял его письмо и адрес.

Привет и наилучшие пожелания от твоего старого
Эриха.

*Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн
Рим, 01.10.1963 (вторник)*

[Шапка письма: «Альберго палаццо и Амбашатори», Виа-Венето]

Дорогой доктор Витч!

Большое спасибо за Вашу телеграмму. Однако хочу задать Вам встречный вопрос. В большинстве немецких книжных изданий значок «Защищенный авторским правом текст Э.М.Р.» и т. д. печатается в самой книге (что защищает саму книгу), но не в Вашингтоне, в департаменте авторских прав, где он регистрируется и высылается по требованию.

Мне хотелось бы знать, как поступаете Вы – какой из двух вариантов выбираете или используете оба? В первом случае (если Вы ставите значок только на книгу) мы, то есть «Харкорт, Брейс и Уорлд», должны добавить американский копирайт и внести его вместе с вашим соответствующим номером. Не должны ли это делать Вы, то есть зарегистрировать копирайт в Вашингтоне и сохранять у себя, и тогда «Харкорт, Брейс и Уорлд», мое нью-йоркское издательство, не должно больше этим заниматься. В этом случае их американское издание уже оказывается защищенным подтвержденным Вами авторским правом.

Одно, собственно говоря, ничем не отличается от другого; мне просто надо знать, регистрируете ли Вы авторские права в Вашингтоне или просто ставите значок на выпущенных Вами книгах.

В случае, если Вы регистрируете авторские права в Вашингтоне, я бы попросил Вас выслать необходимые данные о книге – дату, копию свидетельства о регистрации и подтверждение.

Мне очень жаль, что приходится входить в такие обстоятельные подробности, но таковы требования закона.

Прошу Вас, напишите об этом сами или поручите это Вашему юридическому отделу. С 5 по 12 октября я буду находиться в отеле «Эксельсиор» в Неаполе. Чтобы я наверняка получил письмо, направьте его в Неаполь, а копию в Порто-Ронко. В этом случае я его гарантированно не затеряю.

В Риме чудная погода, а в античном театре в античной Остии можно наблюдать заход солнца – это прекрасное и волнующее зрелище волшебной смены времени суток.

Сердечный привет и благодарность от Вашего
Эриха Марии Ремарка.

*Хайнцу и Рут Липман, Цюрих
Неаполь, 21.10.1963 (понедельник)
[Открытка с видом на Помпеи]*

Дорогие Хайнц и Рут!

Больше месяца я нахожусь в разъездах и в постоянной спешке, отсюда мое долгое молчание. Здесь со мной приключился сердечный приступ, и я обозревал Неаполитанскую бухту

из окна, лежа в кровати. К счастью, обошлось без инфаркта, и теперь я снова могу останавливаться на маленьких станциях. Поеду через Рим (отель «Амбашатори»), где у Полетт какие-то дела. Полагаю, что к десятому ноября мы уже будем в Порто-Ронко или в Цюрихе, где у нас обоих дела. После этого мы, слава богу, наконец останемся одни! Я никогда прежде не был в Неаполе, и то, что мне удалось побывать в Помпеях и Песто – большое счастье. Этот храм в Песто! Посреди цветущих полей, окаймленных олеандрами, стоит выстроенная на руинах трагедия. Волшебство тысячелетий, объединенное с воображением – неумолимое и великое время.

Привет от Полетт и, как всегда, сердечные пожелания всего наилучшего.

Эрих.

В город Оснабрюк

До 16.04.1964

Я вынужден отложить мое участие в Вашем чествовании на несколько месяцев. Но я с удовольствием заявляю, что с огромной радостью принимаю Ваше приглашение, как и приглашение тех господ, от чьего имени Вы ко мне обратились. Я выражаю Вам за это сердечную благодарность. Надеюсь, что до окончания весны я смогу приехать в Оснабрюк. Поверьте, что я всей душой стремлюсь после долгого отсутствия посетить мой родной город, и поэтому мы с женой охотно последуем Вашему приглашению.

С дружеским приветом и с наилучшими чувствами,

Ваш

Эрих Мария Ремарк.

Йозефу Каспару Витчу/«Кипенхойер и Витч», Кельн

Порто-Ронко, 15.07.1964 (среда)

Дорогой доктор Витч!

Наши письма снова пересеклись – и снова, в который уже раз, Ваше предложение оказалось более щедрым и более практичным, чем то, на которое я рассчитывал. Однако, поскольку Вы оставили выбор за мной и я могу выбрать из двух возможностей, то мне представляется, что проще всего оставить ситуацию такой, какая она есть в настоящий момент – когда вся сумма налогов уже и без того отправлена в финансовое ведомство. Уплата германских налогов выполнена полностью, а американские налоги, за вычетом этой суммы, оказываются намного меньше. Я пишу это на случай, если ко мне вдруг задним числом возникнут какие-то вопросы. В этом случае я сразу извещу Вас.

Поверьте, что Вашим пониманием и дружеским отношением Вы сняли камень с моего сердца, ибо, как я уже писал Вам, это, к сожалению, одно из проявлений болезни, которая повергает меня в состояние неустойчивого душевного равновесия*. Оно очень легко нарушается, и мне требуется долгое время, чтобы его восстановить. Однако эти колебания идут мне на пользу, и в последние полгода я обрел новые, неведомые мне до сих пор знания, которые я надеюсь использовать*. Об этом мы сможем поговорить во время нашей следующей встречи – о выборе темы и т. д., ибо с повторениями эмигрантской темы покончено «Ночью в Лиссабоне» (у меня невольно получилась трилогия: «Возлюби ближнего», «Триумфальная арка» и «Лиссабон»). Думаю, мне надо радикально сменить тематику, и я надеюсь написать что-то новое, более, так сказать, литературное. Именно это мне и хотелось бы обговорить с Вами, и если пророк не пойдет к горе, то мы сами приедем в сентябре в Кельн по пути в Оснабрюк, где отцы города уже выказывают свое тихое нетерпение, так как я до сих пор не получил их

медаль. Еще раз спасибо за Вашу дружескую заботу! Не хотите ли получить на новое издание «Лиссабона» американскую критику? Многие статьи очень верны или просто хороши!

Сердечный привет от Вашего старого
Эриха Марии Ремарка.
Гансу Фрику
Порто-Ронко, 17.10.1964 (вторник)

Дорогой господин Фрик!

Да, я был знаком с Вашим отцом и покупал у него ковры. Я ничего о нем не слышал приблизительно с 1937 года. Он был солидный, красивый мужчина со светскими манерами, и я встречал его в Париже и в Цюрихе, но все встречи были мимолетными. Он тогда работал вместе с неким господином Глюком. В Париже был торговец коврами Жерсон, и в магазине этого Жерсона я иногда встречал и Вашего отца. Имени Жерсона я не помню, а фамилия эта во Франции распространена довольно широко. Он очень хорошо разбирался в старинных коврах, некоторые сохранились у меня до сих пор. Больше я не могу ничего Вам сообщить, ибо видел его только мельком, когда он привозил Жерсону ковры. Помню только, что он был прекрасным шахматистом.

То, что он просил Вашу мать не упоминать о его существовании, могло быть вызвано той неопределенностью, в которой ему приходилось жить. В первый раз я увидел его в 1931 году. В то время он владел магазином во Франкфурте, но он его продал или потерял. Я знаю только, что он был вечным странником. Не думаю, что у него водилось много денег или была уверенность в надежности дела. Сама мысль о жене и ребенке казалась для этого путешественника между Будапештом, Франкфуртом, Парижем и Бухарестом пугающей. (Он был довольно близко знаком с господином Тудичем из Бухареста и господином Шефером из Швейцарии, но их адреса у меня не сохранились.) За прошедшее время очень многое происходило в жизни этих несчастных, особенно в свете того, что в их характере или в их делах отнюдь не все было в порядке, но это, несомненно, явилось следствием ненормального времени, сумятицы и политических преследований. Думаю, все люди такого рода испытывали сильный страх смерти, и я бы не стал говорить о противоречиях, о которых Вы пишете. В спокойные времена очень легко быть принципиальным человеком; однако когда перед глазами годами маячит смерть, все выглядит по-другому. Я помню лишь, что Ваш отец был интересным собеседником и, как мне кажется, лет на пять-семь старше меня. Он был крупным, солидным мужчиной (сегодня ему перевалило бы за семьдесят, возможно, даже семьдесят пять).

Если Вы пришлете мне свою книгу, то я буду очень рад ее прочитать.

С сердечным приветом,
Ваш
Эрих Мария Ремарк.

Обер-бургомистру Вилли Кельху, Оснабрюк
Порто-Ронко, 08.11.1964 (воскресенье)
[Шатка письма: Эрих Мария Ремарк]

Дорогой господин обер-бургомистр!

Теперь Вы и все другие господа, как я надеюсь, отдохнули от трудного путешествия туда и обратно. К сожалению, Вам не повезло с погодой, поэтому за время долгого путешествия Вы ничего или почти ничего не видели. Вы не представляете, как это меня огорчило. Еще утром, в день Вашего отъезда, мы питали надежду, но, как я позже услышал, уже на Готарде горы окутал густой туман, который так и не рассеялся до Вашего возвращения в наш родной город.

Мне хотелось бы именно в связи с этим еще раз сказать, какую радость доставил мне приезд – Ваш и господ из городского совета. Это было неожиданно – после нескольких десятилетий у меня было такое впечатление, что я уехал из Оснабрюка только вчера. На меня живо нахлынули воспоминания, и в разговорах выяснилось, что многое не забыто, но просто дремало, а потом проснулось. Это было прекрасное и удивительное чувство, и я хочу еще раз от всей души, от всего сердца поблагодарить Вас. Если этот приезд доставил Вам хотя бы малую толику той радости, которую испытал я, то я буду просто счастлив.

Еще раз большое спасибо и до свидания – надо надеяться – весной, в Оснабрюке.
С сердечным приветом, преданный Вам
Эрих Мария Ремарк.

Хайнцу Липману
30.11.1964 (понедельник)

Дорогой Хайнц!

Существует немалая вероятность того, что нас могут упрекнуть так же, как и группу 47: будто они пишут одобрительные рецензии на книги друг друга – учитывая, что я в этом отношении непорочная Дева Мария и никогда в жизни не писал критических разборов. Эта вероятность во много раз бы возросла, если бы я – по такому торжественному случаю – пожелал бы получить главное произведение Липмана, посвященное более близкой мне теме, нежели Карлхен. Однако, возможно, ты и твои издатели (Граббе) смогут что-нибудь извлечь из такой фразы. Как, например:

Волнующая, современная городская сказка, полная юмора, иронии и глубокого смысла!
Э.М.Р.

Эта книга дополняет произведения Белля, Андерша, и пусть так будет и ныне и присно и во веки веков.

Я не верю, что против тебя существует какой-то заговор молчания. Скорее, газеты припасают твою книгу в качестве материала для рождественских выпусков.

По этому поводу можно было бы еще много сказать – но лучше я сделаю это при встрече. У меня до сих пор не зажил указательный палец.

С сердечным приветом,
твой
Эрих.
Петеру Рамингу, Бад-Ротенфельде
Порто-Ронко, 15.04.1965 (четверг)

Дорогой доктор Раминг!

Благодарю Вас за любезное письмо, которое меня очень успокоило и, мало того, подтвердило то, что я уже много лет советовал сестре и ее мужу* – а именно, сбросить напряжение, позволять себе отдых и время от времени предоставлять себе отпуск. Насколько я понял из Вашего письма, мои советы, по большей части, просто игнорировались. Я позвоню сестре в Оснабрюк и попытаюсь еще раз воззвать к ее совести, посоветую следить за собой и тем самым облегчить жизнь Вам, как ее врачу. Странное, однако, существо – человек! Он не отказывается от своих привычек даже тогда, когда знает и слышит от других, что они – привычки – могут причинить ему большой вред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.